

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 30 (1–4),

№ 3

2022

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2022. Т. 30(1–4). № 3

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [С. М. Никитюк](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 06.10.2022. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписной индекс:

[Интернет-каталог Пресса по подписке](#) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,](#)

[на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никитюк Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, начальник академии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: academy@apu.fsin.gov.ru (главный редактор).

Асташова Надежда Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация, e-mail: nadezda.astashova@yandex.ru.

Афанасьев Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: vafanassyev@gmail.com.

Васюков Виталий Федорович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация, e-mail: vvf0109@yandex.ru.

Вахнина Виктория Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vikavahnina@mail.ru.

Воробьев Сергей Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: galievfarkhat@mail.ru.

Горностаев Станислав Викторович, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: stanislavrz@yandex.ru.

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: grishkoaleksandr@vandex.ru.

Епифанов Станислав Станиславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ess-rzn@mail.ru.

Еремкина Ольга Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: olgaeremkina@mfil.ru.

Каплунов Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

Кисляков Павел Александрович, доктор психологических наук, доцент, профессор факультета психологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pack.81@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Nikitjuk Sergej Mihajlovich, Candidate of Law, Head of the Academy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: academy@apu.fsin.gov.ru (editor-in-chief).

Astashova Nadezhda Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russian Federation, e-mail: nadezda.astashova@yandex.ru.

Afanas'ev Vladimir Nikolaevich, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Statistics and Econometrics, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: vafanassyev@gmail.com.

Vasjukov Vitalij Fedorovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, Orel, Russian Federation, e-mail: vvf0109@yandex.ru.

Vahnina Viktorija Vladimirovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: vikavahnina@mail.ru.

Vorob'ev Sergej Mihajlovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Galiev Farit Hatipovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: galievfarkhat@mail.ru.

Gornostaev Stanislav Viktorovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: stanislavrz@yandex.ru.

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: grishkoaleksandr@vandex.ru.

Epifanov Stanislav Stanislavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Operational Investigative Activities, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ess-rzn@mail.ru.

Eremkina Ol'ga Vasil'evna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: olgaeremkina@mfil.ru.

Kaplunov Andrej Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

Kisljakov Pavel Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Faculty of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pack.81@mail.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: irina_mikhaylova@list.ru.

Николюк Вячеслав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: nvv56@mail.ru.

Омелин Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: v.omelin@mail.ru.

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru.

Поникаров Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: minrs@yandex.ru.

Романов Алексей Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: a.romanov@365.rsu.edu.ru.

Серова Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и международной деятельности, Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация, e-mail: olgaserova1974@mail.ru.

Суворова Ольга Вениаминовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: olgavenn@yandex.ru.

Ульянина Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, руководитель центра, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: lelia34@mail.ru.

Чепик Ольга Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор института по кафедре бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ovchepik@yandex.ru.

Чепик Сергей Георгиевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, анализа и учета, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: sgchepik@yandex.ru.

Черемисова Ирина Валерьяновна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: irinarusa@inbox.ru.

Южанин Николай Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: yuzhanin15@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Komarov Sergej Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Mihajlova Irina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation, e-mail: irina_mikhaylova@list.ru.

Nikoljuk Vjacheslav Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, e-mail: nvv56@mail.ru.

Omelin Viktor Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: v.omelin@mail.ru.

Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Extreme Psychology for Research, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru.

Ponikarov Vladimir Anatol'evich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru.

Romanov Aleksej Alekseevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.romanov@365.rsu.edu.ru.

Serova Ol'ga Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and International Affairs, Pskov State University, Pskov, Russian Federation, e-mail: olgaserova1974@mail.ru.

Suvorova Ol'ga Veniaminovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, e-mail: olgavenn@yandex.ru.

Ul'janina Ol'ga Aleksandrovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Center, Federal Coordination Center for Providing Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: lelia34@mail.ru.

Chepik Ol'ga Viktorovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Institute at the Department of Accounting, Analysis, Finance and Taxation, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ovchepik@yandex.ru.

Chepik Sergej Georgievich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Analysis and Accounting, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sgchepik@yandex.ru.

Cheremisova Irina Valer'janovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: irinarusa@inbox.ru.

Juzhanin Nikolaj Vjacheslavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: yuzhanin15@mail.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведаы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 314** *Геранин В. В., Мальцева С. Н.* Какое наказание должно быть альтернативным пожизненному лишению свободы?
- 326** *Козин М. Н., Родионов А. В.* Методы и инструменты ведения информационной войны: новые угрозы подрыва социально-экономической и политической стабильности государства

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

- 336** *Поникаров В. А.* Особенности административной ответственности осужденных к лишению свободы
- 345** *Ковалев О. Г., Щербаков А. В.* Обыскowo-досмотровые мероприятия как важнейший фактор обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 353** *Аскеров Н. Й.* Современные проблемы и некоторые вопросы трудовой деятельности сотрудников правоохранительных органов
- 360** *Кашинский М. Ю.* Особенности криминолого-пенитенциарной характеристики личности осужденных мужчин, страдающих психическими расстройствами и состоящих на психологическом учете в исправительных учреждениях Республики Беларусь
- 374** *Наприс Ж. С., Гузенко А. Н.* Зарубежный опыт продовольственного обеспечения заключенных

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 382** *Кутякин С. А.* «Воры в законе» и их сателлиты глазами сотрудников уголовно-исполнительной системы России (опыт социологического исследования)
- 390** *Гришко А. Я., Деренова Н. С.* Принудительное лечение наркоманов в системе мер по предупреждению наркопреступлений: история вопроса
- 394** *Тараканов И. А., Руденко А. С.* Специфика эволюции уголовной ответственности за хулиганство в уголовном праве Российской Федерации

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 404** *Чиненов Е. В.* Следственные версии и направления расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 417** *Кузьмина И. А., Стручкова И. А.* Расчеты с поставщиками в условиях применения законодательства о закупках в учреждениях уголовно-исполнительной системы

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 425** *Воробьев С. М., Гапонова С. А., Девятьярова И. Н.* Особенности компетенции саморегуляции подростков – мальчиков и девочек с нормативным и девиантным поведением
- 435** *Залящев Г. С., Горностаев С. В.* Психологические особенности антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных
- 446** *Казакова Т. А.* Повышение уровня педагогического потенциала субъектов воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей
- 456** *Душкин А. С., Иванова А. М., Баширова С. Г.* Особенности самооценки подростков из неблагополучных семей, находящихся в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей
- 470** *Ольховик Н. В.* Меры предупреждения рецидивной преступности и воспитательная работа с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества
- 485** *Горшенева И. А., Крючков В. В., Лопатин Е. А., Гришина Е. В.* Применение электронного курса как средство повышения эффективности самостоятельной работы (на примере дисциплины «Иностранный язык»)

ПЕРСОНАЛИИ

- 497** *Бодько П. П., Кузнецов М. И.* Полвека в учебном заведении

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Научная статья

УДК 343.82

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.314-325

КАКОЕ НАКАЗАНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ АЛЬТЕРНАТИВНЫМ ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ?

Виталий Владимирович Геранин¹, Светлана Николаевна Мальцева²

^{1,2} Рязанский филиал Московского университета имени С. Ю. Витте, г. Рязань, Россия

¹ gvvrzn@mail.ru

² kafedraupd2015@yandex.ru

Аннотация. В декабре 2022 года исполняется 30 лет с начала применения в России пожизненного лишения свободы. Как альтернатива смертной казни, которая не используется уже свыше 20 лет, пожизненное лишение свободы утратило с ней большинство связей. Во многом изменилось его социальное и уголовно-правовое значение в системе наказаний. Однако за этот период каких-либо существенных изменений в правовом регулировании назначения и исполнения данного наказания не произошло, что отрицательно сказывается на эффективности его применения. Несмотря на столь длительное отсутствие смертной казни в перечне реально применяемых наказаний, ее влияние на общество в целом и на суд в частности по-прежнему сохранилось. По существу, при избрании наказания суд весьма ограничен в выборе. За некоторые деяния смертная казнь является естественным и даже единственным с точки зрения подавляющего большинства граждан страны ответом для своей защиты. Хотя смертная казнь и не запрещена, но в России она не применяется, суд назначает пожизненное лишение свободы. В таких условиях пожизненное лишение свободы неизбежно воспринимается как альтернатива смертной казни, ее заменитель. Вследствие этого возник своего рода организационно-правовой тупик, не позволяющий утверждать, что основная цель наказания – исправление осужденных – распространяется на пожизненное лишение свободы в той же степени, что и на остальные виды наказаний. За весь период применения пожизненного лишения свободы ни одно ходатайство осужденных об освобождении от отбывания наказания судом не было удовлетворено. В статье предпринята попытка решения некоторых ключевых для пожизненного лишения свободы проблем, что, на наш взгляд, позволит стать данному наказанию эффективным.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, смертная казнь, альтернатива, условно-досрочное освобождение, условное освобождение от отбывания

пожизненного лишения свободы, прогрессивная система отбывания наказания, изменение условий содержания осужденных.

Для цитирования

Геранин В. В., Мальцева С. Н. Какое наказание должно быть альтернативным пожизненному лишению свободы? // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 314–325. DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.314-325.

SCIENCE FORUM

Original article

WHAT PUNISHMENT SHOULD BE AN ALTERNATIVE TO LIFE IMPRISONMENT?

Vitaliy Vladimirovich Geranin¹, Svetlana Nikolaevna Mal'tseva²

^{1,2} Ryazan Branch of Witte Moscow University, Ryazan, Russia

¹ gvvrzn@mail.ru

² kafedraupd2015@yandex.ru

Abstract. December 2022 marks the 30th anniversary of the beginning of the life imprisonment application in Russia. As an alternative to the death penalty, which has not been used for over 20 years, life imprisonment has lost most of its connections. Its social and criminal-legal significance in the system of punishments has changed in many ways. However, during this period, there have been no significant changes in the legal regulation of the appointment and execution of this punishment, which negatively affects the effectiveness of its application. Despite such a long absence of the death penalty in the list of actually applied punishments, its impact on society as a whole and on the court in particular has still been preserved. In fact, when choosing a punishment, the court is very limited in its choice. For some acts, the death penalty is a natural and even the only answer from the point of view of the overwhelming majority of citizens of the country for their protection. In such conditions, life imprisonment is inevitably perceived as an alternative to the death penalty, its substitute. As a result, a kind of organizational and legal impasse has arisen, which does not allow us to assert that the main purpose of punishment (the correction of convicts) applies to life imprisonment to the same extent as to other types of punishments. During the entire period of application of life imprisonment, not a single petition of convicts for release from serving their sentence was granted by the court. This article attempts to solve some of the key problems for life imprisonment, which, in the opinion of the authors, will make this punishment effective.

Keywords: life imprisonment, death penalty, alternative, parole, conditional release from serving a life sentence, progressive system of serving a sentence, changing the conditions of convicts' detention

For citation

Geranin, V. V. & Mal'tseva, S. N. 2022, 'What punishment should be an alternative to life imprisonment?', *Man: crime and punishment*, *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 314–325, doi : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.314-325.

Традиционно пожизненное лишение свободы ставится в противовес смертной казни и потому многими воспринимается как цивилизованная альтернатива последней. Но так ли это? Может быть, точнее называть его альтернативой лишению свободы на определенный срок? Большинство толковых словарей определяет термин «альтернатива» как вынужденный выбор одной из нескольких взаимоисключающих друг друга возможностей. На наш взгляд, в России в процессе употребления смысл этого иностранного слова изменился: из него исчезли вынужденность и взаимоисключаемость, осталась лишь возможность выбора. Так, в частности, воспринимается текст ч. 1, 2 ст. 53.1 УК РФ, разъясняющих условия замещения принудительными работами лишения свободы. Именно в таком понимании мы и используем его в данной статье.

Если исходить из того, что согласно позиции Конституционного Суда РФ, поддерживаемой также рядом медийных лиц, смертная казнь в России не применяется и применяться не должна, то нормативное закрепление данного наказания в Конституции РФ и УК РФ не более чем атавизм, оставшийся нам от ушедшей эпохи. Пожизненное лишение свободы действительно было альтернативой смертной казни, но только в период, когда оба наказания применялись одновременно, а также во время действия так называемого моратория, то есть до принятия Конституционным Судом РФ постановления от 2 февраля 1999 г. № 3-П, запретившего всем судам назначать смертную казнь до тех пор, пока во всех субъектах РФ не будут сформированы суды присяжных. С этого момента и до сегодняшнего дня смертная казнь в нашей стране не назначается и не применяется уже свыше 20 лет. При этом лишение свободы на определенный срок по-прежнему «лидирует» среди всех назначаемых судами наказаний. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 г. удельный вес осужденных к лишению свободы на определенный срок составил 28,5 % от общего их числа¹. В силу этого корректнее было бы соотносить между собой реально применяемые наказания: пожизненное лишение свободы и лишение свободы на определенный срок. Что это меняет? На наш взгляд, такой подход по-иному расставляет акценты. Если пожизненное лишение свободы сопоставлять со смертной казнью, то изменение порядка и условий исполнения и отбывания этого наказания выглядит не вполне востребованным. Уже само по себе сохранение жизни особо опасному преступнику, по мнению многих представителей нашего общества, включая законодателей, – верх гуманизма, и потому потенциально возможное улучшение условий их содержания избыточно.

Вместе с тем введение дополнительных ограничений правового статуса этих лиц (ужесточение наказания) не только не вызвано необходимостью, но и противоречит общей линии государства по дальнейшей гуманизации уголовной и пенитенциарной политики. Тем не менее подобные предложения поступают. Так, председатель Госдумы В. В. Володин на очередные предложения группы депутатов о восстановлении смертной казни применительно к педофилам возразил, что вместо этого можно ужесточить условия отбывания пожизненного лишения свободы, заставив осужденных «...рабо-

¹ См.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.05.2022).

тать на рудниках... Это будет намного тяжелее, чем смертная казнь...» [1]. Не думаем, что предложение может быть воспринято уже хотя бы потому, что будет означать возврат к тезису о том, что труд осужденных не исключает карательную цель, как это предусматривалось, например, ч. 2 ст. 37 ИТК РСФСР 1970 г. в отношении осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима. Отметим, что и без того порядок и условия содержания пожизненно осужденных в России относятся к одним из наиболее суровых в мире, а судебная практика в отношении данных лиц делает эти условия еще жестче.

Если перенести акцент и пожизненное лишение свободы рассматривать как альтернативу не смертной казни, а лишению свободы на определенный срок, то это позволит по-иному взглянуть на предусмотренные законом условия отбывания наказания, остающиеся неизменными с начала применения данной уголовно-правовой меры. Мы остановимся на двух ключевых и взаимосвязанных для этого вида наказания проблемах: возможности освобождения от отбывания наказания до биологической смерти осужденного, а также изменении условий содержания осужденных.

Освобождение осужденных от отбывания наказания

Действующее законодательство, предусматривая возможность освобождения осужденного от отбывания наказания ранее назначенного судом срока, использует словосочетание «условно-досрочное освобождение» (УДО). Термин употребляется давно, привычен и не вызывает вопросов применительно ко всем наказаниям, имеющим установленный срок отбывания. После начала применения пожизненного лишения свободы действие этого правового института распространилось и на новый вид наказания. Тем самым, на наш взгляд, была допущена семантическая ошибка, поскольку невозможно сокращать срок наказания, который, как таковой, отсутствует. Действительно, ч. 5 ст. 79 УК РФ устанавливает формальный признак в 25 лет, по истечении которого у осужденного возникает возможность претендовать на освобождение от отбывания наказания, однако сути это не меняет, то есть упомянутый временной отрезок служит лишь поводом для потенциального начала процессуальных действий по освобождению, но не по сокращению срока наказания. Нельзя изменить то, чего нет. Таким образом, поскольку использование термина «досрочное» при регулировании освобождения от пожизненного лишения свободы искажает его суть, данное основание освобождения необходимо изъять из ст. 79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение от наказания». Вместе с тем саму возможность освобождения от отбывания наказания, что называется «прижизненно», следует сохранить, причем для подавляющего числа осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы. В связи с этим необходимо обратить внимание на возможности совершенствования использования пожизненного лишения свободы, не подвергавшегося существенным изменениям уже в течение 30 лет – с принятия Закона РСФСР от 17 декабря 1992 г. «О внесении изменений в ст. 24 УК РСФСР», согласно которому оно начало применяться в порядке помилования вместо смертной казни.

Во-первых, на наш взгляд, существует потребность разделить пожизненное лишение свободы на два подвида: с возможностью освобождения от отбывания наказания и без таковой. Востребованность второго подвида актуализируется с учетом неприменения смертной казни в России сегодня, а также отсутствия внятных перспектив ее использования в будущем. Пожизненное лишение свободы без возможности освобождения применяется в ряде стран мира, как правило, по отношению к лицам, которые совершили особо жестокие преступления, вызвавшие большой резонанс в обществе,

и которые при других обстоятельствах, безусловно, были бы приговорены к смертной казни. Выделение такого наказания в самостоятельный подвид предполагаемо снизит социальный накал требований об ужесточении карательной политики государства, о восстановлении смертной казни, вспыхивающих после очередного потрясшего население преступления. Поскольку уголовный закон предусматривает вероятность освобождения от пожизненного лишения свободы, то как осужденные, так и общество ожидают такого события: первые – с надеждой, второе – с обоснованным опасением и возрастающим сомнением в незыблемости принципа социальной справедливости. Отметим, что для этого у населения есть веские основания: в 2018 г. 94 % лиц отбывали рассматриваемую уголовно-правовую меру за лишение жизни других людей [2], а в 2020 г. их насчитывалось уже 97,15 % [3].

Определенное беспокойство у специалистов вызывало все возрастающее число осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, что требовало строительства (переоборудования) новых и дорогостоящих по сравнению с другими исправительных учреждений. Ежегодно к этому наказанию судами приговаривалось в среднем 70 чел. (до 2020 г.), и ни один из них не был освобожден на основании ст. 79 УК РФ. Это привело к тому, что после строительства 7 специальных учреждений для их содержания (в настоящее время их 6) начали создаваться изолированные участки на территории исправительных колоний, не предназначенных изначально для осужденных к пожизненному лишению свободы. Отметим, что наполняемость этих учреждений также возрастала, хотя и не столь интенсивно ввиду естественной смертности осужденных: в среднем за 10 лет (2010–2019 гг.) ежегодное увеличение составляло 46,4 чел. Однако за последние два года количество приговоров с назначением пожизненного лишения свободы существенно уменьшилось: 45 – в 2020 г. и 47 – в 2021 г. соответственно¹. Снижение численности осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, стало происходить гораздо стремительнее: в 2020 г. – минус 26 чел. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года; в 2021 г. – минус 1; на 1 апреля 2022 г. – минус 40 чел.²

Таким образом, в последние годы численность осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, не только стабилизировалась, но и приобрела тенденцию к снижению. Это позволяет с большей долей уверенности предполагать, что введение пожизненного лишения свободы без возможности освобождения не окажет значительного влияния на наполняемость упомянутых учреждений, тем более что доля таких осужденных, если судить по судебной практике Великобритании, невелика – менее 1 %³.

В качестве непредсказуемой единицы может выступить ситуация, вызванная проводимой Россией специальной военной операцией (СВО) на Украине. В частности, захваченные в плен представители ВСУ, участвовавшие в пытках и расстрелах российских военнопленных, убийстве мирных граждан, и в особенности члены различных неонацистских военных формирований типа «Айдар» или «Азов», по окончании СВО

¹ См.: Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 03.05.2022).

² См.: Статистические данные ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics> (дата обращения: 03.05.2022).

³ См.: Статистический бюллетень по борьбе с правонарушителями, Англия и Уэльс. 31 октября 2019 г. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/offender-management-statistics-quarterly-april-to-june-2019/offender-management-statistics-bulletin-england-and-wales--3> (дата обращения: 03.05.2022).

непрерывно предстанут перед судом. Если руководство страны и в этих чрезвычайных условиях удержится от применения смертной казни к наиболее одиозным националистам, введение наказания в виде пожизненного лишения свободы без возможности освобождения от наказания сможет стать единственным, на наш взгляд, адекватным возмездием за совершенные ими преступления. Однако вне зависимости от этого России в ближайшем будущем, скорее всего, придется вносить коррективы в реализацию карательной политики, решая ряд проблем уголовной ответственности и наказания этих лиц. Уголовно-исполнительная система, несомненно, значительно пополнится осужденными к лишению свободы, в том числе пожизненному. Не исключено, что имеющихся возможностей для содержания последних окажется недостаточно, что актуализирует потребность изменения правового регулирования условий их содержания.

Во-вторых, следует упразднить ч. 5 ст. 79 УК РФ, предусматривающую условно-досрочное освобождение от пожизненного лишения свободы. Одновременно необходимо дополнить УК РФ ст. 79.1, в которой предусмотреть еще одно основание освобождения от отбывания наказания – условное освобождение от отбывания пожизненного лишения свободы.

Институт условного освобождения от отбывания наказания не является чем-то совершенно новым для отечественного законодательства. В частности, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 марта 1974 г. «О единовременном условном освобождении из мест лишения свободы некоторых категорий осужденных для работы на стройках и предприятиях народного хозяйства» предусматривалось единовременное условное освобождение из мест лишения свободы некоторых категорий осужденных для работы на стройках и предприятиях народного хозяйства, а впоследствии УК РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 53.2, предусматривавшей условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Хотя данный институт задумывался в сугубо экономических целях (для использования значительных масс осужденных при строительстве крупных промышленных предприятий, главным образом, химической промышленности), это не изменило его сути – служить основанием для освобождения от наказания до истечения полного срока его отбывания.

Каким должно быть содержание института условного освобождения от пожизненного лишения свободы – тема, заслуживающая самостоятельного рассмотрения. Мы подчеркнем, что при его разработке необходимо исходить из того, что в России единственно возможным является дискреционный характер решения вопроса как условно-досрочного, так и предлагаемого нами условного освобождения пожизненно осужденных, то есть исключительно суд может обладать правом решения вопроса о досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания. Отметим, что была высказана и противоположная точка зрения, согласно которой условно-досрочное освобождение является правом именно осужденного, а следовательно, обязанностью суда, обеспечивающей реализацию этого права [4, с. 533–534].

Изменение условий содержания осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы

Если обратиться к разделу «Итоги и достижения деятельности уголовно-исполнительной системы в период с 2010 по 2020 год» Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, то обнаружится, что за 11 лет применительно к пожизненно осужденным (не считая увеличения размера денежных средств, разрешенных к ежемесячному расходованию, который распространился на

всех осужденных) условия отбывания наказания изменились лишь тем, что увеличилось время прогулки и в строгих условиях колоний особого режима разрешено одно длительное свидание в год, причем длительное свидание стало возможным только после предписания, установленного постановлением Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 24-П. Может показаться необычным, но в названной Концепции, рассчитанной на ближайшие 10 лет, упоминание о пожизненном лишении свободы отсутствует, за исключением отмеченного при подведении итогов реализации предыдущей Концепции.

Между тем необходимость в совершенствовании условий содержания осужденных пожизненно, самого процесса отбывания наказания не что иное, как ответ на вызовы, стоящие перед уголовно-исполнительной системой. Не следует забывать, что достижение основных целей уголовно-исполнительного законодательства – исправление осужденных, их ресоциализация и социальная адаптация – задачи, которые необходимо решать применительно ко всем категориям осужденных, и не исключено, что в отношении пожизненно осужденных в первую очередь. На сегодняшний день правовое регулирование этого наказания в совокупности с правоприменительной (включая судебную) практикой создает своего рода тупик, из которого практически нет выхода. Заявленные цели – исправление, ресоциализация, адаптация – выглядят не просто декларативными, а как бы и совсем не распространяются на лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. Свидетельством тому является тот факт, что до настоящего времени ни один осужденный не был освобожден от отбывания данного наказания, хотя претендовать на него по формальным основаниям вправе не менее 300 чел. Это означает, что как у администрации исправительных учреждений, так и у суда не возникло уверенности ни в утрате данными лицами общественной опасности, ни в их способности жить в обществе, не нарушая установленные в нем законы.

Представляется, что во многом такая ситуация обусловлена сложившейся судебной практикой, когда пожизненное лишение свободы назначается не как одно из предусмотренных ст. 44 УК РФ наказаний (пусть и наиболее суровое), а как самая крайняя, исключительная мера, замещающая смертную казнь. В этом, пожалуй, и кроется главное последствие позиционирования пожизненного лишения свободы как альтернативы смертной казни. Можно предположить, что в случае возобновления применения в России смертной казни к значительной части преступников, совершивших преступления, аналогичные тем, за которые содержатся пожизненно осужденные, была бы применена исключительная мера. Одновременно с этим постепенно снизилась бы и условная планка тяжести деяний, за которые суды назначают пожизненное лишение свободы, а последовавшие за этим случаи освобождения от наказания не выглядели бы неприемлемыми, как сегодня. Если же исходить из того, что со смертной казнью статус-кво сохранится (что весьма вероятно), то необходимость изменений в правовом регулировании исполнения (отбывания) пожизненного лишения свободы становится очевидной.

Как указывалось ранее, следует предусмотреть разновидность пожизненного лишения свободы без возможности освобождения от него. Именно этот вид стал бы восприниматься как альтернатива смертной казни, как наиболее близкая по карательному содержанию ее замена. Условия отбывания наказания при этом в изменениях не нуждаются: те же строгие, обычные и облегченные. Главная отличительная особенность этого наказания заключается в том, что у осужденного отсутствует возможность освобождения от наказания. Численность таких лиц, скорее всего, не превысит 1 % от всех пожизненно осужденных.

Кроме того, для основной массы отбывающих пожизненное лишение свободы необходимо предусмотреть возможность изменения условий содержания, основываясь на принципах прогрессивной системы отбывания наказания. Напомним, что эта система нацелена на стимулирование избрания осужденным правопослушного поведения посредством применения мер воздействия, уменьшающих или увеличивающих объем правоограничений в процессе исполнения (отбывания) наказания в виде лишения свободы. Эти меры могут быть как кратковременного (за отдельные позитивные или негативные поступки), так и длительного действия (как реакция на глубокие и стойкие изменения поведения осужденного). В отличие от мер поощрения и взыскания, меры длительного действия предусматривают изменение вида исправительного учреждения, первоначально назначенного судом. Осужденный, благодаря своему правопослушному поведению, независимо от ранее назначенного судом вида учреждения последовательно переводится в пенитенциарное учреждение с минимальным объемом правоограничений, и, только находясь в нем, может рассчитывать на условно-досрочное освобождение. Нарушение установленных правил приводит к обратному результату. Такова в общих чертах прогрессивная система отбывания наказания, наиболее полно в отечественной литературе описанная профессором Ю. М. Ткачевским [5].

Широко распространенная в странах Запада и заслуженно признанная наиболее эффективной для достижения цели ресоциализации осужденного, в России прогрессивная система используется только отдельными элементами. Один из основных из них – это установление в исправительных учреждениях трех видов условий отбывания наказания (в воспитательных колониях – четырех, а в тюрьмах – двух). По сравнению с исправительно-трудовым законодательством введение трех видов условий – значительный шаг вперед для реализации целей наказания, но не главный. Прогрессивная система исполнения наказания – это своего рода лестница, по которой движется осужденный вверх или вниз в зависимости от собственного поведения. В силу этого иногда ее называют ступенчатой. Только поднявшись до условно «верхнего этажа», которым является тюрьма открытого типа (аналог российских колоний-поселений), осужденный может претендовать на реализацию мечты каждого лишеного свободы – досрочное освобождение. За этот длящийся многими годами период он переводится из тюрьмы одного вида (с более строгими условиями) в другую, в которой контакты с обществом существенно шире, и закрепляет процесс ресоциализации в тюрьме открытого типа, где такие контакты ограничены минимально. Таким образом, после освобождения из места лишения свободы, в особенности после длительного там пребывания, условия жизни вне тюрьмы не станут для бывшего осужденного ошеломляющими, а его адаптация к жизни в обществе будет протекать быстрее.

Российское уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, частично используя основные идеи прогрессивной системы (три вида условий отбывания наказания), не восприняло, на наш взгляд, главного – обязательности последовательного прохождения осужденными (в первую очередь первоначально приговоренными к отбыванию наказания в учреждениях закрытого типа, то есть в камерных условиях) этапов ресоциализации и невозможности досрочного освобождения для тех из них, кто не находится в учреждении открытого типа (колонии-поселении). Российский аналог прогрессивной системы – институт изменения условий содержания осужденных – допускает возможность досрочного освобождения вне зависимости от вида исправительного учреждения, то есть закон допускает освобождение от отбывания наказания пожизненно

осужденных после 25 и более лет непрерывного пребывания в условиях максимальной изоляции. Другими словами, в общество могут вернуться лица, изолированные от него еще в советский период и не прошедшие практически никакой адаптации. Вероятнее всего, их ожидает незавидная судьба большинства освобожденных от пожизненного лишения свободы по иным основаниям (не условно-досрочно).

Мы предлагаем внести коррективы в правовое регулирование института изменения условий содержания осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, предусмотрев возможность их перевода из исправительных учреждений одного вида режима в другой, с иным уровнем правоограничений. Собственно, в действующем законодательстве такие переводы уже предусмотрены относительно всех остальных категорий осужденных. Как нам представляется, главный недостаток действующего института изменения условий содержания заключается в том, что он не предусматривает обязательную последовательность при переводе из учреждения с большим объемом правоограничений в учреждение с менее строгим режимом. Нельзя «перепрыгивать через этажи» и тем более досрочно освобождаться, например, из колоний особого режима.

Последовательность должна заключаться в том, что при установлении судом наличия формального и материального критериев осужденного могут перевести из исправительной колонии для исполнения пожизненного лишения свободы в исправительную колонию строгого или общего режима (в зависимости от фактора рецидива), а затем как завершающий этап ресоциализации – в колонию-поселение. Необходимо подчеркнуть, что изменение вида исправительного учреждения допустимо только тем пожизненно осужденным, к которым может быть применено условное освобождение от отбывания наказания. В случае нарушений режима осужденные могут быть возвращены в учреждения того вида, из которых ранее переводились. При отсутствии стремления к исправлению осужденные продолжают содержаться в учреждениях, назначенных первоначально, и отбывать пожизненное лишение свободы. Это их выбор.

Принципиально важно предусмотреть, что условно-досрочное или условное освобождение от отбывания наказания может применяться только к осужденным, прошедшим проверку способности жить в обществе в условиях колонии-поселения.

От срочного наказания освобождаются все осужденные, причем о многих из них нельзя сказать, что они исправились. Более того, о некоторых известно как о намеревающихся продолжать преступный образ жизни. Однако эти лица отбыли свою меру и по российскому законодательству должны быть освобождены от отбывания наказания безусловно. Относительно досрочно освобождающихся от лишения свободы на определенный срок или, как мы предлагаем, условно от пожизненного лишения свободы государство берет ответственность на себя, позволяя совершившим преступление лицам вернуться в общество до полного искупления ими своей вины. Такого рода освобождение – всегда риск того, что оказанное доверие не будет оправдано. В то же время такой риск допустим уже хотя бы потому, что, являясь мощнейшим стимулом, предоставляет каждому шанс исправиться.

Следует ожидать, что создание подвида пожизненного лишения свободы без возможности условного освобождения от отбывания наказания и постепенное распространение практики переводов основной массы осужденных в иные исправительные учреждения будет способствовать росту доли лиц, приговариваемых к этому наказанию. Так, в Англии и Уэльсе при населении свыше 58 млн чел. в 2019 г. содержалось немногим более

7 тыс. осужденных к пожизненному лишению свободы¹. Для сравнения, в России в текущем году при численности населения свыше 147 млн чел. пожизненно содержатся менее 2 тыс. осужденных. Мы предполагаем, что в результате реализации предлагаемых законодательных новелл изменится отношение суда к пожизненному лишению свободы как исключительной мере. Оно начнет восприниматься как альтернатива не смертной казни, а лишению свободы на определенный срок. Это обусловит назначение пожизненного лишения свободы за более широкий круг деяний, наказуемых в настоящее время лишением свободы на определенный срок. Таким образом, пожизненное лишение свободы начнет применяться чаще, одновременно с этим у осужденных появится реальная возможность на освобождение. Кроме того, переводы осужденных в исправительные колонии иного вида компенсируют увеличение числа приговоренных к пожизненному лишению свободы.

Значение перевода осужденных к пожизненному лишению свободы в другие исправительные колонии чрезвычайно важно как для достижения основной цели наказания – исправления, так и для выполнения задачи их ресоциализации. В этом отношении показательно высказывание бывшего осужденного Б., в результате пересмотра приговора переведенного из Соликамской исправительной колонии для осужденных к пожизненному лишению свободы («Белый лебедь») в исправительную колонию строгого режима и впоследствии освободившегося из нее условно-досрочно. По словам Б., в колонии строгого режима он почувствовал себя почти как на свободе. После этого он, наконец, начал общаться с людьми. Это было для него как глоток свежего воздуха. После освобождения Б. устроился на работу, женился, воспитывает двоих детей².

Заключение

Сокращение количества приговоров к пожизненному лишению свободы, наблюдаемое в последние два года, а также числа осужденных, отбывающих данное наказание, – в целом позитивное явление, которое можно расценить в том числе как снижение уровня криминогенной обстановки в стране. Однако можно спрогнозировать, что с началом специальной военной операции на Украине ситуация может развернуться в обратную сторону. Известно, что одним из детерминантов роста уровня преступности в государстве криминология называет революцию либо крупномасштабные военные действия, происходящие на его территории или у его границ. Кроме того, задерживается все большее число террористов, а также ожидается массовое поступление военнопленных, в особенности виновных в пытках и расстрелах российских военнослужащих и мирного населения. Многие из этих лиц пополнят исправительные учреждения для пожизненно осужденных. Это, а также отсутствие существенных изменений в правовом регулировании применения пожизненного лишения свободы с начала его использования как вида уголовного наказания определяет необходимость совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Во-первых, пожизненное лишение свободы следует разделить на два вида, выделив из него наказание без возможности освобождения от него. Это позволит использовать

¹ См.: Статистический бюллетень по борьбе с правонарушителями, Англия и Уэльс. 31 октября 2019 г.

² См.: Воля для шестерых: как сложилась судьба пожизненно осужденных, которым удалось выйти на свободу. URL: <https://Russian.rt.com/Russia/article/510360-tyurma-svoboda-koloniya> (дата обращения: 03.05.2022).

основные положения института изменения условий содержания к осужденным, не утратившим возможность освобождения от наказания.

Во-вторых, необходимо исправить семантическую ошибку, допущенную в ст. 79 УК РФ, которая предусматривает условно-досрочное освобождение для лиц, у которых срок наказания отсутствует. Для этого ч. 5 ст. 79 УК РФ следует упразднить. Одновременно дополнить УК РФ ст. 79.1, в которой предусмотреть еще одно основание освобождения от отбывания наказания – условное освобождение от отбывания пожизненного лишения свободы.

В-третьих, для осужденных, обладающих законным интересом на условное освобождение, нужно предусмотреть возможность перевода из исправительных учреждений одного вида в другой. При этом установить, что на условное освобождение могут рассчитывать только содержащиеся в колониях-поселениях как продемонстрировавшие способность к жизни в обществе (прошедшие несколько уровней ресоциализации).

Список источников

1. Новодережкин А. Володин: пожизненный срок для педофилов на рудниках может быть тяжелее смертной казни // ТАСС. 2022. 18 янв. URL: https://tass.ru/obschestvo/13457363?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 03.05.2022).
2. Интервью начальника Управления исполнения приговоров и специального учета ФСИН России И. Вединяпина // ТАСС. 2018. 27 апр. URL: https://tass.ru/interviews/5159902?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 03.05.2022).
3. Селиверстов В. И. Злостные нарушители режима в аспекте характеристики лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1(50). С. 77–86.
4. Уголовно-исполнительное право России: Общая и Особенная части : учебник для бакалавров, студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М. : Юрайт, 2012. 751 с.
5. Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М. : Городец, 2007. 237 с.

References

1. Novoderezhkin, A. 2022, 'Volodin: a life sentence for pedophiles in the mines may be heavier than the death penalty', TASS, 18 January, viewed 3 May 2022, https://tass.ru/obschestvo/13457363?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
2. 'Interview with the Head of the department of execution of sentences and special accounting of the FPS of Russia I. Vedenyapin', TASS, 2018, 27 April, viewed 3 May 2022, https://tass.ru/interviews/5159902?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.
3. Seliverstov, V. I. 2022, 'Malicious violators of the regime in the aspect of the characteristics of persons serving life imprisonment', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 1(50), pp. 77–86.
4. Eminov, V. E. & Orlov, V. N. 2012, *Penal law of Russia: General and Special parts, Textbook for bachelors, for students of higher educational institutions studying in the specialty and direction of training "Jurisprudence"*, Urite, Moscow.

5. Tkachevskiy, Yu. M. 2007, Russian progressive system of execution of criminal penalties, Gorodets, Moscow.

Информация об авторах

В. В. Геранин – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин;

С. Н. Мальцева – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин.

Information about the authors

V. V. Geranin – PhD (Law), Associate Professor, deputy head of the department of criminal law and humanities;

S. N. Mal'tseva – PhD (Law), Associate Professor, head of the department of criminal law and humanities.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 07.07.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 07.07.2022.

Научная статья

УДК 007

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.326-335

МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: НОВЫЕ УГРОЗЫ ПОДРЫВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Михаил Николаевич Козин¹, Алексей Владимирович Родионов²

¹ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, kozin-volsk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2107-1882>

² Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, avrpost@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9311-4896>

Аннотация. В статье исследуются проблемы информационной войны с позиции разрешения комплекса экономических, морально-политических, технологических факторов, а также технологических возможностей массовой сетевой коммуникации. Целью исследования является систематизация методов и инструментов ведения информационной войны, обеспечивающей повышение эффективности мобилизации сил и ресурсов Российской Федерации в отношении осуществления информационной защиты индивидуального и общественного сознания российского общества. В качестве объекта исследования выступают организационно-экономические процессы, складывающиеся при обосновании и реализации активных мероприятий по противодействию психологическим и информационно-техническим операциям. Исследование основывается на научных трудах отечественных и зарубежных авторов в области теории национальной и информационной безопасности, методах анализа, синтеза и классификации. Отмечается, что относительно небольшие силы и средства при незначительных финансовых затратах позволяют вывести из строя военную и государственную информационную инфраструктуру, достичь и удержать информационное превосходство и защиту собственной информации и информационных систем. В процессе проведенного анализа показана необходимость мобилизации ресурсов и всего российского общества, построения высокоэффективной и малобюджетной интегрированной системы противодействия психологическим и информационно-техническим операциям. Такой подход позволяет перевести информационную войну из разряда скрытых угроз в явную и обосновать применение необходимых сил, средств, а также мер корректирующего и предупреждающего воздействия в рамках единой стратегии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: информационная война, метод, инструмент, угроза, стабильность, государство, социально-экономическая и политическая стабильность

Для цитирования

Козин М. Н., Родионов А. В. Методы и инструменты ведения информационной войны: новые угрозы подрыва социально-экономической и политической стабильности государства // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 326–335. DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.326-335.

Original article

METHODS AND TOOLS OF INFORMATION WARFARE: NEW THREATS TO UNDERMINE THE SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL STABILITY OF THE STATE

Mikhail Nikolaevich Kozin¹, Aleksey Vladimirovich Rodionov²

¹ Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, kozin-volsk@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0002-2107-1882>

² Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, avrpost@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9311-4896>

Abstract. The article is devoted to the problems of information warfare from the perspective of resolving a complex of economic, moral, political, technological factors, as well as technological capabilities of mass network communication. The purpose of the study is to systematize methods and tools of information warfare, ensuring an increase in the effectiveness of the mobilization of forces and resources of the Russian Federation in relation to the implementation of information protection of individual and public consciousness of the Russian society. The object of the study is the organizational and economic processes that develop during the justification and implementation of active measures to counter psychological and information technology operations. The research is based on the scientific works of domestic and foreign authors in the field of national and information security theory, methods of analysis, synthesis and classification. It is noted that relatively small forces and means at insignificant financial costs make it possible to disable the military and state information infrastructure, achieve and maintain information superiority and protect their own information and information systems. The analysis shows the need to mobilize resources and the entire Russian society, to build a highly effective and low-budget integrated system to counter psychological and information technology operations. Such a new approach makes it possible to transfer the information war from the category of hidden threats to an explicit one and justify the use of the necessary forces, means, as well as corrective and preventive measures within the framework of a unified strategy for ensuring the national security of the Russian Federation.

Keywords: information warfare, method, tool, threat, stability, states, socio-economic and political stability

For citation

Kozin, M. N. & Rodionov, A. V. 2022, 'Methods and tools of information warfare: new threats to undermine the socio-economic and political stability of the state', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 326–335. doi : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.326-335.

В XXI в. беспрецедентное информационное и идеологическое воздействие стран Запада и США на население Российской Федерации и ее союзников предполагает дискредитацию внешнеполитического, внешнеэкономического и внутреннего курса России. В сочетании с комплексом финансово-экономических, политико-дипломатических и санкционных мер давления на Россию происходит очевидное стирание границы между войной и мирными формами противоборства, где центр тяжести переносится в информационную плоскость. Эффективность такого сочетания подтверждается успешной реализацией технологий информационной войны при подготовке и проведении цветных революций на постсоветском пространстве и осуществлении государственных переворотов на Ближнем Востоке.

Ключевая целевая установка данных технологий в информационно-идеологическом пространстве направлена на замещение базовых традиционных ценностей общества, подрыв государственной идеологии, формирование в массовом сознании положительного образа актора-агрессора и отрицательного имиджа государственных структур. Составляющие победы в информационной войне формируются из комплекса экономических, морально-политических и технологических факторов, а также технологических возможностей для массовой сетевой коммуникации.

После 24 февраля 2022 г. для создания резко негативного образа и дискредитации России в информационном, экономическом и культурном пространстве США и европейские страны стали интенсивно использовать все доступные им ресурсы и способы, для которых характерны признаки военного периода (массированное воздействие, жесточенность, пренебрежение нормами морали и нравственности и др.).

В 2021 г. США было выделено 590 млн долларов на противодействие влиянию Российской Федерации (\$ 290 млн) и Китайской Народной Республики (\$ 300 млн). По данным экспертов Лиги безопасного Интернета, за три недели проведения специальной военной операции (СВО) на информационную войну против России потрачено 270 млн долларов США. Ежедневно только на рекламу фейков и призывов к участию в незаконных акциях в Facebook и Instagram на территории РФ и Белоруссии тратится от 500 тыс. до 1,7 млн долларов США. В сравнении с рекламными системами Google данные затраты вполне сопоставимы (бюджет Google на российскую аудиторию составляет порядка \$ 780 тыс. в сутки). Ежедневно на оплату труда специалистов IT-сферы, привлекаемых к информационной войне против России, выделяется 1,4 млн долларов США [11].

Активную работу по подрыву доверия к военно-политическому руководству Российской Федерации и дискредитации органов власти, а также по снижению психологической устойчивости российских военнослужащих и членов их семей ведут четыре центра информационно-психологических операций сил специальных операций Украины (ЦИПСО): 16-й ЦИПСО, с. Гуйва, Житомирская обл.; 72-й ЦИПСО, г. Бровары; 74-й ЦИПСО, г. Львов; 83-й ЦИПСО, г. Одесса) [6]. Стоит отметить, что такие специализированные подразделения официально и неофициально используют многие страны. Только за 2000–2017 гг. количество киберподразделений увеличилось в 12,6 раза (рис. 1). Согласно оценке потенциала киберсферы, военных бюджетов государств, существующих стратегий кибербезопасности, нормативных документов, анализа справочной и инсайдерской информации, а также официальных комментариев лидерами по расходам на содержание кибервойск являются США, Китай, Великобритания, Южная Корея, Россия, Германия, Франция, Северная Корея, Израиль (рис. 2).

Непосредственно понятие «информационная война» как война 4-го поколения появилось в конце 1980-х годов и быстро получило широкое распространение. Так, в начале 1990-х годов появились первые теоретические, а затем и практические работы, в которых давались различные определения понятия информационной войны. В настоящее время также активно используется термин «кибервойна», который часто наделяется содержанием и значением, приписываемыми информационной войне. Первое глубокое определение термина «информационная война» было дано в докладе американской корпорации RAND «Стратегические информационные боевые действия: новое лицо войны» (Strategic Information Warfare: a New Face of War) в 1996 г. [12]. В докладе указывалось, что информационная война – это война в информационном пространстве, то есть к существующим на тот момент трем военным пространствам (су-

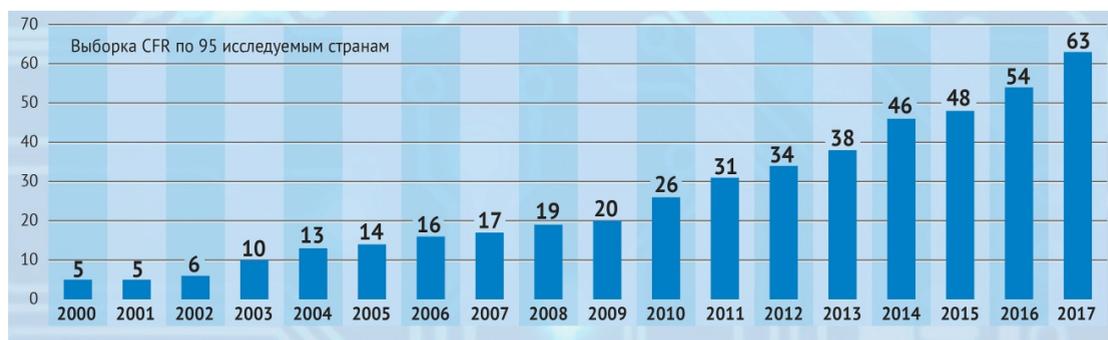

Рис. 1. Динамика изменения количества киберподразделений в военных организациях стран мира. Источник: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/kibervouny-bez-obyavleniya-voyny> (дата обращения: 03.04.2022)

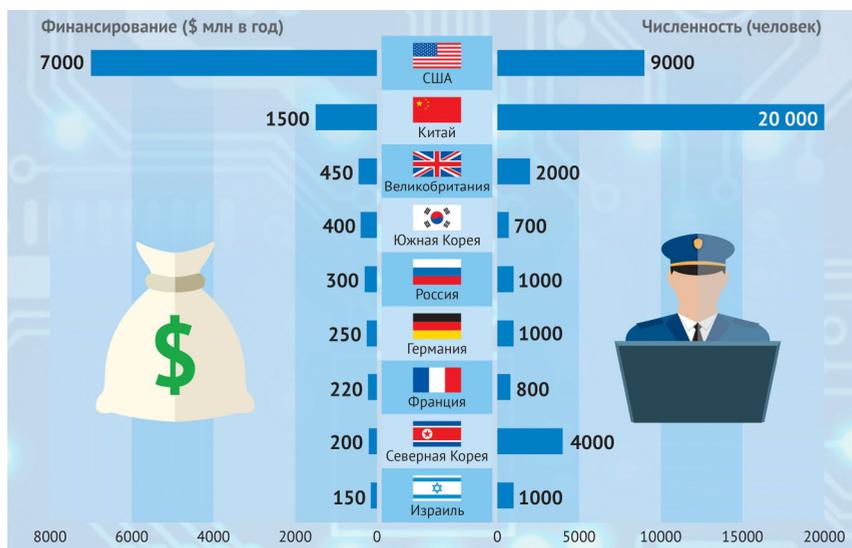

Рис. 2. Ведущие страны мира с максимальными расходами и численностью структур в сфере обеспечения специальных информационных операций. Источник: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/kibervouny-bez-obyavleniya-voyny> (дата обращения: 03.04.2022)

хопутному, морскому и воздушному) добавилось новое – информационное пространство. Впоследствии в совместном документе, разработанном штабом Совместной доктрины информационных операций в 1998 г. [11], была дана дефиниция информационной войны, в соответствии с которой она определялась как последовательность информационных операций в рамках конфликта, в котором критически важным и стратегически дефицитным ресурсом является информация, подлежащая разработке или уничтожению.

Отметим также другие подходы к определению понятия информационной войны иностранными теоретиками. Д. Э. Деннинг (D. E. Denning) трактует информационную войну как совокупность операций, направленных на использование или эксплуатацию информационных ресурсов [14]. М. Либицкий (M. Libicki) разработал классификацию видов информационной войны:

- военное противостояние за монополизацию функций командования;
- противостояние разведки и контрразведки;
- противостояние в электронной сфере;
- психологические операции;
- организованные спонтанные хакерские атаки на информационные системы;
- информационно-экономические войны за контроль над торговлей информационными продуктами и монополизацию информации;
- кибернетические войны в виртуальном пространстве [15].

В работах современных отечественных и иностранных авторов комплексное использование возможностей электронного оружия, компьютерных сетевых операций, информационно-психологических операций, операций по военной дезинформации и дезорганизации противника, а также специальных оборонительных операций с использованием возможностей воздействия на сознание человека с целью уничтожения, морального разложения или полного перехвата влияния на процессы принятия решений противника при одновременной защите своих войск (сил) от подобного внешнего влияния определяется как информационная операция (рис. 3) [16].

В ходе информационной операции удерживается информационное превосходство и осуществляется защита собственной информации и информационных систем. Ключевой особенностью информационных операций выступает относительно «низкая стоимость создания средств информационного противоборства и информационного оружия, а соответственно – низкие финансовые и материальные затраты на проведение информационных операций» [2].

Информационные войны могут сопровождать военные действия, однако могут проводиться и отдельно. В чистом виде они предусматривают ведение войны без физического участия человека, что сводит количество жертв к минимуму. Информационной войне также присущ дистанционный характер ведения боевых действий, где объектом воздействия становится разум противника, а не просто тело, как это было в предыдущих типах войн. Само информационное оружие является оружием нелетального действия, оно приводит к поражению противника без материальных и человеческих потерь. Целью атаки становится идентичность индивида, целенаправленное изменение ее параметров. В силу этого информационная война более привлекательна, поскольку требует гораздо меньших материальных и человеческих затрат при всеобъемлющем масштабе действий.

Информационная война может вестись как внутри государства (через агентов влияния), так и на международном уровне. Массированная информационная атака часто

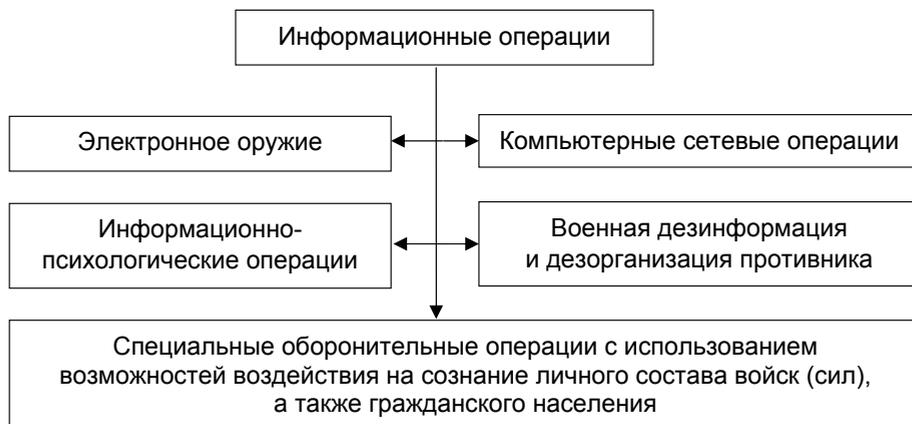

Рис. 3. Компоненты специальной информационной операции

является комбинацией внутренних и внешних операций. Эффективность информационной войны зависит от уровня организации агитации и пропаганды, основанных на чувствах и желаниях целевых социальных групп в государстве-мишени. Характерная особенность информационной войны – воздействие на общество с помощью информации. К признакам информационной войны относятся:

- ограничение доступа к определенной информации: блокирование веб-ресурсов, телевизионных программ, печатных изданий (в качестве примера следует привести блокировку аккаунтов Дональда Трампа и других лидеров Республиканской партии США в период активной фазы противостояния на выборах президента США в 2020 г. [3]; закрытие оппозиционных украинских телеканалов News One, ZIK, 112 Украина, которые активно продвигали конструктивную повестку прекращения войны на Донбассе и нормализации отношений с Российской Федерацией [9]; закрытие 16 российских телеканалов в Латвии в начале 2021 г. [7]);

- создание негативного фона по конкретным вопросам, фейковые новости и т. д. (ложная информация о наличии химического оружия в Ираке в 2003 г. [8]; телевизионные постановки ложных химических атак в Сирии в 2018 г. [5]; использование возможностей технологии дипфейк (Deerfake) для фабрикации любого видеоизображения с участием любого человека [4]);

- проникновение информации в различные сферы общества путем активного использования агентов влияния из числа лидеров общественного мнения, а также сетевых средств массовой информации, ориентированных на конкретные социальные группы [10].

Актуальные на сегодняшний день методы и инструменты ведения информационной войны были классифицированы профессором В. Ф. Байневым (рис. 4). В числе основных групп методов и инструментов были выделены киберпреступления (хакерские атаки); нагнетание страха, паники, ажиотажа, недоверия, негативных ожиданий; создание и поддержание информационной асимметрии; искажение и разрушение мировоззрения.

Таким образом, следует сформулировать вывод о том, что в информационной войне, в реальном масштабе времени, на основе сочетания финансовых, экономических, дипломатических и специальных мер осуществляется воздействие на противника и население страны. Относительно небольшие силы и средства при незначительных финансовых затратах позволяют вывести из строя военную и государственную ин-

формационную инфраструктуру. Это требует мобилизации ресурсов и всего российского общества, построения высокоэффективной и малобюджетной интегрированной системы противодействия психологическим и информационно-техническим операциям. Понимание приемов информационной войны позволяет перевести ее из разряда скрытых угроз в явные, в отношении которых необходимо применять корректирующее и предупреждающее воздействие. В свою очередь, последствия проигранного информационного противоборства приводят к гибели и эмиграции части населения страны, разрушению промышленности, потере территории, политической зависимости от агрессора, уничтожению (резкому сокращению) армии или запрету на поддержание обороноспособности, а также вывозу из страны наиболее перспективных и высоких технологий, капитала и ресурсов.

Возрастание роли компонентов информационной сферы как нового источника угрозы национальной безопасности Российской Федерации на государственном уровне в 2017 г. обозначено в Указе Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». В дальнейшем в развитие этого доктринального документа были приняты Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. № 620 «О совершенствовании государственной системы обнаружения,

Рис. 4. Методы и инструменты информационной войны [1]

предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации».

Очевидно, что назрела необходимость кардинальной мобилизации сил и ресурсов Российской Федерации в отношении осуществления информационной защиты индивидуального и общественного сознания российского общества и формирования органа, отвечающего на федеральном уровне за реализацию активных мероприятий в противостоянии информационной войне. Такой подход позволит комплексно решить задачи противодействия подрывным информационным технологиям в рамках единой стратегии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Список источников

1. Байнев В. Ф. Современная информационная война как глобальный феномен // Новая экономика. 2012. № 2. С. 219–223.
2. Макаренко С. И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века : монография. СПб. : Научное издательство «Лань», 2017. 546 с.
3. В Париже не согласились с блокировкой аккаунтов Трампа в соцсетях // Интерфакс. 2021. 11 янв. URL: <https://www.interfax.ru/world/744639> (дата обращения: 20.03.2022).
4. Дипфейки: что это за технология и почему она опасна // РБК. 2020. 30 сент. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5de101619a79474a179f16db> (дата обращения: 20.03.2022).
5. Шимаев Р., Лушникова А., Полетаева П. «Запад плюет на законы»: как в Москве оценили заявление продюсера BBC об инсценировке «последствий химатаки» в Сирии // Rt.com. 2019. 14 февр. URL: <https://russian.rt.com/world/article/602409-mid-priznanie-bbc-feik-duma> (дата обращения: 22.03.2022).
6. Пережогин Е. Информационные боевики: как американского сержанта Рейеса занесло на Украину и чем он там занимается // Live.ru. 2022. 14 марта. URL: <https://life.ru/p/1476607> (дата обращения: 20.03.2022).
7. Полякова В., Порываева Л. Латвия приостановит вещание еще 16 российских телеканалов // РБК. 2021. 9 февр. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/02/2021/602282119a7947740672fed6/> (дата обращения: 20.03.2022).
8. Пауэлл представил данные спецслужб об оружии Ирака // РБК. 2003. 5 февр. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/02/2003/5703b53c9a7947783a5a441a> (дата обращения: 20.03.2022).
9. Телеканалы «112 Украина», NewsOne и ZIK прекратили вещание на Украине из-за санкций // Информационное агентство ТАСС. 2021. 3 февр. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10609305> (дата обращения: 23.03.2022).
10. Телеграм-революции в Белоруссии не нужны лидеры. Несмотря на отсутствие четкой организации и повестки, протесты в стране продолжают // Vtimes. 2020. 9 июля. URL: <https://www.vtimes.io/2020/09/07/telegram-revolyucii-v-belorussii-ne-nuzhny-lidery-a94> (дата обращения: 23.03.2022).
11. Эксперт: сумма затрат на информационную войну против России может достигать \$ 270 млн // Информационное агентство ТАСС. 2022. 16 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14084339> (дата обращения: 20.03.2022).
12. Molander, R. C., Riddile, A. & Wilson, P. A. 1996, Strategic Information Warfare: a New Face of War, RAND Corporation, https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR661.html.

13. Joint Pub 3-13, “Joint Doctrine for Information Operations” 1998, 9 October, http://www.c4i.org/jp3_13.pdf.
14. Denning, D. E. 1999, *Information Warfare and Security*. Addison-Wesley.
15. Libicki, M. C. 1995, *What Is Information Warfare?*, National Defense University, Institute for National Strategic Studies.
16. Information Operation Roadmap 2003, 30 October, http://news.bbc.co.uk/1/shared/bsp/hi/pdfs/27_01_06_psyops.pdf.

References

1. Baynev V. F. 2012, ‘Modern information warfare as a global phenomenon’, *The New Economy*, iss. 2, pp. 219–223.
2. Makarenko, S. I. 2017, *Information warfare and electronic warfare in network-centric wars of the beginning of the XXI century: monograph*, Scientific technologies, St. Petersburg.
3. ‘In Paris they did not agree with the blocking of Trump’s accounts in social networks’ 2021, *Interfax*, 11 January, viewed 20 March 2022, <https://www.interfax.ru/world/744639>.
4. ‘Deep fakes: what kind of technology it is and why it is dangerous’ 2020, RBC, 30 September, viewed 20 March 2022, <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5de101619a79474a179f16db/>.
5. Shimaev, R., Lushnikova, A. & Poletaeva, P. 2019, “‘The West spits on the laws’: how Moscow assessed the statement of the BBC producer about the staging of the “consequences of the chemical attack” in Syria’, *Rt.com*, 14 February, viewed 20 March 2022, <https://russian.rt.com/world/article/602409-mid-priznanie-bbc-feik-duma/>.
6. Perezhugin, E. 2022, ‘Information fighters: how American Sergeant Reyes was brought to Ukraine and what he does there’, *Live.ru*, 14 March, viewed 20 March 2022, <https://life.ru/p/1476607>.
7. Polyakova, V. & Poryvaeva, L. 2021, ‘Latvia to suspend broadcasting of 16 more Russian TV channels’, *RBC*, 9 February, viewed 20 March 2022, <https://www.rbc.ru/politics/09/02/2021/602282119a7947740672fed6/>.
8. ‘Powell presented special services data on Iraq’s weapons’ 2003, RBC, 5 February, viewed 20 March 2022, <https://www.rbc.ru/politics/05/02/2003/5703b53c9a7947783a5a441a/>.
9. ‘112 Ukraine, NewsOne and ZIK TV channels stopped broadcasting in Ukraine due to sanctions’ 2021, TASS News Agency, 3 February, viewed 20 March 2022, <https://tass.ru/mezh-dunarodnaya-panorama/10609305/>.
10. ‘Telegram revolution in Belarus does not need leaders. Despite the lack of a clear organization and agenda, protests continue in the country’, 2020, *Vtimes*, 9 July, viewed 23 March 2022, <https://www.vtimes.io/2020/09/07/telegram-revolycii-v-belorussii-ne-nuzhny-lidery-a94/>.
11. ‘Expert: the total cost of the information war against Russia may reach \$ 270 million’ 2022, TASS News Agency, 16 March, viewed 20 March 2022, <https://tass.ru/ekonomika/14084339>.
12. Molander, R. C., Riddile, A. & Wilson, P. A. 1996, *Strategic Information Warfare: a New Face of War*, RAND Corporation, https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR661.html.
13. Joint Pub 3-13, “Joint Doctrine for Information Operations” 1998, 9 October, http://www.c4i.org/jp3_13.pdf.
14. Denning, D. E. 1999, *Information Warfare and Security*. Addison-Wesley.
15. Libicki, M. C. 1995, *What Is Information Warfare?*, National Defense University, Institute for National Strategic Studies.
16. Information Operation Roadmap 2003, 30 October, http://news.bbc.co.uk/1/shared/bsp/hi/pdfs/27_01_06_psyops.pdf.

Информация об авторах

М. Н. Козин – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;

А. В. Родионов – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и менеджмента.

Information about the authors

M. N. Kozin – Sc.D (Economics), Professor, chief researcher;

A. V. Rodionov – Sc.D (Economics), professor of the department of economics and management.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 07.07.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 07.07.2022.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

Научная статья

УДК 342.92 : 343.8

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.336-344

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Владимир Анатольевич Поникаров¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, minrs@yandex.ru

Аннотация. Дальнейшее совершенствование законодательства, усиление охраны интересов государства требуют от российской юридической науки глубоких исследований механизма правового воздействия на общественные отношения. В статье рассматриваются особенности административной ответственности осужденных к лишению свободы, констатируется тот факт, что остается не до конца разрешенным вопрос о применении мер административной ответственности к осужденным, определяется практический порядок действий сотрудников, связанный с наложением административных наказаний. Показаны перспективы применения к осужденным некоторых мер административной ответственности.

Ключевые слова: порядок действий, административная ответственность, осужденный, практико-правовой анализ, работники пенитенциарной системы, должностные лица полиции

Для цитирования

Поникаров В. А. Особенности административной ответственности осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 336–344. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.336-344.

ADMINISTRATIVE PRACTICE

Original article

FEATURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF CONVICTS SENTENCED TO IMPRISONMENT

Vladimir Anatol'evich Ponikarov¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, minrs@yandex.ru

© Поникаров В. А., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Abstract. Further improvement of legislation, strengthening the protection of the interests of the state require from the Russian legal science deep research of the mechanism of legal impact on public relations. In this regard, the authors attempted to study the administrative responsibility of convicts. The features of the administrative responsibility of convicts sentenced to imprisonment are considered. The fact is stated that the issue of the application of administrative liability measures to convicts remains not fully resolved. The practical procedure of employees' actions related to the imposition of administrative penalties is determined. The prospects of applying certain measures of administrative responsibility to convicts are shown. A number of theoretical and material-procedural materials (documents) have been worked out.

Keywords: procedure of action, administrative responsibility, convict, practical legal analysis, employees of the penitentiary system, police officials

For citation

Ponikarov, V. A. 2022, 'Features of administrative responsibility of convicts sentenced to imprisonment', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 336–344, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.336-344.

Административная ответственность является одним из государственно-правовых средств воздействия на правопорядок в исправительных учреждениях. Административная ответственность осужденных представляет собой государственно-принудительное средство. Это означает, что ее наличие (в форме системы установленных или санкционированных государством запретов) и главным образом применение сопряжено с определенными ограничениями для осужденных морального, материального или даже физического характера. Административная ответственность представляет собой отрицательную государственно-правовую оценку административного правонарушения и осужденного, его совершившего, путем наложения на виновного административного наказания, влекущего за собой обязанность претерпеть лишения, определенные административно-юрисдикционным органом в пределах санкции нарушенной нормы, а также исполнение этой обязанности под воздействием государственного принуждения в целях предупреждения новых правонарушений с его стороны.

Положительное воздействие административной ответственности на правопорядок проявляется в различных формах. Это, во-первых, само существование института административной ответственности, обеспечивающее возможность применения таковой к осужденным, что оказывает определенное сдерживающее влияние на них; во-вторых, непосредственное применение административных наказаний к осужденным – содержание административной ответственности в динамике и одно из наиболее важных проявлений этого социально полезного средства охраны и укрепления правопорядка. Вместе с тем очевидно, что меры административной ответственности могут в определенных случаях оказаться слишком жесткими.

Наличие состава административного правонарушения в деянии не может служить основанием освобождения осужденного от административной ответственности, так как по общему правилу совершение проступка влечет за собой правовые последствия – наступление административной ответственности. Вместе с тем деяние должно содержать состав административного правонарушения, в противном случае вообще не может идти речь об освобождении осужденного от ответственности. Следовательно, правильным

будет рассматривать наличие в деянии состава административного правонарушения как материальное основание административной ответственности.

В теоретическом плане административная ответственность осужденного характеризуется:

- 1) сферой ее применения – общественными отношениями, связанными с обеспечением безопасности деятельности исправительного учреждения;
- 2) совокупностью административно-правовых норм, определяющих содержание административных проступков (правонарушений) осужденных;
- 3) последовательностью применения к осужденным конкретных мер административной ответственности;
- 4) особым субъектом административно-юрисдикционных отношений – осужденным, отбывающим наказание.

Осужденные не могут нести ответственность за целый ряд проступков (нарушение паспортных правил, воинского учета, таможенных правил и пр.). Административно-правовой науке неизвестны случаи применения к осужденному административного ареста. Находясь на территории исправительного учреждения, осужденный применению мер позитивной ответственности не подлежит (например, освобождению от административной ответственности с передачей материалов на рассмотрение органа общественности или трудового коллектива). Осужденный может нести только ретроспективную, то есть юридическую, ответственность, одним из видов которой является административная.

Основанием (внешним) административной ответственности осужденного является совершение им общественно опасного деяния, выражающегося в нарушении порядка управления. Административная ответственность осужденных отличается от аналогичной ответственности российских граждан:

- а) по объему оснований ответственности (в основном только прямой умысел);
- б) субъектам ответственности (осужденные граждане, в том числе иностранные);
- в) объему мер наказания (к ним не применяется административный арест);
- г) порядку реализации ответственности (в основном, как это ни парадоксально звучит, на территории исправительного учреждения осуществляют процедуру, связанную с исполнением таковой, не сотрудники пенитенциарного учреждения, а полицейские).

Пока недостаточно публикаций о применении мер административной ответственности непосредственно к осужденным [1]. Не до конца разрешен научный вопрос об этом. Зафиксируем свою позицию: считаем, что осужденного нужно привлекать к административной ответственности [2]. Некоторые проблемы применения таковой были обозначены в научных трудах [3, 4].

По мнению некоторых авторов, если правонарушение совершил осужденный, то он должен нести только дисциплинарную ответственность на общих основаниях, так как он является специальным субъектом [5]. То, что он отбывает уголовное наказание, – уже особая (специальная) кара. Следовательно, статус тоже специфический. Получается, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) не распространяется на осужденных [6], то есть за совершение административного правонарушения осужденный должен нести дисциплинарную ответственность в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (УИК РФ). Выходит, очень хороший статус у осужденных. Они как бы не являются полным субъектом административной ответственности. Такой же статус у судей, прокуроров и других категорий лиц (например, депутатов).

На наш взгляд, осужденный обязан нести административную ответственность. В принципе такая же ответственность и у государственных служащих, в том числе у сотрудников пенитенциарной службы. КоАП РФ не освобождает осужденных от административной ответственности. УИК РФ также не запрещает применять к осужденным меры административной ответственности. Пенитенциарные сотрудники интерпретируют ст. 1.8 КоАП РФ, отталкиваясь от ее содержания, то есть осужденные подлежат такой ответственности на общих основаниях, как и все граждане.

Имеет место и другая точка зрения, в соответствии с которой осужденные рассматриваются в качестве особых субъектов. На них распространяется административная ответственность, но лишь в части, не урегулированной УИК РФ. Считаем, что осужденных необходимо привлекать по таким составам, как оскорбление, дискриминация, побои, экстремизм, распитие спиртного (это минимальный состав), на общих основаниях (нельзя только по ч. 2 ст. 19.3 КоАП РФ, осужденные не являются субъектами по этой статье).

Третья научная позиция состоит в том, что осужденные не рассматриваются в качестве особой (специальной) категории лиц (оговоримся, что они должны нести административную и дисциплинарную ответственность). В гл. 2 КоАП РФ отмечены особые (специальные) субъекты административной ответственности: военнослужащие, сотрудники МВД России, работники уголовно-исполнительной системы, пожарные (МЧС России), должностные лица и др. Например, в ст. 2.5 КоАП РФ изложены основания привлечения к ответственности сотрудников пенитенциарной службы.

Привлечение осужденного к административной ответственности не элиминирует привлечение его и к дисциплинарной ответственности по уголовно-исполнительному законодательству. Рассмотрим данное обстоятельство на конкретном примере. Осужденный (например, он находится в отпуске) совершил в городе N административное правонарушение. Следовательно, к нему применяется административная ответственность, а администрация исправительного учреждения может привлечь его и к дисциплинарной мере взыскания.

Порой пенитенциарные сотрудники неправильно считают, что осужденный как бы привлекается дважды. Например, осужденному было вынесено одно административное и одно дисциплинарное взыскание, что соответствует принципу законности, об этом ранее писали ученые в области административного права и процесса [7].

Поговорим о двойной ответственности осужденных (подчеркиваем при этом, что юридически нет никакой двойной ответственности). За каждое правонарушение в отдельности (дисциплинарное или административное) осужденный, обвиняемый или подозреваемый несет только одно наказание (дисциплинарное – выговор, административное – административный штраф). Юридически это не два наказания, а одно за каждый вид ответственности. Критерием является вид ответственности (всего четыре: уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная).

Таким образом, осужденного юридически можно привлекать к ответственности в рамках КоАП РФ. Кодекс не запрещает этого делать, что подтверждается и итогами интервьюирования. Проведенный опрос сотрудников пенитенциарной системы (всего было проинтервьюировано более 100 должностных лиц, обучающихся по программе профессиональной переподготовки «Управление деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы») в части применения административной от-

ветственности показал результаты, отраженные в таблицах 1–4. В роли опрашиваемых выступили слушатели высших академических курсов Академии ФСИН России из различных субъектов страны. Из данных таблиц мы видим, что большинство опрошенных выступает за применение таких мер ответственности, причем должны быть четкие основания в этой сфере деятельности. Например, полученные результаты говорят о том, что в КоАП РФ, а также в УИК РФ нет особых условий, связанных с применением в отношении осужденных к лишению свободы мер административной ответственности. Они просто не установлены (табл. 2). Для сотрудников исправительных учреждений такая фиксация в законе, а также в ведомственных инструкциях будет важным аргументом в части применения административной ответственности к исследуемой категории лиц (табл. 3). Большинство опрошенных сотрудников заявило, что не нужно фиксировать двойную ответственность, объясняя это тем, что, возможно, будет юридическая путаница в части применения наказаний (табл. 4). Кроме того, проведенный опрос показал, что необходимо расширить компетенцию администрации исправительных учреждений, например, в части возбуждения и рассмотрения административно-юрисдикционных дел.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Должны ли должностные лица пенитенциарных учреждений применять административную ответственность к осужденным?»

Ответ	Число респондентов	Процент
Да	78	78
Нет	12	12
Затрудняюсь ответить	10	10

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Случаются ли обстоятельства, которые не отрегулированы действующим законодательством, в рамках применения административной ответственности?»

Ответ	Число респондентов	Процент
Да	78	78
Нет	12	12
Затрудняюсь ответить	10	10

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Есть ли необходимость четкого нормативного (правового) закрепления административной ответственности осужденных?»

Ответ	Число респондентов	Процент
Да	100	100
Нет	–	–
Затрудняюсь ответить	–	–

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Есть ли необходимость закрепить двойную ответственность (например, административную и одновременно дисциплинарную) осужденных?»

Ответ	Число респондентов	Процент
Да	10	10
Нет	67	67
Затрудняюсь ответить	23	23

Интересно также отметить, что многие работники отстаивают позицию о целесообразности наличия юридического (процедурного) порядка действий в исследуемой области. Полагаем, что если изменить действующее законодательство, то к осужденному вполне возможно применить такой вид наказания, как административный арест. Осужденный, например, может его отбывать в штрафном изоляторе (ШИЗО).

Многие составы административных правонарушений (например, распитие спиртного, мелкое хулиганство), которые совершаются в исправительных учреждениях, не рассматриваются должностными лицами их администрации. Даже начальник исправительного учреждения не имеет такой компетенции. В основном возбуждают и рассматривают подобные дела должностные лица МВД России (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ). Сотрудники МВД России вправе осуществить и другие действия (процедурного характера): взять объяснение у лица, совершившего правонарушение; зафиксировать показания свидетеля; собрать доказательства; провести экспертизу. Пенитенциарные сотрудники не имеют права до возбуждения дела осуществить подобные действия (это не их компетенция).

В исправительных учреждениях совершаются административные правонарушения, а что делать сотрудникам пенитенциарного ведомства? Разбор законодательства разрешает нам предложить порядок действий работников пенитенциарной системы. Дело в том, что сотрудники в своей административно-служебной деятельности имеют право применять нормы Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», причем до возбуждения полицией дела. В то же время они могут использовать и ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Что нужно делать сотрудникам уголовно-исполнительной системы до возбуждения дела?

1. Написать рапорт (на имя начальника колонии, тюрьмы) по факту происшествия (например, совершения административного правонарушения).

2. Взять объяснение у правонарушителя.

3. Опросить свидетеля, а также потерпевшего.

4. Проанализировать ситуацию с привлечением специалиста (например, взять справку от эксперта – врача-нарколога о том, что осужденный был в состоянии опьянения).

5. Сделать фото и собрать другие документы.

6. Зафиксировать информацию об эпизоде происшествия (например, в подобающем журнале).

7. Направить рапорт в орган МВД России (данный рапорт послужит поводом для возбуждения дела об административном правонарушении), обслуживающий территорию, на которой расположено исправительное учреждение, и встретить сотрудника полиции

для составления протокола. Сотрудника полиции, который будет оформлять протокол, следует доставить и на территорию исправительного учреждения. Это объясняется тем, что вывод осужденного за пределы учреждения предполагает привлечение конвойных подразделений.

Считаем, что за совершение административных правонарушений, которые предусмотрены следующими статьями КоАП РФ: 5.61 «Оскорбление»; 5.62 «Дискриминация»; 6.1.1 «Побои»; 6.13 «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ»; 6.24 «Нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах»; 7.17 «Уничтожение или повреждение чужого имущества»; 7.27 «Мелкое хищение»; 7.27.1 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»; 20.3 «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»; 20.4 «Нарушение требований пожарной безопасности»; 20.21 «Появление в общественных местах в состоянии опьянения»; 20.22 «Нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ»; 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов», осужденные, содержащиеся в местах лишения свободы, должны подлежать именно административной ответственности. При этом правоприменительная деятельность сотрудников ФСИН России свидетельствует о том, что осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, привлекают к административной ответственности и за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ.

Таким образом, с точки зрения повышения эффективности административно-юрисдикционной деятельности администрации исправительных учреждений важную роль играет корректность применения к осужденным мер административной ответственности. В силу этого следует ввести конкретную статью и сформулировать ее в законодательстве об административной ответственности, назвав ее, например, «Особенности привлечения к административной ответственности осужденных и лиц, содержащихся в местах принудительного содержания». Соответствующий проект статьи нужно изложить в следующей редакции.

Вариант 1 (объемный подход)

«Статья... Административная ответственность осужденных и лиц, содержащихся под стражей

Осужденные к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, несут административную ответственность на общих основаниях.

За административные правонарушения лица, содержащиеся в исправительных учреждениях (в колониях-поселениях, воспитательных колониях), тюрьмах, следственных изоляторах, несут ответственность в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством и законодательством о содержании под стражей, за исключением случаев, когда административная ответственность специально установлена

соответствующей статьей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

За совершение административных правонарушений за пределами исправительных учреждений (колоний-поселений, воспитательных колоний), тюрем, следственных изоляторов осужденные несут административную ответственность на общих основаниях».

В случае совершения осужденным правонарушения, санкцией за которое предусмотрен административный арест, порядок исполнения данного вида административного наказания в отношении их нужно закрепить в соответствующей статье КоАП РФ и изложить ее в следующей редакции:

«Административный арест в отношении лиц, содержащихся в исправительных учреждениях (в колониях-поселениях, воспитательных колониях), тюрьмах, следственных изоляторах, исполняется по месту отбывания наказания в специально отведенном для этого камерном помещении.

Срок административного ареста не засчитывается в срок уголовного наказания».

Вариант 2 (ограниченный подход)

«Статья... Административная ответственность осужденных граждан Российской Федерации

Осужденные граждане за совершение административных правонарушений в пределах исправительных учреждений, следственных изоляторов или за их пределами несут административную ответственность на общих основаниях».

Разрабатывая проект указанной статьи, мы рассчитывали на то, что это поможет сотрудникам (МВД России, ФСИН России, ФСБ России), а особенно судьям правильно применять к осужденным данную меру ответственности, которая является вполне обоснованной, незатратной и достижимой.

Список источников

1. Поникаров В. А. Административно-юрисдикционный процесс в пенитенциарной системе России и зарубежных стран (организационно-правовые аспекты) : монография. Рязань : Академия ФСИН России, 2009. 211 с.

2. Поникаров В. А., Поникаров С. В. Деятельность сотрудников спецназа уголовно-исполнительной системы, связанная с привлечением подозреваемых, обвиняемых и осужденных к административной ответственности // Административное право и процесс. 2020. № 5. С. 44–48.

3. Поникаров С. В. Развитие административно-организационных основ правоохранительной деятельности подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний // Административное право и процесс. 2019. № 8. С. 75–76.

4. Ременсон А. Л. О правовых обязанностях заключенных // Вопросы советского государства и права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1966. Т. 183. С. 193–204.

5. Румянцев Н. В., Горовой В. В. Административная ответственность подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 212–213.

6. Селиверстов В. И. Правовое положение лиц, отбывающих наказание: теория и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 436 с.

7. Шергин А. П. Административная юрисдикция. М. : Юрид. лит., 1979. 144 с.

References

1. Ponikarov, V. A. 2009, *Administrative and jurisdictional process in the penitentiary system of Russia and foreign countries (organizational and legal aspects): monograph*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
2. Ponikarov, V. A. & Ponikarov, S. V. 2020, 'Activities of special forces officers of the penal system related to bringing suspects, accused and convicted persons to administrative responsibility', *Administrative law and process*, iss. 5, pp. 44–48.
3. Ponikarov, S. V. 2019, 'Development of administrative and organizational bases of law enforcement activities of special purpose units of institutions and bodies performing functions in the field of execution of criminal penalties', *Administrative law and process*, iss. 8, pp. 75–76.
4. Remenson, A. L. 1966, 'On the legal obligations of prisoners', in *Questions of the Soviet State and law*, vol. 183, pp. 193–204, Tomsk University Press, Tomsk.
5. Rumyantsev, N. V. & Gorovoy, V. V. 2019, 'Administrative responsibility of suspects, accused and convicted persons held in institutions of the penal system', *Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia*, iss. 2, pp. 212–213.
6. Seliverstov, V. I. 1992, *Legal status of persons serving sentences: theory and applied problems: PhD thesis (Law)*, Moscow.
7. Shergin, A. P. 1979, *Administrative jurisdiction*, Legal literature, Moscow.

Информация об авторе

В. А. Поникаров – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права.

Information about the author

V. A. Ponikarov – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the department of administrative and financial law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 08.07.2022.

The article was submitted 11.03.2022; approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication 08.07.2022.

Научная статья

УДК 343.827

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.345-352

ОБЫСКОВО-ДОСМОТРОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Олег Геннадьевич Ковалев¹, Андрей Васильевич Щербаков²

^{1,2} Псковский филиал Академии ФСИН России, г. Псков, Россия

¹ okovalev66@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-7869-4925>

² andrey-sherbakov-1973@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2079-1159>

Аннотация. Обеспечение безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы в современных условиях ее реформирования является основной задачей, сформулированной в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Цель настоящего исследования – изучить проблемы проведения обысков и досмотров в отношении спецконтингента, отбывающего уголовные наказания, и предложить эффективные способы их проведения.

В статье рассматриваются особенности содержания и организационно-правовые аспекты обыскной и досмотровой работы как фактора обеспечения безопасности исправительных учреждений. На основе проведенного теоретико-прикладного исследования выявлены и обоснованы современные тенденции и перспективы развития данного вида пенитенциарной деятельности, предложены пути совершенствования обысков и досмотров. Исследование опирается на статистические показатели Федеральной службы исполнения наказаний, информационные письма, аналитические обзоры, отдельные мнения практических работников отечественных пенитенциарных учреждений и других правоохранительных органов, а также осужденных, отбывающих наказание.

Ключевые слова: учреждения уголовно-исполнительной системы, обыскные и досмотровые мероприятия, запрещенные предметы, пенитенциарная преступность

Для цитирования

Ковалев О. Г., Щербаков А. В. Обыскново-досмотровые мероприятия как важнейший фактор обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 345–352. DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.345-352.

Original article

SEARCH AND INSPECTION MEASURES AS THE MOST IMPORTANT FACTOR IN ENSURING THE SECURITY OF PENITENTIARY INSTITUTIONS

Oleg Gennad'evich Kovalev¹, Andrey Vasil'evich Shcherbakov²

^{1,2} Pskov Branch of the Academy of the FPS of Russia, Pskov, Russia

¹ okovalev66@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-7869-4925>

² andrey-sherbakov-1973@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2079-1159>

Abstract. Ensuring the security of institutions of the penal system in the modern conditions of its reform is the main task formulated in the Concept of the Russian Penal System Development for the period up to 2030. The purpose of this research is to study the problems of conducting searches and inspections in relation to a special contingent serving criminal sentences, and to propose effective ways to conduct them. The features of the content and organizational and legal aspects of search and inspection work as a factor in ensuring the safety of correctional institutions are discussed in the article. On the basis of the conducted theoretical and applied research, modern trends and prospects for the development of this type of penitentiary activity are identified and substantiated. Ways of improving searches and inspections are proposed. The study is based on statistical indicators of the Federal Penitentiary Service of Russia, informational letters, analytical reviews, individual opinions of practitioners of domestic penitentiary institutions and other law enforcement agencies, as well as convicts serving sentences.

Keywords: institutions of the penal system, search and inspection measures, prohibited items, penitentiary crime

For citation

Kovalev, O. G. & Shcherbakov, A. V. 2022, 'Search and inspection measures as the most important factor in ensuring the security of penitentiary institutions', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 345–352. doi : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.345-352.

Введение

Деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС) многоаспектна и нацелена не только на исполнение приговоров судов, но и на обеспечение внутренней и внешней безопасности [1]. Основными средствами обеспечения безопасности в рассматриваемой сфере являются исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений, что соответствует целям уголовно-исполнительного законодательства и предопределяет специфику деятельности УИС в данном направлении (ст. 1 УИК РФ).

В целом безопасность УИС представляет собой состояние защищенности осужденных, персонала органов и учреждений, исполняющих наказания, их родственников, всех лиц, находящихся на территории пенитенциарных учреждений, от пенитенциарных опасностей, исходящих главным образом от пенитенциарной среды, пенитенциарной

преступности, угрожающих жизни, здоровью, чести и достоинству указанных лиц (внутрисистемная сторона безопасности), а также состояние защищенности общества от опасностей и угроз в связи с пенитенциарной деятельностью и находящимися во взаимосвязи с ней фактами постпенитенциарного рецидива, проникновением элементов криминальной и тюремной субкультуры в социум (внешняя сторона безопасности) [2]. Данное состояние обеспечивается слаженной работой субъектов, в первую очередь принадлежащих УИС (проведение режимных мероприятий, обысков и досмотров лиц, отбывающих уголовные наказания на территории исправительных учреждений), кроме того, представляющих другие правоохранительные органы, иные компоненты государства, институты гражданского общества, при этом взаимодействующих друг с другом и использующих соответствующий инструментарий организационно-правовых средств в рамках своей компетенции, функционального предназначения, решаемых задач. Такое понимание безопасности УИС как важного фактора внутренней безопасности общества нуждается в закреплении в официальном программном документе – Концепции безопасности УИС.

Согласно ведомственной статистической отчетности по форме СБ-1 «О результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России» количество противоправных действий, совершенных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в отношении персонала исправительных учреждений и следственных изоляторов, увеличилось на 4,5 и составило 787 случаев (АППГ – 750), из которых 323, или 41 %, – случаи насилия (АППГ – 300, или 40 %) и 464, или 59 %, – угрозы применения насилия и оскорбления (АППГ – 450, или 60 %), что указывает на недостаточность принимаемых учреждениями и региональными управлениями мер по профилактике данного вида правонарушений и формальность проводимой работы. В отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных за совершение противоправных действий в отношении персонала учреждений УИС следственными органами возбуждено 405 уголовных дел (АППГ – 359), в том числе 29, или 7,16 %, по ст. 318 УК РФ (АППГ – 24), 136, или 33,58 %, по ст. 319 УК РФ (АППГ – 116)¹.

Проведенное нами теоретико-прикладное исследование с использованием контент-анализа нормативно-правовых актов, литературных источников, а также интервьюирование 83 сотрудников подразделений безопасности (режимных и надзорных) УФСИН России по областям и регионам Российской Федерации показало, что основными объектами безопасности учреждений УИС являются персонал, подозреваемые, обвиняемые и осужденные, в них содержащиеся, а также иные лица, находящиеся на территории учреждений УИС. Предметом безопасности при этом выступают жизнь и здоровье указанных граждан, которые обеспечиваются посредством их защиты, осуществляемой должностными лицами учреждений и органов УИС, наделенных соответствующей компетенцией, предполагающей использование специальных форм, методов, приемов

¹ См.: О результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России : форма СБ-1, исх.-03-17072 от 17 марта 2021 г. Документ опубликован не был.

и технологий. Одними из таких специальных мер в пенитенциарных учреждениях выступают режимные мероприятия (обыск и досмотр).

Результаты нашего исследования позволили скорректировать определение «обеспечение безопасности учреждений и органов УИС», под которым можно понимать комплексную защиту ее объектов с применением системы форм, методов, приемов и технологий, направленных на эффективную реализацию пенитенциарной деятельности. Кроме того, подтвердилась выдвинутая гипотеза о том, что безопасность в учреждениях и органах УИС следует рассматривать как разноплановое, многогранное явление, эффективность обеспечения которого определяется своевременностью, полнотой и адекватностью осуществления комплексных мероприятий по защите указанных объектов.

Основная часть

Современные парадигмы обеспечения безопасности предполагают изучение и совершенствование ее правовых, организационных, оперативно-розыскных, режимных, психолого-педагогических, инженерно-технических, информационных и компьютерных основ, реализуемых в процессе активно проводимой в настоящее время цифровой трансформации в учреждениях и органах УИС. Важными направлениями обеспечения безопасности учреждений УИС в современных условиях выступают оперативно-розыскное и режимное, которые заключаются:

- в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в отношении осужденных за экстремизм и терроризм;
- противодействии проникновению в исправительные учреждения радикально настроенных лиц с целью пропаганды экстремистской идеологии;
- выявлении таких лиц из числа осужденных, принятии по отношению к ним своевременных мер профилактического и правового воздействия;
- проведении мероприятий по профилактике побегов заключенных под стражу и осужденных;
- обмену информацией с другими правоохранительными органами при условно-досрочном освобождении осужденных, обнаружении и задержании лиц, находящихся в розыске;
- обеспечении стабильного железнодорожного конвоирования;
- пресечении доставки в учреждения УИС запрещенных предметов, в том числе с использованием современных технологий, беспилотных управляемых аппаратов;
- профилактике поступления в учреждения УИС запрещенных предметов, перекрытию каналов их поступления;
- проведении общих, плановых, контрольных и внеплановых обыскных мероприятий.

Для обеспечения безопасности в учреждениях УИС, выявления и предупреждения пенитенциарной преступности, снижения побеговой активности спецконтингента, как было отмечено ранее, активно используются такие режимные мероприятия, как обыск и досмотр, эффективность которых определяется наличием и реализацией научно обоснованных методических рекомендаций, специальных тактических приемов и способов их проведения.

Правовой основой осуществления указанных режимных мероприятий являются Конституция Российской Федерации, ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, регламентирующая порядок и процедуру проведения обыска осужденных и помещений, в которых они проживают, а также досмотра их личных вещей. Например, Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295, более детально регламентируют

организацию и порядок проведения обысков и досмотров. В указанных и других нормативных правовых актах особое внимание обращается на соблюдение прав и законных интересов лиц, заключенных под стражу, и осужденных при проведении обыскных и досмотровых мероприятий. Целесообразность и необходимость их осуществления подтверждают данные исследования, согласно которым:

– в I полугодии 2016 г. в одних только исправительных учреждениях было изъято 2267,4 руб., что на 11,4 % больше, чем за АППГ; 2226,3 л спиртных напитков промышленного производства; 26,335 кг наркотических средств; 32 258 ед. средств связи, что на 6,6 % выше показателя АППГ¹;

– за 2017 г. в учреждениях УИС при проведении обысковых мероприятий было изъято 64 004 ед. средств мобильной связи (АППГ – 69 634) [3];

– за 9 месяцев 2021 г. было проведено более 2,6 млн указанных мероприятий, прирост которых составил более 100 тыс.² При этом отмечается тенденция более частого применения внеплановых обысков для выявления и предупреждения использования подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными средств мобильной связи.

Правовое значение обыска и досмотра в местах строгой изоляции состоит в том, что они рассматриваются в качестве одного из организационно-режимных мероприятий по поддержанию правопорядка в пенитенциарных учреждениях, но в то же время направлены на обеспечение защиты законных интересов самих осужденных и заключенных [3, с. 5]. Рассматривая организационно-правовые особенности проведения обыска в учреждениях УИС, необходимо отметить, что они проводятся на охраняемых режимных объектах с использованием комплекса поисковых действий, осуществляемых сотрудниками подразделений в целях обнаружения и изъятия у подозреваемых, обвиняемых и осужденных запрещенных предметов и вещей.

Наиболее часто в учреждениях УИС изымаются следующие запрещенные предметы: различные колюще-режущие предметы; средства мобильной связи; денежные средства; алкогольные напитки на спиртовой основе (промышленного и кустарного производства); наркотики. В последнее время отмечается устойчивая тенденция активизации выявления и изъятия колюще-режущих предметов. Так, за 9 месяцев 2021 г. их изъято более 10,2 тыс. ед., что на 74 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Большинство (4/5) изымаются в ИУ; количество изъятых мобильных телефонов увеличилось более чем на 7 % (41,5 тыс.). При этом 72 % средств мобильной связи изымается по оперативной информации.

В рассматриваемом контексте представляется возможным изучение и использование опыта европейских государств в области противодействия телефонному мошенничеству, другим преступлениям в сфере информационных и компьютерных технологий, организации кибербезопасности пенитенциарных учреждений от угроз их инфраструктуре, снижения побеговой активности спецконтингента, профилактики подстрекательства,

¹ См.: Анализ эффективности принимаемых территориальными органами ФСИН России мер по пресечению поступления средств мобильной связи, исх.-03-23869 от 6 апреля 2018 г. Документ опубликован не был.

² См.: О результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России: форма СБ-1, исх.-03-17072 от 17 марта 2021 г. Документ опубликован не был.

провокаций и других деструктивных действий осужденных по дезорганизации деятельности ИУ, осуществляемых лицами, находящимися за пределами ИУ.

На 53 % выросло количество мобильных телефонов, изымаемых на территории учреждений УИС, что, безусловно, свидетельствует об эффективности обыскной и досмотровой работы, и в первую очередь при проведении внеплановых обысков, но одновременно указывает на недостатки в организации работы по перекрытию каналов поступления средств мобильной связи в учреждения УИС. Проведенный анализ показал, что в ИУ наиболее распространенными из них являются:

- переброс через основное заграждение (половина изъятых на территории ИУ);
- использование транспортных средств (14 %);
- доставка сотрудниками УИС (3,4 %);
- закладка в специально оборудованных схронах (2,7 %);
- пронос через КПП (менее 1 %);
- использование почтовых отправок (менее 1 %).

Установлена тенденция увеличения почти на треть количества изъятых наличных денег в учреждениях УИС, причем в ИУ данный показатель вырос в 2,5 раза (с 244 до 621 тыс. руб.). К распространенным каналам доставки денежных средств в ИУ относятся: пронос лицами, прибывшими на свидания к осужденным (79 %), и почтовые отправления (15 %). В СИЗО чаще всего денежные средства доставляются самими подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными по прибытии в учреждения (92 %), а также с использованием почтовых отправок (6,9 %).

Отмечается тенденция снижения (более 40 %) изъятия алкогольных напитков промышленного производства. В то же время показатель изъятия указанного алкоголя при его доставке в учреждения УИС вырос более чем на 3 %. Основными каналами доставки алкоголя в учреждения являются: переброс через основные заграждения; поступление с режимной территории, прилегающей к учреждению; использование транспортных средств.

Несмотря на увеличение обыскной активности, существенный рост ее результативности, наличие значительного количества запрещенных предметов на территории учреждений УИС неблагоприятно влияет на оперативно-режимную обстановку, способствует ее ухудшению, является причиной пенитенциарной преступности, преступлений, совершаемых подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, с использованием колюще-режущих предметов, в том числе в отношении персонала и лиц, находящихся на территории учреждений.

Так, анализ ведомственного статистического отчета по форме «2-УИС» показал, что в 2020 г. в состоянии алкогольного опьянения 20 подозреваемых, обвиняемых и осужденных совершили 18 преступлений, из них 3 – особо учитываемых; преступления с использованием колюще-режущих предметов допущены в 30 территориальных органах ФСИН России; совершено 285 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Заключение

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование обыскной и досмотровой работы как фактора обеспечения эффективности безопасности учреждений УИС позволяет сформулировать следующие выводы.

Рассмотренные статистические показатели обысково-досмотровых мероприятий дают нам право заявлять, что спецконтингент не оставляет попыток получить в свое

распоряжение предметы, вещи и продукты питания, запрещенные к использованию в учреждениях УИС.

Обыскные и досмотровые мероприятия проводятся с соблюдением прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных в соответствии с законодательными и ведомственными нормативными правовыми актами на основании достаточных и достоверных данных о том, что в определенном месте у указанных категорий лиц могут находиться орудия преступления, документы и ценности, имеющие значение для уголовного дела, а также запрещенные предметы. При этом источник получения информации (процессуальный, оперативно-розыскной или иной) значения не имеет.

Обыскные мероприятия, осуществляемые в учреждениях УИС по уголовному делу, необходимо рассматривать как следственные действия, на которые распространяются требования УПК РФ. Они осуществляются на основании судебного решения в отношении обыскиваемого (осужденного), производятся на закрытой территории, в ограниченном пространстве, посредством принудительного обследования помещений или иных мест. Основной целью выступает отыскание и изъятие орудий преступления, предметов и ценностей, полученных преступным путем, имеющих значение для уголовного дела.

Обыскные и досмотровые мероприятия являются важным фактором обеспечения безопасности учреждений УИС, профилактики пенитенциарной преступности, побеговой активности спецконтингента, совершения преступлений экстремистской направленности, дезорганизующих деятельность ИУ.

Предметы, вещи и документы, изымаемые в ходе указанных мероприятий, используются при доказывании в уголовном процессе, профилактике противоправного поведения лиц в условиях социальной изоляции.

Для совершенствования безопасности в деятельности учреждений УИС, повышения эффективности обыскной и досмотровой работы представляется целесообразным дополнить УПК РФ статьей, определяющей порядок и процедуру проведения обыска и выемки в условиях исправительного учреждения для использования их при доказывании результатов, полученных при проведении рассматриваемых режимных мероприятий [4]. Необходимо также:

- продолжить системную, комплексную работу по перекрытию каналов поступления в учреждения УИС запрещенных предметов (оборудование территории техническими и инженерными средствами предупреждения и пресечения перебросов);
- совершенствовать методику проведения обыскных и досмотровых мероприятий с использованием современных технических средств, оперативного и режимного сопровождения;
- предусмотреть проведение научных исследований, подготовку выпускных квалификационных работ по рассматриваемой тематике, внесение необходимых изменений в тематические планы учебных дисциплин «Обеспечение безопасности в УИС», «Организация режима и охраны»;
- широко привлекать на плановой основе к проведению обыскных и досмотровых мероприятий профессорско-преподавательский состав выпускающих кафедр (режима, надзора и ОРД) в составе подразделений территориальных органов УИС, проводящих указанные мероприятия.

В заключение отметим, что на законодательном уровне не закреплены понятия «обыск» и «досмотр». Ведомственные нормативно-правовые акты лишь содержат общий порядок их проведения. Результаты нашего исследования подчеркивают актуальность проведения ре-

жимных обысково-досмотровых мероприятий на территории пенитенциарных учреждений. От качества их проведения зависит безопасность УИС в целом.

Список источников

1. Щербаков А. В., Углицких Д. В. Теоретические, организационные и правовые основы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2020. 263 с.
2. Галузин А. Ф. Пенитенциарная безопасность личности, общества, государства (основы концепции) : монография. Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2012. 224 с.
3. Анискин С. И., Бортник Л. Ю., Семенова Л. Ю. Правовое регулирование и тактика проведения обысков и досмотров в СИЗО и тюрьмах : учеб. пособие. Томск : Томский ИПКР ФСИН России, 2016. 61 с.
4. Ковалев О. Г., Щербаков Н. А. Организационно-правовые особенности проведения обыска и выемки в условиях исправительного учреждения // Столыпинский вестник. 2021. Т. 3, № 2. С. 189–198.

References

1. Shcherbakov, A. V. & Uglitskikh, D. V. 2020, *Theoretical, organizational and legal bases of ensuring the security of the penal system: a textbook for universities*, Urte, Moscow.
2. Galuzin, A. F. 2012, *Penitentiary security of the personality, society, state (fundamentals of the concept): monograph*, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara.
3. Aniskin, S. I., Bortnik, L. Yu. & Semenova, L. Yu. 2016, *Legal regulation and tactics of conducting searches and inspections in pre-trial detention centers and prisons: textbook*, Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the FPS of Russia, Tomsk.
4. Kovalev, O. G. & Shcherbakov, N. A. 2021, 'Organizational and legal features of conducting a search and seizure in a correctional institution', *Stolypin Bulletin*, vol. 3, iss. 2, pp. 189–198.

Информация об авторах

О. Г. Ковалев – доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС;

А. В. Щербаков – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС.

Information about the authors

O. G. Kovalev – Sc.D (Law), PhD (Psychology), Professor, professor of the department of regime organization and operational-investigative activities in the penal system;

A. V. Shcherbakov – PhD (Law), Associate Professor, head of the department of regime organization and operational-investigative activities in the penal system.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 08.07.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication 08.07.2022.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Научная статья

УДК 351.74(479.24)

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.353-359

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Наби Йяхия-оглы Аскеров¹

¹Полицейская академия Министерства внутренних дел Азербайджанской Республики, г. Баку, Азербайджан, policeacademy@pa.edu.az

Аннотация. В статье рассмотрены особенности трудовой деятельности сотрудников правоохранительных органов в Азербайджанской Республике с точки зрения ее правового регулирования. На основе анализа действующих нормативных правовых актов и практики их применения предлагается внести ряд изменений в законодательство. Особое внимание уделено развитию профсоюзной деятельности в системе правоохранительных органов. Представлены меры по совершенствованию порядка применения мер поощрения и взыскания к сотрудникам органов внутренних дел.

Ключевые слова: гражданское общество, общественное объединение, профсоюз, право на объединение, сотрудники органов внутренних дел, сотрудник полиции, нормы охраны труда, правила охраны труда, стандарты охраны труда

Для цитирования

Аскеров Н. Й. Современные проблемы и некоторые вопросы трудовой деятельности сотрудников правоохранительных органов // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 353–359. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.353-359.

ABROAD

Original article

MODERN PROBLEMS AND SOME ISSUES OF LABOR ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Nabi Yyakhhiya-ogly Askerov¹

¹Police Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan, policeacademy@pa.edu.az

© Аскеров Н. Й., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Abstract. The article examines the peculiarities of the labor activity of law enforcement officers in the Republic of Azerbaijan from the point of view of its legal regulation. Based on the analysis of the current regulatory legal acts and the practice of their application, the author proposes a number of amendments to the legislation. Special attention is paid to the development of trade union activity in the system of law enforcement agencies. Measures to improve the procedure for applying incentives and penalties to employees of internal affairs bodies are presented.

Keywords: civil society, public association, trade union, right to association, employees of internal affairs bodies, police officer, labor protection standards, labor protection rules, labor protection standards

For citation

Askerov, N. 2022, 'Modern problems and some issues of labor activity of law enforcement officers', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 353–359, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.353-359.

Перед правоохранительными органами стоят важные задачи в области охраны и укрепления общественного порядка. Необходимым условием успешного выполнения этих задач является неукоснительное и последовательное соблюдение сотрудниками требований законодательства, приказов и инструкций Министерства внутренних дел Азербайджанской Республики, а также приказов, распоряжений и инструкций непосредственных начальников (командиров) в порядке, установленном законом. При исполнении своих обязанностей сотрудники правоохранительных органов должны показывать пример неукоснительного соблюдения законности и дисциплины. Еще 20 сентября 1993 г. Гейдар Алиев в своем выступлении на совещании в Министерстве внутренних дел Азербайджанской Республики отметил, что деятельность полиции зависит от знаний, навыков и профессионализма сотрудников, от сильной, железной дисциплины в этих органах. Он добавил, что полицию следует любить и уважать.

В последнее время были намечены различные задачи в деле повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, развития профессионализма и культурного уровня сотрудников. Однако в некоторых случаях игнорируются вопросы, связанные с использованием личной инициативы и возможностей сотрудников. В первую очередь речь идет о роли и высоком потенциале профсоюзов, поскольку внесудебного органа по защите нарушенных трудовых прав сотрудников правоохранительных органов нет. Они не могут использовать забастовки или другие средства, предусмотренные законом, для защиты своих нарушенных трудовых прав, поэтому или отказываются их защищать, или вынуждены защищать их самостоятельно, без какой-либо юридической помощи со стороны полиции. С этой точки зрения мы считаем, что создание и функционирование профсоюзов в органах внутренних дел было бы одним из прогрессивных шагов, предпринятых для решения существующих проблем.

Профсоюзы действуют в полиции многих стран – России, Германии, Австрии, Австралии, Бельгии, Дании, Люксембурга, Малави, Нигерии, Норвегии, Новой Зеландии, Нидерландов, Португалии, Великобритании, Сенегала, Швейцарии, Туниса, США, Финляндии, Франции, Ирландии, Кот-д'Ивуара. В этих государствах различная политическая структура, разный уровень социально-экономического и культурного развития. В Западной Европе, США и Канаде профсоюзы полицейских начали возникать

в середине 1940-х годов под влиянием процессов демократизации. Необходимость повышения имиджа полиции, социальной и правовой защиты ее сотрудников стала основанием для создания таких учреждений. В настоящее время существует 51 полицейский союз в Германии, по шесть в Испании и Финляндии, шесть на федеральном уровне в США и десятки в каждом штате и около 30 во Франции [1]. Из стран бывшего СССР профсоюзы сотрудников правоохранительных органов действуют только в России. Первые из них были образованы в 1993 г., когда вступил в силу Закон РСФСР «О милиции» (1991 г.), принятый в последние дни существования СССР [1].

Мы считаем, что, хотя законодательство Азербайджанской Республики, регулирующее деятельность полиции, прямо не предусматривает права сотрудников правоохранительных органов объединяться в профессиональные союзы, международные правовые акты, включенные в законодательство Азербайджанской Республики, допускают создание таких организаций. Так, ст. 5 Закона Азербайджанской Республики «О ратификации Европейской социальной хартии» закрепляет право на организацию, то есть создание местных, национальных или международных организаций для защиты экономических и социальных интересов работников и работодателей. На наш взгляд, для полного обеспечения трудовых, социальных и экономических прав сотрудников правоохранительных органов целесообразно дополнить Закон Азербайджанской Республики «О полиции» следующей нормой:

«Статья 38-1. Право сотрудников полиции объединяться в профессиональные союзы (ассоциации)

I. Сотрудники полиции имеют право защищать свои социально-экономические права и интересы и объединяться в целях представительства или вступать в профессиональные союзы (ассоциации).

II. Полномочия и порядок создания профессиональных союзов (объединений) сотрудников полиции определяются законом».

В целях обеспечения и защиты трудовых, социальных и экономических прав и интересов других сотрудников правоохранительных органов, не имеющих статуса «сотрудник полиции», целесообразно включить в Закон Азербайджанской Республики «Об утверждении Положения о службе в правоохранительных органах» такую норму:

«Сотрудники полиции имеют право защищать свои социально-экономические права и интересы, а также объединяться или вступать в профессиональные союзы (ассоциации) с целью представительства. Полномочия и порядок создания профессиональных союзов (объединений) сотрудников органов внутренних дел определяются законодательством».

Обеспечение безопасных условий труда – фактор особой важности, главная задача каждого цивилизованного государства. В большинстве развитых стран охрана труда стала конституционным правом и обеспечивается законом, имеющим высшую юридическую силу. Как указано в ст. 35 Конституции Азербайджанской Республики, каждый имеет право работать в безопасных и здоровых условиях [3].

Безопасность труда означает соблюдение мер технической безопасности, санитарии, гигиены, лечения и профилактики, норм и стандартов, предусмотренных Трудовым кодексом и другими нормативными правовыми актами Азербайджанской Республики, а также коллективными и трудовыми договорами, контрактами. Нормы и правила охраны труда применяются на всех предприятиях, в ведомствах и организациях независимо от формы собственности и организационно-правовой формы. Часть 3 ст. 207 Трудового

кодекса Азербайджанской Республики гласит, что требования нормативных правовых актов по охране труда, норм, стандартов, правил охраны труда обязательны для сторон трудовых отношений и иных физических и юридических лиц. Эти положения, безусловно, распространяются и на органы внутренних дел.

Однако в законодательстве мало внимания уделяется вопросам охраны труда сотрудников правоохранительных органов. Хотя Трудовой кодекс Азербайджанской Республики предусматривает определенные правила и инструкции в области охраны труда, мы полагаем, что это положение не полностью реализуется при исполнении различных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов. Например, в соответствии с постановлением № 7 Правительства Азербайджанской Республики преподавание связано с высокой вероятностью появления профессионального заболевания (например, хронический ларингит, контактные язвы голосовых связок). Это положение распространяется и на преподавателей, работающих в образовательных учреждениях органов внутренних дел. Однако в законодательстве не закреплены меры, которые должны быть приняты по профилактике таких профессиональных заболеваний. Кроме того, страховые органы, как правило, отказывают в страховых выплатах сотрудникам, получившим случайные травмы во время спортивных тренировок (в настоящее время они обязательны в полиции и проводятся в определенные дни недели). На основании ч. 1 ст. 5 Закона Азербайджанской Республики от 5 октября 1999 г. «Об обязательном государственном личном страховании должностных лиц судебных и правоохранительных органов» страховой орган рассматривает возможность страховых выплат работникам только при исполнении служебных обязанностей. Участие в спортивных играх или тренировках не признается исполнением служебных обязанностей. Аналогичный подход существует в отношении ограничения страховых выплат курсантам, окончившим среднюю школу и обучающимся в Полицейской академии Министерства внутренних дел Азербайджанской Республики, в случае травм, полученных при исполнении служебных обязанностей. Мы считаем, что решение обозначенных проблем было бы одним из важных шагов, предпринятых для защиты конституционных прав сотрудников правоохранительных органов в области охраны труда.

Наиболее эффективным средством повышения профессионализма сотрудников правоохранительных органов, своевременного выполнения поставленных задач, мобилизации сил, а также укрепления законности и дисциплины в их деятельности является применение стимулов. Их роль в укреплении служебной дисциплины в правоохранительных органах постоянно возрастает. По мнению профессора А. Гасымова, стимулы в трудовом праве означают систему мер, применяемых работодателем к работникам, на высоком профессиональном уровне отличившимся при выполнении трудовых функций и соблюдении внутренних дисциплинарных правил [2].

Из содержания п. 110 Положения о службе в органах внутренних дел Азербайджанской Республики видно, что фактической основой поощрения сотрудников правоохранительных органов является образцовое исполнение служебных обязанностей и высокие результаты, достигнутые на службе. Применение руководителями органов внутренних дел к подчиненным сотрудникам поощрений является не только их правом, но и одной из основных обязанностей, вытекающих из Дисциплинарного устава. Согласно ст. 26 Дисциплинарного устава начальник несет ответственность за состояние служебной дисциплины в команде, которую он возглавляет. Руководители всех уровней должны оценивать каждое полезное действие своих подчиненных. Важно отметить, что мо-

тивация сотрудников должна быть реалистичной. В противном случае стимулы могут потерять свой воспитательный эффект, превратившись в чрезмерную похвалу, и тем самым привести к нарушению дисциплины.

Согласно п. 110 Положения о службе в органах внутренних дел и п. 10 Дисциплинарного устава к работникам могут применяться следующие меры стимулирования: благодарность; денежный приз; награждение ценным подарком; награждение почетным дипломом; награждение почетным знаком; досрочное присвоение следующего специального звания; повышение в специальном звании на ступень выше, чем предусмотрено в штате; вручение наградного оружия.

В качестве стимула может быть использовано досрочное снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания. Данная мера поощрения распространяется только на сотрудников, которые были дисциплинированы и продемонстрировали примерное поведение, высокопрофессионально выполняя свои обязанности (функции) в период действия дисциплинарного взыскания. В связи с этим возникает вопрос: могут ли применяться к работнику льготы в период действия дисциплинарного взыскания? Ни Дисциплинарный устав, ни Положение о службе в органах внутренних дел Азербайджанской Республики не содержат норм, связанных с этой проблемой. Однако в ч. IV ст. 190 Трудового кодекса Азербайджанской Республики указано, что в случае поощрения работника каким-либо способом, предусмотренным ст. 185 настоящего Кодекса, за высокопрофессиональное выполнение трудовых функций и соблюдение внутренних дисциплинарных правил в течение срока действия дисциплинарного взыскания с даты награждения наложенное на него дисциплинарное взыскание считается недействительным. При этом ч. II ст. 5 Трудового кодекса Азербайджанской Республики гласит, что данный Кодекс распространяется на государственных служащих, а также сотрудников прокуратуры, полиции и других правоохранительных органов с учетом особенностей, определенных иными правовыми актами. Если данные нормативные правовые акты не охватывают в полной мере трудовые, социальные и экономические права этих работников, к ним применяются соответствующие нормы, предусмотренные этим Кодексом.

В соответствии с указанными положениями мы полагаем, что в течение срока действия дисциплинарного взыскания могут применяться в качестве стимула меры поощрения за образцовую службу даже без досрочного снятия ранее наложенного дисциплинарного взыскания. На наш взгляд, было бы целесообразно, чтобы законодатель внес в Положение о службе в органах внутренних дел Азербайджанской Республики п. 111-1 следующего содержания: *«Если работник вознагражден каким-либо способом поощрения, предусмотренным в пункте 110 настоящего Положения, за высокий профессионализм и соблюдение требований Дисциплинарного кодекса в течение срока действия дисциплинарного взыскания со дня награждения, данное дисциплинарное взыскание считается недействительным».*

Рациональность поощрений, то есть их применение к работнику за достойную, образцовую службу, положительно влияет на укрепление служебной дисциплины других сотрудников. Иногда на практике случается, что сотрудники не получают вознаграждения в течение года. Однако в праздничные дни подготавливаются объемные приказы их награждения без учета их отношения к службе, а точнее, без изучения их служебной деятельности. В связи с этим считаем справедливым мнение М. В. Молодцова, который выступает против массового награждения сотрудников в знаменательные дни [3].

Награждать сотрудников правоохранительных органов следует не за праздник, а за примерное поведение на службе.

Педагогическая эффективность поощрений зависит от принципа открытости в их применении. Все должны знать об успехах сотрудника, о его награде за безупречное выполнение служебных обязанностей. Как правило, решение о поощрении сотрудников объявляется приказом лично или на собрании. Это увеличивает педагогический эффект поощрительного мероприятия, побуждает сотрудников служить более усердно.

В случае грубого нарушения служебных обязанностей наступает дисциплинарная ответственность. Это вид юридической ответственности. Основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников правоохранительных органов является дисциплинарное правонарушение. Анализ особенностей дисциплинарного производства в отношении сотрудников правоохранительных органов показывает, что в законе следует отразить характер дисциплинарных проступков, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов. Например, занятие предпринимательской деятельностью вне службы сотрудника полиции может считаться грубым дисциплинарным нарушением.

К сотрудникам могут быть применены следующие дисциплинарные меры за нарушение правил службы и исполнительской дисциплины, а также за действия, наносящие ущерб репутации сотрудника полиции: выговор; строгий выговор; предупреждение о некомпетентности; перевод из одной позиции в другую; понижение специального звания на одну ступень; увольнение со службы. Все эти виды дисциплинарных взысканий (кроме увольнения) действуют в течение одного года. Мы считаем, что годичный срок для всех видов дисциплинарных взысканий ослабляет их социальное воздействие. В силу этого на законодательном уровне целесообразно разграничить продолжительность дисциплинарного взыскания по видам. Например, выговор – 3 месяца, строгий выговор – 6 месяцев и т. д.

Еще одна проблема – правильное применение дисциплинарных мер. В литературе отмечается, что предупреждение о некомпетентности в основном применяется к должностным лицам [4, с. 35]. Характерной особенностью данного вида наказания является то, что оно применяется к работнику не за отдельные дисциплинарные проступки и проступки, а за ненадлежащее выполнение какой-либо служебной функции. Этот вид наказания действует как сигнал – если работник не добьется положительных результатов на службе, то он может быть уволен из органов внутренних дел. По этой причине мы считаем целесообразным установить условия наложения дисциплинарного взыскания в индивидуальном порядке либо в законодательстве, либо в Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Азербайджанской Республики.

Список источников

1. Бурдин К. И. Вопросы становления милицейских профсоюзов // Социология права. 1999. № 6. С. 51–55.
2. Гасымов А. М. Трудовое право : учебник. Баку : Адилоглу, 2007. 609 с.
3. Молодцов М. В., Головина С. Ю. Трудовое право России : учеб. для вузов. М. : Норма, 2003. 626 с.
4. Научно-практический комментарий к Трудовому кодексу Азербайджанской Республики / под ред. А. М. Гасымова. Баку : Юрид. изд-во, 2018. 817 с.

References

1. Burdin, K. I. 1999, 'Questions of formation of police trade unions', *Sociology of Law*, iss. 6, pp. 51–55.
2. Gasymov, A. M. 2007, *Labor Law: textbook*, Adiloglu, Baku.
3. Molodtsov, M. B. & Golovina, S. Yu. 2003, *Labor Law of Russia: textbook for universities*, Norma, Moscow.
4. Gasymov, A. M. (ed.) 2018, *Scientific and practical commentary on the Labor Code of the Republic of Azerbaijan*, Legal Publishing House, Baku.

Информация об авторе

Наби Ияхия-оглы Аскеров – доктор философии по праву, доцент, начальник кафедры гражданского права.

Information about the author

Nabi Yuakhiya-ogly Askerov – Sc.D (Philosophy), Associate Professor, head of the department of civil law..

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.3. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 13.07.2022.

The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 13.07.2022.

Научная статья

УДК 343.8 : 343.95(476)

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.360-373

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГО-ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ МУЖЧИН, СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ И СОСТОЯЩИХ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ УЧЕТЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Михаил Юльевич Кашинский¹

¹ Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, m.kashinsky@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты криминологического исследования личности осужденных к лишению свободы мужчин, страдающих психическими расстройствами и состоящих на психологическом учете в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь. В ходе проведенного исследования выделены основные социально-демографические (возраст, уровень образования, семейное положение), уголовно-правовые (статья Уголовного кодекса Республики Беларусь, по которой он осужден; срок наказания в виде лишения свободы, определяемый судом за совершенное преступление; количество судимостей), уголовно-исполнительные (характеристика администрации исправительного учреждения по отношению к соблюдению установленного порядка отбывания наказания, неформальный статус, особенности психологической характеристики в местах лишения свободы, особенности трудовой занятости и другие) и медико-психиатрические (нозологическая форма психического расстройства, особенности психиатрического наблюдения и лечения в исправительном учреждении, состояние соматического здоровья и другие) особенности, формирующие криминологическую характеристику их личности. Полученные результаты предлагается использовать при разработке и организации системы воспитательных, психологических и медицинских профилактических мероприятий с осужденными мужчинами, страдающими психическими расстройствами и отбывающими наказание в виде лишения свободы, а также в комплексе системы мер, направленных на противодействие преступности лиц, страдающих психическими расстройствами.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, личность осужденного с психическими расстройствами, противодействие преступности и общественно опасному поведению лиц с психическими расстройствами

© Кашинский М. Ю., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Для цитирования

Кашинский М. Ю. Особенности криминологического-пенитенциарного характера личности осужденных мужчин, страдающих психическими расстройствами и состоящих на психологическом учете в исправительных учреждениях Республики Беларусь // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 360–373. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.360-373.

Original article

FEATURES OF CRIMINOLOGICAL AND PENITENTIARY CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF CONVICTED MEN SUFFERING FROM MENTAL DISORDERS AND BEING PSYCHOLOGICALLY REGISTERED IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Mikhail Yul'evich Kashinskiy¹

¹ Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, m.kashinsky@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a criminological study of the personality of men sentenced to imprisonment, suffering from mental disorders and being psychologically registered in correctional institutions of the penitentiary system of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. As a result of the conducted research, the main socio-demographic (age, level of education, marital status), criminal law (article of the Criminal Code of the Republic of Belarus, according to which he was convicted; the term of punishment in the form of imprisonment determined by the court for the crime committed; the number of convictions), penal enforcement (characteristics of the administration of a correctional institution in relation to compliance with the established order of serving a sentence, informal status, features of psychological characteristics in places of deprivation of liberty, features of employment, etc.) and medical and psychiatric (nosological form of mental disorder, features of psychiatric observation and treatment in a correctional institution, the state of somatic health and others) features that form the criminological and penitentiary characteristics of their personality. The obtained results are proposed to be used in the development and organization of a system of educational, psychological and medical preventive measures with convicted men suffering from mental disorders and serving sentences in the form of imprisonment, as well as in the complex system of measures aimed at countering the criminality of persons suffering from mental disorders.

Keywords: criminological and penitentiary characteristics, personality of a convicted person with mental disorders, countering crime and socially dangerous behavior of persons with mental disorders

For citation

Kashinskiy, M. Yu.. 2022, 'Features of criminological and penitentiary characteristics of the personality of convicted men suffering from mental disorders and being psychologically

registered in correctional institutions of the Republic of Belarus', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 360–373, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.360-373.

Введение

Как показало проведенное исследование, в структуре общей заболеваемости лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) МВД Республики Беларусь, лидирует психическая патология, а относительное число лиц в учреждениях УИС с установленным диагнозом психического расстройства и зависимости от психоактивных веществ намного выше общереспубликанского уровня. Следует также учитывать, что в условиях учреждений УИС, которые, несомненно, являются экстремальными для любой личности, к состоянию психического здоровья осужденного (лица, содержащегося под стражей) предъявляются повышенные требования. В результате этого у большинства осужденных к лишению свободы (особенно впервые) или лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах (СИЗО), могут возникнуть психические расстройства или будут прогрессировать имевшиеся у них до попадания в пенитенциарные учреждения расстройства психики, если в отношении их не предпринимать специального воздействия [1, с. 187].

Важно также понимать, что науку криминологию, применительно к проблеме исследования, интересует не сколько среди преступников лиц с расстройствами психики (хотя и это является важным), а прежде всего какое влияние могут оказывать психические расстройства на преступность и отклоняющееся поведение и как коррелируют между собой отдельные виды преступлений и психических расстройств. При этом следует обратить внимание на тот факт, что «если личность преступника исследуется главным образом для того, чтобы понять природу, причины и механизмы преступного поведения, то внимание к личности осужденного продиктовано двумя обстоятельствами: для определения путей и средств эффективного воспитательного воздействия на преступника и для недопущения совершения им новых преступлений, в том числе в период отбывания наказания» [2].

Как свидетельствует анализ специальной литературы и подтверждают результаты проведенного исследования, на практике организация воспитательной работы и применение иных средств исправления в отношении осужденных с психическими расстройствами строится, как правило, без учета имеющегося у них диагноза психических расстройств и ориентирована на так называемого среднестатистического психически здорового осужденного [3]. Более того, 25 % опрошенных нами врачей-психиатров УИС (далее – психиатры УИС) считают, что исправительное воздействие практически не оказывается в отношении осужденных к лишению свободы, страдающих психическими расстройствами, ввиду состояния их здоровья.

Вместе с тем совершенно очевидно, что состояние психического здоровья, несомненно, оказывает существенное влияние на поведение осужденного в местах лишения свободы, что необходимо учитывать при организации воспитательной работы с лицами, содержащимися в учреждениях УИС. Как отмечали Ю. М. Антонян и С. В. Бородин в своей работе «Преступность и психические аномалии», «исправление и перевоспитание осужденных, имеющих аномалии психики, имеют значительную криминологическую и уголовно-правовую специфику в первую очередь в силу психологических и психопатологических особенностей личности осужденных, определяющих их поведение, отношение к наказанию, условиям его отбывания, общения с

другими осужденными», а без учета «психического здоровья и состояния осужденных исполнение уголовного наказания в отношении таких лиц, не может быть эффективным» [4, с. 180–181]. При этом отклоняющемуся и «уголовно наказуемому поведению активно способствуют не психические аномалии сами по себе, а те психологические особенности личности, которые формируются под их влиянием», поскольку сами по себе «психические расстройства не ведут к преступлению напрямую, не преломляясь через психологию субъекта» [5, с. 47]. По мнению российских судебных психиатров, «при психических аномалиях, не исключая вменяемости, сохраняется не только связь с внешним миром, но и детерминация им психической деятельности и поступков человека, хотя и с определенными искажениями», при этом «личностные психологические особенности, которые формируются под влиянием аномалий, способствуют такому поведению, являясь более криминогенными, чем последние» [6, с. 42]. В связи с этим, изучая особенности личности вменяемых лиц, страдающих психическими расстройствами и совершившими преступления, мы прежде всего исследовали осужденных мужчин с установленным диагнозом психического расстройства, которые в силу своих отрицательных индивидуально-психологических особенностей личности были поставлены на психологический учет в период отбывания наказания в виде лишения свободы в 15 исправительных учреждениях (ИУ) УИС МВД Республики Беларусь.

Основная часть

Предлагаемая криминолого-пенитенциарная характеристика осужденных мужчин, страдающих психическими расстройствами и состоящих на психологическом учете, разработана на основе анализа социально-демографических (возрастная группа, уровень образования, семейное положение), уголовно-правовых (статья УК Республики Беларусь, по которой осужден, срок наказания в виде лишения свободы, определяемый судом за совершенное преступление, количество судимостей), уголовно-исполнительных (продолжительность (срок) нахождения в ИУ на момент проведения исследования, неформальный статус, участие в работе самодеятельных организаций, трудовая занятость в ИУ, характеристика администрации ИУ по отношению к соблюдению установленного порядка отбывания наказания, особенности учета психолога ИУ и др.), медико-психиатрических (нозологическая форма психического расстройства, особенности психиатрического наблюдения и лечения в ИУ, состояние соматического здоровья и др.) особенностей их личности.

Социально-демографическая характеристика

По статистическим сведениям, в Республике Беларусь среди осужденных доминируют лица в возрасте 30–49 (от 50 % в 2016 г. до 58,1 % в 2020 г.), далее идут возрастные группы 25–29 лет (от 17,6 % в 2016 г. до 13,9 % в 2020 г.), 18–24 (от 19 % в 2016 г. до 13,3 % в 2020 г.), 50 и старше (от 10,4 % в 2016 г. до 13 % в 2020 г.), до 18 лет (от 3 % в 2016 г. до 1,7 % в 2020 г.)¹. Среди исследованных осужденных мужчин с установленным диагнозом психического расстройства, состоящих на психологическом учете в ИУ, преобладают лица в возрасте 30–39 (33,28 %) и 40–49 лет (23,37 %), далее следуют возрастные группы 50–60 лет (14,38 %), 25–29 (13,29 %), 18–24 (10,56 %), 61 и старше (3,37 %), до 18 лет (1,577 %), что в целом коррелирует с данными официальной статистики.

¹ См.: Данные Статистического ежегодника Республики Беларусь. URL : <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnayastatistika/publications/izdania/publiccompilation /index41019/> (дата обращения: 06.05.2022).

По уровню полученного образования исследованные осужденные мужчины с психическими расстройствами, состоящие на психологическом учете в ИУ, распределились следующим образом: 27 % – имеют профессионально-техническое образование (оконченный профессионально-технический колледж, лицей, училище и т. п.); 22,69 – среднее специальное образование (оконченный техникум, среднее педагогическое либо медицинское училище, лицей либо колледж, дающие среднее специальное образование); 22 – среднее образование (одиннадцать классов общеобразовательной школы), 20 – базовое образование (девять классов общеобразовательной школы); 4,27 – высшее образование; 2,69 – начальное образование (четыре окончанных класса общеобразовательной школы); 1,12 % – не имеют образования (менее четырех окончанных классов средней школы).

В официально зарегистрированном браке до осуждения состояло только 17,53 % осужденных мужчин с психическими расстройствами, состоящих на психологическом учете в ИУ, 52,12 – в гражданском (незарегистрированном) браке, 18,65 – были разведены, 1,34 – являлись вдовцами, 10,03 % – ни в официальном, ни в гражданском браке не состояли.

Семейное положение в период отбывания наказания (на момент проведения исследования) у 73,97 % исследованных осужденных не изменилось, у 25,39 – брак распался (развелся либо прекратил связи с сожительницей), 0,36 – стали вдовцами, 0,37 % – женились.

Уголовно-правовая характеристика

Большинство исследованных мужчин были осуждены за совершение преступлений насильственного характера (63,59 %): убийство (ст. 139 УК Республики Беларусь) – 27,64 %; умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147) – 9,44; преступления против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–168) – 17,07; имущественно-насильственные преступления (ч. 2 ст. 206, ст. 207) – 7,64, а также хулиганство (ст. 339 УК Республики Беларусь) – 6,74 % (рис. 1).

Считаем уместным подчеркнуть, что абсолютное большинство исследованных нами ранее невменяемых мужчин (88,1 %) также совершили общественно опасные деяния насильственного характера – 68,3 % и хулиганство – 19,8 % [7, с. 46].

Большинству исследованных осужденных мужчин (66,06 %) судами были назначены достаточно длительные сроки наказания в виде лишения свободы: более

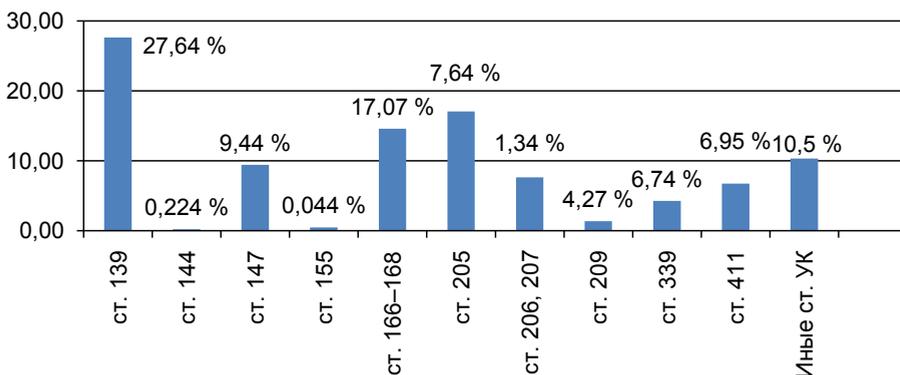

Рис. 1. Уголовно-правовая характеристика осужденных мужчин, имеющих психиатрический диагноз и состоящих на психологическом учете в ИУ (по УК Республики Беларусь)

5 лет и до 7 лет (включительно) – 9,43 % осужденных, более 7 лет и до 10 лет (включительно) – 22,47, более 11 лет и до 15 лет (включительно) – 16,18, более 15 лет и до 20 лет (включительно) – 10,78, более 20 лет и до 25 лет (включительно) – 4,72, более 25 лет – 2,47 % (рис. 2).

25,63 % осужденных мужчин, имеющих психиатрический диагноз и состоящих на психологическом учете в ИУ, ранее не совершали преступлений. Абсолютное большинство исследованных осужденных мужчин (74,37 %) уже имели судимость: 1 судимость имели 11,01 %, 2 – 13,25, 3 – 13,70, 4 – 9,2, 5 и более – 27,17 % (рис. 3).

71,9 % осужденных мужчин ранее уже отбывали наказания в виде лишения свободы на определенный срок, причем 30,33 % – за совершение преступлений насильственного характера: убийство (ст. 139 УК Республики Беларусь) – 2,02 %; умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147) – 16,18; преступления против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–168) – 3,14, имущественно-насильственные

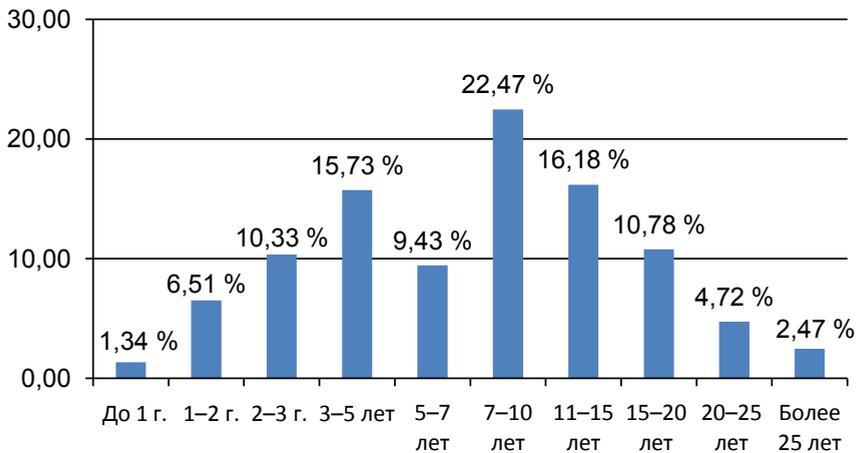

Рис. 2. Уголовно-правовая характеристика осужденных мужчин, имеющих психиатрический диагноз и состоящих на психологическом учете в ИУ (по срокам наказания в виде лишения свободы)

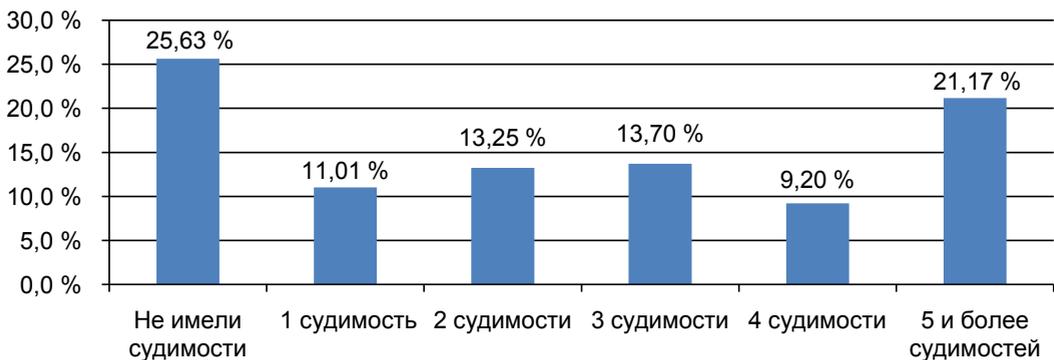

Рис. 3. Уголовно-правовая характеристика осужденных мужчин, имеющих психиатрический диагноз и состоящих на психологическом учете в ИУ (по количеству судимостей за ранее совершенные преступления)

преступления (ч. 2 ст. 206, ст. 207 УК Республики Беларусь) – 8,98 %. При этом 47,85 % – отбывали наказания в виде лишения свободы на определенный срок 2 и более раз: 2 раза – 9,2 %, 3 – 13,7, 4 – 9,88, 5 раз – 7,86, более 5 раз – 7,21 %.

Уголовно-исполнительная характеристика

На момент проведения исследования 57,31 % осужденных мужчин содержались в ИУ 2 и более года (табл. 1).

Таблица 1

Распределение осужденных мужчин, имеющих психиатрический диагноз и состоящих на психологическом учете в ИУ, по продолжительности нахождения в ИУ на момент проведения исследования

Продолжительность (длительность) нахождения в ИУ	Количество исследованных осужденных мужчин, %
Менее 6 месяцев	7,865
Более 6 месяцев и до 1 года	14,606
Более 1 года и до 2 лет	20,22
Более 2 лет и до 3 лет	15,056
Более 3 лет и до 5 лет	14,606
Более 5 лет и до 7 лет	10,786
Более 7 лет и до 10 лет	6,96
Более 11 лет и до 15 лет	4,718
Более 15 лет и до 20 лет	3,146
Более 20 лет и до 25 лет	1,797
Более 25 лет	0,22

По своему неформальному статусу среди осужденных мужчин, имеющих психиатрический диагноз и состоящих на психологическом учете в ИУ, доминируют лица, занимающие нейтральное положение в коллективе (61,39 %) или имеющие низкий неформальный статус (32,35 %): 20,89 % – имеют неформальный социальный статус «отверженный», 11,46 – не имеют такого статуса, но основная часть коллектива избегает общения с ними, 0,22 – являются лидерами отрицательной направленности, 3,15 – входят в группы лиц отрицательной направленности (лидерами не являются, но примыкают к ближайшему окружению лидера отрицательной направленности), 2,9 % – входят в группы положительной направленности.

Только 11,91 % всех исследованных осужденных мужчин состоят в самостоятельных организациях ИУ и активно принимают участие в их работе, 43,59 – хотя и состоят в самостоятельных организациях, но активного участия в их работе не принимают, 44,49 % – не состоят в самостоятельных организациях ИУ.

По трудовой занятости исследованные осужденные распределились следующим образом: 56,4 % – трудоустроены на участке низкоквалифицированного труда; 10,34 – на квалифицированном участке металлообработки; 7,19 – на должностях штата хозяйственного обслуживания учреждения; 6,96 – на квалифицированном участке деревообработки; 1,57 % – на квалифицированном участке швейного производства. На момент проведения исследования не трудоустроено 17,59 % осужденных.

67,64 % осужденных в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы отрицательно характеризуются администрацией ИУ: 44,49 % – как злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания, а 23,15 % – имеют действующие взыскания. 25,17 % – не имеют действующих взысканий, но на путь исправления не встали (нейтрально характеризуются администрацией ИУ). Лишь 7,19 % осужденных мужчин на момент проведения исследования характеризовались как вставшие на путь исправления – приняли письменное обязательство о правопослушном поведении, не имели взысканий, добросовестно относились к труду, имели поощрения, состояли в самодеятельных организациях осужденных (рис. 4).

Все исследованные осужденные, согласно характеристикам психологов ИУ, склонны к различным формам агрессивного поведения: 30,56 % – к агрессивному поведению по отношению к другим осужденным и сотрудникам ИУ, 69,44 % – к аутодеструктивному поведению (38,21 % – к суицидальным проявлениям, 31,23 % – к членовредительству).

Выявлены основные отрицательные черты (свойства) личности исследованных осужденных мужчин: эмоциональная неустойчивость (перепады настроения) – у 57,08 %, лживость – 52,8, вспыльчивость – 44,94, агрессивность – 41,35, импульсивность – 41,34, конфликтность – 37,97, раздражительность – 37,53, несдержанность – 33,93, жестокость – у 31,91 %. Основной положительной чертой (свойством) их личности, согласно психологическим характеристикам, является общительность – 41,39 %.

Отметим, что полученные психологические характеристики личности коррелируют с результатами проведенного нами анонимного анкетирования психиатров учреждений УИС, которые перечислили основные отрицательные свойства личности лиц с психическими расстройствами, содержащихся в учреждении УИС: эмоциональная неустойчивость (перепады настроения) – 93,75 %, конфликтность – 84,38, вспыльчивость – 75,0, импульсивность – 75,0, агрессивность – 68,75, тревожность – 56,25 %.

Медико-психологическая характеристика

Состояние физического здоровья у абсолютного большинства (97,75 %) исследованных осужденных ведомственные врачи оценили как удовлетворительное – в настоящее время отсутствуют общесоматические (то есть не связанные с психическим здоровьем) заболевания, для лечения которых требуется госпитализация на срок более 21 дня).

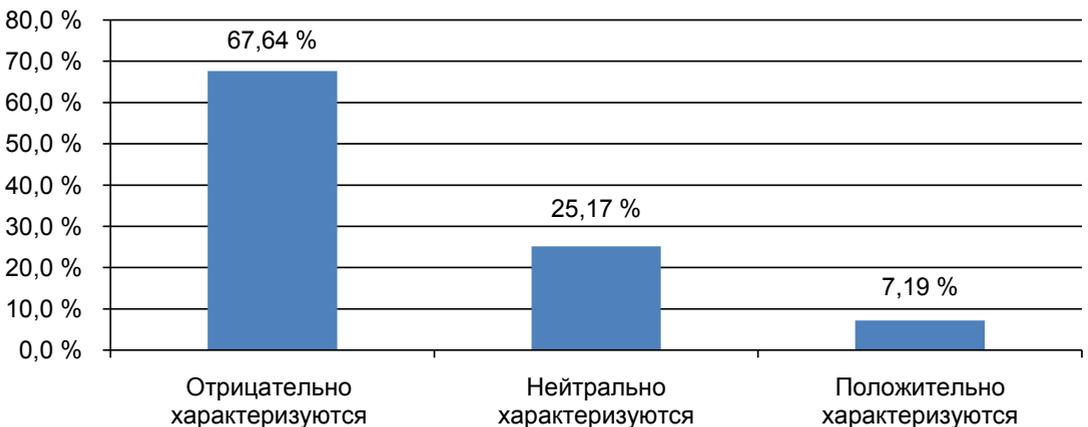

Рис. 4. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных мужчин, имеющих психиатрический диагноз и состоящих на психологическом учете в ИУ

Лишь у 2,25 % осужденных имеются проблемы со здоровьем (общесоматические заболевания, для лечения которых требуется госпитализация на срок более 21 дня), из которых 4 – страдают туберкулезом.

Таблица 2

Распределение осужденных мужчин, имеющих психиатрический диагноз и состоящих на психологическом учете в ИУ, по диагностическим рубрикам МКБ-10

Диагностические рубрики МКБ-10	Количество исследованных осужденных мужчин, %
Органические, включая симптоматические, психические расстройства (F00–F09)	10,11
Алкогольная зависимость (F10.2, F10.3, F10.8, F10.9)	14,60
Наркотическая зависимость (F11–F19)	2,92
Шизофрения, шизотипические и бредовые расстройства (F20–F29)	4,71
Аффективные расстройства (F30–F 39)	2,69
Невротические, связанные со стрессом, и соматоформные расстройства (F40–F48)	8,76
Поведенческие синдромы, связанные с физиологическими нарушениями и физическими факторами (F50–F59)	0,89
Расстройства зрелой личности и поведения у взрослых (F60–F69)	38,20
Умственная отсталость (F70 – F79)	11,23
Нарушения психологического развития (F80–F89)	0,89
Поведенческие и эмоциональные расстройства, начинающиеся обычно в детском и подростковом возрасте (F9 –F98)	2,47
Неуточненные психические расстройства (F99)	–
Эпилепсия (G40)*	2,47

* *Примечание.* По МКБ-10 эпилепсия кодируется в гл. VI «Болезни нервной системы (G40–47) – Эпизодические и пароксизмальные расстройства», поскольку при эпилепсии первично поражается головной мозг. В то же время психические расстройства при эпилепсии кодируются в гл. V (F). Соответствующей характеристике клинической картины эпилепсии необходимо обязательное двойное кодирование.

Как свидетельствуют результаты проведенного анализа статистических данных среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС Республики Беларусь, наиболее распространены три нозологические группы психических расстройств, относящиеся к 3 из 11 диагностических рубрик Международной классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, десятого пересмотра из гл. V «Психические расстройства и расстройства поведения» (далее – МКБ-10): психические и поведенческие расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ (F10–F19) – 78,0 % (прежде всего синдром зависимости от алкоголя (F10) – 87,0 % всех диагнозов данной рубрики и синдром зависимости от наркотических средств (F11–F19) – порядка 11,4 %); невротические (связанные со стрессом) и соматоформные расстройства (F40–F48) – 7,8 %, расстройства зрелой личности и поведения у взрослых (F60–F69) – 6,3 % [8, с. 104]. Среди исследованных нами осужденных мужчин с установленным диагнозом психического расстройства, которые в силу своих отрицательных индивидуально-личностных особенностей были поставлены на психологический учет в период отбывания наказания в виде лишения свободы, доминировали лица с диагнозами: расстройства зрелой личности и поведения у

взрослых (F60–F69) – у 38,2 %; алкогольная зависимость (F10.2, F10.3, F10.8, F10.9) – 14,6; умственная отсталость (F70 – F79) – 11,23; органические, включая симптоматические, психические расстройства (F00–F09) – у 10,11 % (табл. 2).

Следует также подчеркнуть, что полученные данные более близки к результатам проведенного нами анонимного анкетирования психиатров УИС, которые, отвечая на вопрос: «На ваш взгляд, осужденные с какими психическими расстройствами являются наиболее криминогенными (более склонны к нарушению режима учреждения УИС и совершению преступлений?)», – в качестве наиболее криминогенных нозологических форм психических расстройств выделили: расстройства зрелой личности и поведения у взрослых (F6) – 68,75 %, алкогольную зависимость (F1) – 59,38, наркотическую зависимость (F1) – 50,0 %.

Кроме того, у 1,12 % исследованных лиц, помимо основного диагноза психического расстройства, был установлен сопутствующий диагноз – алкогольная зависимость (F10.2, F10.3, F10.8, F10.9).

У 48,98 % исследованных осужденных мужчин диагноз психического расстройства впервые был установлен врачом-психиатром (наркологом) Министерства здравоохранения до совершения ими преступления и попадания в учреждение УИС, у 16,4 – после совершения ими преступления по результатам проведения судебно-психиатрической экспертизы (комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы) экспертом-психиатром Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, у 34,42 % – после совершения ими преступления и попадания в учреждение УИС, причем у 17,75 % – диагноз психического расстройства впервые был установлен врачом-психиатром (наркологом) Министерства здравоохранения, а у 16,85 % – врачом-психиатром учреждения УИС.

Необходимым компонентом системы мер противодействия преступности лиц с психическими расстройствами является адекватное применение медицинских мер, заключающихся прежде всего в организации оказания своевременной и адекватной психиатрической помощи данной категории лиц. Психиатрическая деятельность в учреждениях УИС является составной частью деятельности по медицинскому обслуживанию лиц, осужденных к лишению свободы, и осуществляется в организационно-правовых формах, единых для всей пенитенциарной медицины. Основным направлением в работе пенитенциарной психиатрии является предупреждение грубых нарушений режима отбывания наказания и повторных правонарушений лиц с психическими расстройствами. Следовательно, основными задачами пенитенциарной психиатрии являются: выявление лиц с психическими расстройствами среди спецконтингента, содержащегося в учреждениях УИС; проведение необходимых лечебных мероприятий; психиатрическое наблюдение за спецконтингентом; оказание помощи администрации учреждения УИС в выборе соответствующего режима отбывания наказания и вида трудоустройства лиц с психическими расстройствами; применение адекватных воспитательных мер к лицам с психическими расстройствами; решение вопроса о тяжести психического расстройства у осужденного лица и возможности дальнейшего отбывания им наказания и др. Вместе с тем 4,27 % исследованных осужденных мужчин, состоящих на психологическом учете в ИУ, несмотря на наличие установленного диагноза психического расстройства, психиатром пенитенциарного учреждения не наблюдаются.

Психиатрическое лечение получают 86,07 % исследованных осужденных: 18,65 % – постоянно (в течение всего срока нахождения в ИУ), 14,6 – периодически (то есть кур-

сами со строго установленной периодичностью), 46,29 – при ухудшении психического здоровья, 6,51 % – при ярко выраженном проявлении неадекватного поведения.

В Республике Беларусь необходимым условием оказания психиатрической помощи является предварительное согласие пациента, за исключением случаев оказания психиатрической помощи в принудительном порядке, которая осуществляется только по основаниям и в порядке, установленным Законом «Об оказании психиатрической помощи». 79,76 % исследованных осужденных психиатрическое лечение получают на добровольной основе: 74,15 % – в амбулаторных условиях и 5,61 % – в условиях стационара медицинской части ИУ. 6,29 % – психиатрическое лечение получают принудительно в амбулаторных условиях ИУ.

Согласно существующим в современной психиатрии подходам «принципы лечения психических заболеваний основаны на комплексном применении методов лечения лиц, страдающих психическими расстройствами» [9, с. 87], при этом выбор «определенного метода терапии в психиатрической практике определяется клинической формой расстройства, ведущим клинко-психопатологическим синдромом, наличием негативных расстройств, стадией болезни, типом течения, физическим здоровьем, возрастом, наличием или отсутствием признаков органического поражения центральной нервной системы, риском развития осложнений, наличием арсенала современных методов лечения и другими немаловажными факторами» [10, с. 42]. В Республике Беларусь психиатрическая помощь оказывается в соответствии с клиническими протоколами оказания медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами (приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 1387 «О клиническом протоколе оказания медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами»).

66,5 % исследованных осужденных мужчин получали медикаментозное психиатрическое лечение: 38,2 % – медикаментозное симптоматическое (направлено на устранение признаков психических расстройств) лечение; 21,79 – медикаментозное купирование поведенческих и других сопутствующих нарушений; 4,49 – медикаментозное патогенетическое (направлено на устранение патологических процессов в организме, начавшихся из-за психических расстройств) лечение; 2,02 % – медикаментозное этиотропное (направлено на устранение причин психических расстройств) лечение. 19,55 % – получают немедикаментозное психотерапевтическое лечение.

Заключение

Криминолого-пенитенциарное исследование личности осужденных мужчин, страдающих психическими расстройствами, признанных судом виновными в отношении совершенного преступления, которые в силу своих отрицательных индивидуально-личностных особенностей были поставлены на психологический учет в период отбывания наказания в виде лишения свободы в 15 ИУ УИС МВД Республики Беларусь, позволило сделать следующие выводы.

Сравнительный анализ социально-демографических характеристик исследуемой категории лиц и основной массы осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок в ИУ УИС МВД Республики Беларусь, показал, что значимых различий по указанным признакам между ними не выявлено: для обеих категорий осужденных к лишению свободы характерно преобладание лиц в возрасте 30–49 и 25–29 лет, образовательный уровень представлен в основном лицами со средним специальным, средним и базовым образованием, в официально зарегистрированном браке не состояли 82,45 % исследованных лиц.

63,59 % исследованных осужденных мужчин были осуждены за совершение преступлений насильственного характера. 74,36 % исследованных осужденных мужчин ранее уже имели судимость, при этом 71,9 % из них ранее уже отбывали наказания в виде лишения свободы на определенный срок, причем 30,33 % – за совершение преступлений насильственного характера. 66,06 % исследованных осужденных мужчин судами были назначены наказания в виде лишения свободы на срок более 5 лет.

Большинство осужденных мужчин (67,64 %) в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы отрицательно характеризуются администрацией ИУ, 25,17 % – нейтрально, 7,19 % – положительно. Входят в состав самодеятельных организаций ИУ и активно принимают участие в их работе 11,91 %. На момент проведения исследования не трудоустроено 17,53 %.

По своему неформальному статусу среди осужденных мужчин, имеющих психиатрический диагноз и состоящих на психологическом учете в ИУ, преобладают лица, занимающие нейтральное положение (61,35 %) или имеющие низкий неформальный статус (32,35 %).

Все исследованные осужденные склонны к различным формам агрессивного поведения. Основными отрицательными чертами (свойствами) их личности являются эмоциональная неустойчивость (перепады настроения), конфликтность, вспыльчивость, импульсивность, агрессивность, тревожность, лживость, жестокость, несдержанность. Основная положительная черта (свойство) их личности – общительность.

У 74,14 % исследованных осужденных установлены психиатрические диагнозы, относящиеся к 4 из 11 диагностических рубрик МКБ-10: расстройства зрелой личности и поведения у взрослых (F60–F69); алкогольная зависимость (F10.2, F10.3, F10.8, F10.9); умственная отсталость (F70–F79); органические, включая симптоматические, психические расстройства.

У 54,82 % – диагноз психического расстройства впервые был установлен после совершения ими преступления. Психиатрическое лечение в ИУ получают 86,07 % исследованных осужденных мужчин. 4,27 % осужденных, несмотря на наличие установленного диагноза психического расстройства, психиатром ИУ не наблюдаются. У абсолютного большинства (97,75 %) исследованных осужденных состояние физического здоровья удовлетворительное.

Выявленные и систематизированные признаки в совокупности формируют особенности криминолого-пенитенциарной характеристики личности осужденных мужчин, страдающих психическими расстройствами и состоящих на психологическом учете в ИУ, которую предлагается использовать при разработке и организации системы воспитательных мероприятий с указанной категорией лиц, а также в комплексе системы мер, направленных на противодействие преступности, общественно опасного и отклоняющегося поведения лиц с психическими расстройствами.

Список источников

1. Шабанов В. Б., Кашинский М. Ю. О необходимости совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь в сфере исполнения наказаний в отношении осужденных с психическими расстройствами // Пенитенциарная наука. 2020. № 14(2). С. 185–191.

2. Антонян Е. А. Психология исправительного воздействия на осужденных в местах лишения свободы // Юридическая психология. 2006. № 1. С. 38–40.

3. Диденко А. В. Проблемы медико-социальной реабилитации осужденных с расстройствами личности в условиях исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института. 2013. № 3(16). С. 7–8.
4. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии / отв. ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Наука, 1987. 207 с.
5. Антонян Ю. М. Криминальная психиатрия как частная криминологическая теория // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 44–51.
6. Говорин Н. В., Сахаров А. В., Гаймоленко А. С. Алкогольный фактор в криминальной агрессии и аутоагрессии. Чита : Иван Федоров, 2009. 184 с.
7. Кашинский М. Криминологическая характеристика мужчин, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, направленных на принудительное лечение в психиатрический стационар со строгим и усиленным наблюдением // Законность и правопорядок. 2021. № 3. С. 42–46.
8. Кашинский М. Ю. Психические расстройства различной нозологической формы и преступное поведение лиц с психическими расстройствами // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 1(41). С. 101–107.
9. Психиатрия и наркология : учебник / под общ. ред. А. А. Кирпиченко. Минск : Вышэйш. шк., 2005. 574 с.
10. Давыдов А. Т., Агишев В. Г. Стратегия и тактика выбора методов лечения в психиатрической практике (роль и место психофармакотерапии) // Обзоры по клинической фармакологии и лекарственной терапии. 2004. Т. 3, № 4. С. 42–54.

References

1. Shabanov, V. B. & Kashinskiy, M. Yu. 2020, 'On the need to improve the penal legislation of the Republic of Belarus in the field of execution of sentences in relation to convicts with mental disorders', *Penitentiary science*, iss. 14(2), pp. 185–191.
2. Antonyan, E. A. 2006, 'Psychology of correctional impact on convicts in places of deprivation of liberty', *Legal Psychology*, iss. 1, pp. 38–40.
3. Didenko, A. V. 2013, 'Problems of medical and social rehabilitation of convicts with personality disorders in correctional facilities', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 3(16), pp. 7–8.
4. Antonyan, Yu. M. & Borodin, S. V. 1987, *Crime and mental abnormalities*, V. N. Kudryavtsev (ed.), Nauka, Moscow.
5. Antonyan, Yu. M. 1990, 'Criminal psychiatry as a private criminological theory', *The Soviet state and law*, iss. 10, pp. 44–51.
6. Govorin, N. V, Sakharov, A. V. & Gaymolenko, A. S. 2009, *Alcohol factor in criminal aggression and autoaggression*, Ivan Fedorov, Chita.
7. Kashinskiy, M. 2021, 'Criminological characteristics of men who have committed socially dangerous acts in a state of insanity, sent for compulsory treatment in a psychiatric hospital with strict and enhanced supervision', *Legality and law and order*, iss. 3, pp. 42–46.
8. Kashinskiy, M. Yu. 2021, 'Mental disorders of various nosological forms and criminal behavior of persons with mental disorders', *Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*, iss. 1(41), pp. 101–107.
9. Kirpichenko, A. A. (ed.) 2005, *Psychiatry and Narcology: textbook, Higher School*, Minsk.
10. Davydov, A. T. & Agishev, V. G. 2004, 'Strategy and tactics of choosing treatment methods in psychiatric practice (the role and place of psychopharmacotherapy)', *Reviews of clinical pharmacology and drug therapy*, vol. 3, iss. 4, pp. 42–54.

Информация об авторе

М. Ю. Кашинский – кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-педагогического факультета.

Information about the author

M. Yu. Kashinskiy – PhD (Law), Associate Professor, doctoral student of the faculty of science and education.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 08.07.2022; принята к публикации 14.07.2022.

The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 08.07.2022; accepted for publication 14.07.2022.

Научная статья

УДК 343.822(4/9)

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.374-381

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Жанна Сергеевна Наприс¹, Ангелина Нориковна Гузенко²,

^{1,2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

¹ latlas@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0479-4325>

² guzenko.lina152@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты организации продовольственного обеспечения осужденных, подозреваемых и обвиняемых, отбывающих наказание или находящихся под стражей в различных странах мира; устанавливаются стоимостные показатели питания заключенных и характерные особенности оборудования помещений для приема и приготовления пищи для осужденных в зарубежных странах; определяются правила составления рационов и меню питания для различных категорий довольствующихся, в том числе путем привлечения специалистов-диетологов, а также требования к энергетической ценности рационов питания заключенных в иностранных государствах с учетом сбалансированности белков, жиров, углеводов, минеральных веществ и других факторов, влияющих на организм; рассматривается процесс приобретения и распределения продовольствия для удовлетворения потребностей заключенных в различных государствах; определяются задачи перед сотрудниками тыловых подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы в рамках организации питания; анализируются разработанные и применяемые рационы питания заключенных, формируемые в соответствии с религиозными и философскими соображениями.

Практическая направленность изложенного материала состоит в использовании передового опыта различных государств в части совершенствования продовольственного обеспечения заключенных и приведения его в соответствие с международными стандартами.

Ключевые слова: питание, осужденные, продовольственное обеспечение, зарубежные страны, заключенные

Для цитирования

Наприс Ж. С., Гузенко А. Н. Зарубежный опыт продовольственного обеспечения заключенных // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 374–381. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.374-381.

© Наприс Ж. С., Гузенко А. Н., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN PROVIDING PRISONERS WITH FOOD

Zhanna Sergeevna Napris¹, Angelina Norikovna Guzenko²

^{1,2}Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

¹ latlas@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0479-4325>

² guzenko.lina152@mail.ru

Abstract. The article deals with the main aspects of the organization of food supply for convicts, suspects and accused serving sentences or in custody in various countries of the world. The cost indicators of prisoners' nutrition in foreign countries have been determined. The characteristic features and equipment of premises for receiving and cooking food for convicts in foreign countries are considered. The rules for drawing up diets and nutrition menus for various categories of sufferers are defined, including through the involvement of nutritionists, as well as requirements for the energy value of diets of prisoners in foreign countries, taking into account the balance of proteins, fats, carbohydrates, minerals, and other factors affecting the body. The process of purchasing and distributing food to meet the needs of prisoners in various states is considered. The tasks facing the employees of the rear divisions of the institutions of the penal system in the framework of catering are defined. The developed and applied diets of prisoners, formed in accordance with religious and philosophical considerations, are analyzed. At the same time, the practical orientation of the presented material consists in using the best practices of various states in terms of improving the food supply of prisoners and bringing them in accordance with international standards.

Keywords: nutrition, convicts, food security, foreign countries, prisoners

For citation

Napris, Zh. S. & Guzenko, A. N. 2022, 'Foreign experience in providing prisoners with food', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 374–381, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.374-381.

В настоящее время уделяется особое внимание условиям отбывания наказаний заключенными, в том числе их продовольственному обеспечению. Правильно составленный рацион питания повышает способность организма к сопротивлению негативным факторам окружающей среды, к сохранению здоровья.

Пища и вода составляют основу жизни и неизбежно оказываются в центре внимания людей, отбывающих наказание. Качество пищи, ее приготовление и внешний вид могут оказаться решающими при вынесении заключенными оценки того, насколько внимательно и ответственно относится к ним администрация места лишения свободы. Организация питания также важна для выработки у заключенных положительного отношения ко всему процессу их исправления и обучения [10]. По этой причине обеспечение заключенных питанием является одной из главных задач администраций

пенитенциарных учреждений во всем мире. В разных государствах к ее решению относятся по-разному.

В США на содержание осужденного выделяют около 2000 долл. в месяц, то есть 67 долл. в сутки, в том числе на продовольственное обеспечение. Так, стоимость питания одного заключенного составляет до 3,49 долл. в день и ниже. При этом с целью приобретения большего количества продовольствия на выделенные средства администрация исправительных учреждений закупает товары, руководствуясь минимально предложенной ценой [2].

В Великобритании для ежедневного доведения положенных продуктов питания до заключенных выделяется в среднем 1,87 евро (4 долл.). Учреждениям для несовершеннолетних правонарушителей разрешено увеличить эту сумму до 3,81 евро (8 долл.) в день, что в два раза больше, чем выделяется на питание одного больного в государственной больнице.

Кроме того, исходя из выделенных бюджетов пенитенциарные учреждения зарубежных стран организуют разнообразное питание посредством привлечения диетологов. Определяющим значением при его формировании является калорийность приготовленных блюд. В каждом государстве устанавливаются различные нормы питания, составы меню, в связи с чем отличается и их калорийность. Так, в США заключенные получают в среднем 2600 калорий в день, при этом диетологи имеют возможность исходя из потребностей питающихся изменять размер порций.

Министерство юстиции Японии определяет калорийность питания для различных категорий заключенных. Так, для заключенного мужчины она составляет 2220–2620 ккал; для несовершеннолетнего заключенного мужского и женского пола нормы разные – 2630–2830 и 2200–2400 соответственно; заключенные женщины в день получают 2200–2300 ккал.

В Великобритании калорийность минимальных суточных норм для питания мужчин и женщин от 19 до 74 лет должна составлять приблизительно 2225 ккал в день [9].

В тюрьме Хальден (тюрьма строгого режима в Норвегии) руководящим принципом является регулярность еды для заключенных (питание должно соответствовать обычному норвежскому рациону). Кроме того, еда должна быть вкусной, сытой и в достаточном количестве. Основной прием пищи и ужин должны состоять из двух блюд (основное блюдо, второе блюдо или десерт). Основное блюдо должно включать рыбу не реже двух раз в неделю и составлять 10–15 % белка, 30 % жира и 55–60 % углеводов, количество энергии на один обед составляет примерно около 12 МДж (около 2870 ккал). Для трех ежедневных приемов пищи для заключенных готовят различные виды хлеба, а также различные спреды и начинки. Кроме того, у заключенных в данной тюрьме каждая камера оснащена холодильником, каждые 10–12 камер имеют общую зону с кухней и гостиной. Кухня имеет столовые приборы из нержавеющей стали, фарфоровые тарелки и обеденный стол. Тюрьма обеспечивает питанием, но заключенные могут купить продукты в магазине тюрьмы и приготовить себе еду самостоятельно [9].

Необходимо отметить, что организация и нормы питания осужденных в Российской Федерации и странах бывшего СССР достаточно похожи. Однако существует незначительная разница в объемах продуктов, а также в составах суточных рационов. Например, в Республике Казахстан законодательно закреплены в нормах питания фрукты цитрусовые (лимон), фрукты свежие (яблоки), колбасы вареные и аскорбиновая кислота. Аналогично отечественному законодательству в Республике Казахстан беременным

женщинам, кормящим матерям, несовершеннолетним, а также больным и инвалидам создаются улучшенные жилищно-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания. Установленные нормы питания для данных категорий заключенных имеют больший объем продовольственного набора по сравнению с минимальными нормами, а также дополнительные продукты к выдаче, такие как кондитерские изделия, творог, сметана, сыр, кофейный напиток.

В Республике Беларусь больным осужденным и осужденным, являющимся инвалидами I и II группы, разрешается получение дополнительной посылки или передачи в течение трех месяцев с продуктами питания, рекомендованными врачом-специалистом. Осужденным беременным женщинам, кормящим матерям, несовершеннолетним, больным и инвалидам I и II группы устанавливаются повышенные нормы питания. На осужденных, достигших 18-летнего возраста и оставленных в воспитательной колонии, распространяются повышенные нормы питания, установленные для несовершеннолетних осужденных.

Организация питания правонарушителей в пенитенциарных учреждениях Китайской Народной Республики регламентируется в соответствии со ст. 8 Закона о тюрьмах. Все расходы, связанные с жизнеобеспечением осужденных, вносятся в статьи расходов государственного бюджета. Статьей 50 названного Закона устанавливается, что уровень жизни китайского заключенного определяется исходя из фактической суммы, установленной государством. Закон делегирует учреждениям на местах полномочия по определению условий содержания осужденных в местах лишения свободы и их питания в зависимости от местопребывания, выделенного бюджета, а также особенностей конкретных тюрем. Так, управление деятельностью тюрем г. Шанхая исполняет Шанхайское тюремное общество. В Руководстве тюремной администрации Шанхая от 25 декабря 2019 г. (上海监狱管理局狱务公开手册) гл. 20 регламентирует «физические эталоны» продуктов питания. Месячная норма продуктов питания на человека составляет 16–20 кг, из них: растительное масло – 0,75–1; овощи – 17–25; мясо – 1,5–2,5; рыба, яйца, морепродукты – 1–1,5; бобовые – 1–1,5 кг.

Такие пищевые продукты, как зерно, масло, мясо, яйца птицы и овощи, закупаемые для организации продовольственного обеспечения тюрьмы, являются предметом государственных закупок. Сотрудники учреждения определяют пищевое сырье либо полуфабрикаты для каждой закупки, опираясь на соответствующие правила, а также исходя из назначений медицинского персонала по профилактике и защите, который отвечает за оценку гигиенического качества поступающих товаров.

В провинции Гуандун также разработаны свои методы управления питанием заключенных в тюрьмах. В соответствии с указанным актом тюрьма получает лицензию на организацию питания. Администрация тюрем согласно Закону «О государственных закупках» определяет поставщиков пищевых продуктов. Законодательно запрещены поставки от сторонних организаций холодных блюд, приготовленной пищи, маринадов и других блюд, если перед употреблением они не подвергаются тщательной термальной обработке. Кроме того, методы управления питанием в провинции Гуандун предписывают, что в каждом исправительном учреждении на случай непредвиденных обстоятельств должны быть запасы продовольствия. В частности, запасы риса и растительного масла – не менее чем на 5 суток, замороженного мяса – на 3 суток.

В связи с различиями организации продовольственного обеспечения заключенных в Китае отличаются и их меню. Например, в северной части страны в местах заключения обычно больше подают паровой хлеб, булочки, в то время как на юге, как правило,

рис. В целом в тюрьмах, находящихся в экономически более развитых регионах, кормят осужденных лучше – их меню разнообразнее и в нем больше мяса.

Кроме традиционно установленных категорий, которые требуют к своему рациону повышенного внимания (указаны нами ранее), в международной практике существуют дополнительные нормы питания для тех, кто по религиозным или иным соображениям не может употреблять установленную законом пищу. Речь идет о таких категориях, как вегетарианцы и мусульмане.

Так, в США мусульманам и вегетарианцам готовят пищу по отдельному меню. Нередко тюрьму обслуживает не собственная столовая, а кейтеринговая компания, которая предоставляет специальные рационы питания для вегетарианцев, беременных женщин, людей с определенными заболеваниями и видами религий. Из общего количества заключенных 10 % находятся на специальной диете. По этой причине из меню исключается свинина. Заключенным разрешается получать еду из комиссариата два раза в неделю, причем заказы делаются за 1–2 дня. Посетители могут приобрести широкий ассортимент закусок и заказать доставку продуктов заключенному в полиэтиленовом пакете. Посетители могут передавать деньги комиссару, но не могут приносить еду заключенным [9].

В Великобритании применяются диеты для мусульман и евреев, лиц, больных сахарным диабетом, и другие медицинские диеты. Менеджеры общественного питания специально обучаются для того, чтобы готовить эти специальные диеты. Во многих заведениях к празднику Курбан-байрам местные мечети доставляют специально приготовленную еду в подарок мусульманским заключенным. Раввин также заботится о том, чтобы кошерная пища доставлялась всякий раз, когда отмечаются еврейские праздники. В тюрьмах Великобритании питание заключенных отвечает медицинским требованиям Всемирной организации здравоохранения и разнообразно по составу блюд. Это позволяет не оскорблять религиозных чувств лиц, причисляющих себя к различным конфессиям, и свести до минимума потери продуктов питания. Осужденные сами составляют себе меню на каждую неделю из предложенного заранее разнообразного ассортимента блюд.

Рост числа мусульман в тюремной системе Великобритании привел к тому, что большинство тюрем предлагают полный халяльный рацион питания, включая специальные мероприятия для поста в месяц Рамадан, в рамках которого заключенным предоставляются специальные контейнеры для сохранения пищи теплой до вечера, разрешается проведение ночных приемов пищи в столовой.

Во Франции капелланам разрешается вручать заключенным после их исповеди пакет с ритуальными продуктами в праздники еврейской Пасхи, израильского Нового года (Рош-Ха-Шана) и Великого прощения (ЙомКипур). То же самое относится к мусульманским заключенным: они могут получать посылки от имамов на праздники Ид-Эль-Фитр (конец Рамадана) и Ид-эль-Кебир. Во время этих праздничных дней ритуальные продукты могут продаваться в столовой, а лица, имеющие постоянное разрешение на посещение или получившие разрешение начальника учреждения, могут вручить (отправка остается запрещенной) заключенному пакет с продовольствием не больше пяти килограммов [9].

В Германии в связи с большим количеством мигрантов в каждой тюрьме учитываются предпочтения вегетарианцев и мусульман. Для мусульман готовятся блюда без свинины, для вегетарианцев – с заменой мяса на иные продукты в соответствии с определенными правилами. Отдельной диеты для вегетарианцев не существует. Однако для заключенных-вегетарианцев есть возможность обменять пищу, предоставляемую учреждением, на овощные или зерновые продукты в соответствии с заявлением, направ-

ленным администрации исправительного учреждения. Кроме того, изменение питания может быть установлено по предписанию врача. При этом за заключенными остается право питаться согласно правилам своей религиозной общины.

В настоящее время в Российской Федерации исходя из требований действующего законодательства сотрудники тылового обеспечения учреждений УИС обеспечивают питанием осужденных, подозреваемых и обвиняемых по 17 нормам. При этом отдельной нормы питания для мусульман нет, так как нормы и рационы питания предусматривают употребление в пищу осужденными различных видов мяса, таких как мясо птицы, говядина, баранина, крольчатина и др. В связи с этим в исправительных учреждениях, где значительная часть спецконтингента исповедует ислам (Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан), религия гармонично встраивается в Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений и организацию продовольственного обеспечения [11].

При организации продовольственного обеспечения осужденных, подозреваемых и обвиняемых в Российской Федерации сотрудники тыловых подразделений ежедневно решают обширный перечень задач, определенных различными нормативно-правовыми документами: во-первых, осуществляют планирование продовольственного обеспечения с составлением раскладки продуктов и технологических карт на неделю с учетом рекомендуемого наличия выбора блюд; во-вторых, исходя из ежедневной списочной численности питающихся, наличия продуктов на складах и утвержденного меню осуществляют выписку и получение продовольствия в столовую; в-третьих, производят в соответствии с кулинарными и санитарно-эпидемиологическими нормами первичную и тепловую обработку продуктов питания и приготовление блюд; в-четвертых, в целях соблюдения санитарно-эпидемиологических требований осуществляют контроль за состоянием столовой, оборудования, продуктов питания и готовых блюд; в-пятых, доводят до осужденных первые, вторые, третьи блюда, холодные закуски и другие продовольственные товары в соответствии с нормами довольствия и др. [4].

Несмотря на широкий перечень выполняемых ежедневных задач и организацию питания в учреждениях УИС в соответствии с требованиями законодательства, вопросам совершенствования продовольственного обеспечения в УИС уделяется пристальное внимание. Так, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года определены задачи, касающиеся расширения ассортимента и качества продуктов питания, реализуемых осужденным в магазинах при исправительных учреждениях; повышения норм питания, а также улучшения питания лиц, осужденных к принудительным работам (при отсутствии у них средств).

Таким образом, необходимо отметить, что питание является одним из наиболее значимых факторов жизни. Ведь с едой мы получаем массу необходимых элементов, которые после различных внутренних процессов в организме оказывают положительное воздействие на физическое и эмоциональное состояние и здоровье. Именно поэтому тюремная организация должна обеспечивать каждого заключенного пищей, достаточно питательной для поддержания его здоровья и сил, имеющей соответствующее законодательству качество.

Список источников

1. Афанасьева О. Р., Когалевская Н. Н. Опыт организации питания осужденных в пенитенциарных учреждениях Китайской Народной Республики // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. 2020. Вып. 4. С. 248–251.

2. Баранков В. Л. Правовая регламентация питания лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Журнал российского права. 2014. № 4(208). С. 57–63.

3. Борисова Д. П. Организация питания лиц, содержащихся в зарубежных пенитенциарных учреждениях, на примере скандинавских стран (Норвегия, Дания) // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 3(38). С. 5–11.

4. Жемулин С. Б., Наприс Ж. С., Кольев А. А. Автоматизация процессов продовольственного обеспечения несовершеннолетних в УИС // ЦИТИСЭ. 2021. № 4(30). С. 455–466. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.4.42.

5. Когалевская Н. Н. Опыт организации питания осужденных в исправительных учреждениях государства Японии // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. 2020. Вып. 3. С. 318–321.

6. Наприс Ж. С., Егорушкина Ю. С., Чугунова Г. Н. Особенности лечебного питания больных анемией в пенитенциарных учреждениях // Вопросы питания. 2019. Т. 88. № 6. С. 73–79.

7. Новожилова Ж. С. Продовольственное обеспечение осужденных: исторический и современный аспекты // Финансовая политика государства: современные тенденции и перспективы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Рязань, 20 мая 2016 г.) / под общ. ред. Л. А. Маленковой. Рязань : Академия ФСИН России, 2016. С. 68–71.

8. Новожилова Ж. С. Современное состояние продовольственного обеспечения учреждений уголовно-исполнительной системы // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников (Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 7 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. Т. 5. С. 263–266.

9. Организация питания в пенитенциарных системах иностранных государств различных категорий питающихся (аналитический обзор). М. : НИИ ФСИН России, 2020. 63 с.

10. Пертли Л. Ф. К вопросу о питании заключенных: международные рекомендации и иностранный опыт // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1(13). С. 17–20.

11. Токарева В. И., Наприс Ж. С. Использование инструментов государственной поддержки для обеспечения продовольственной безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 11. С. 46–50.

References

1. Afanas'eva, O. R. & Kogalevskaya, N. N. 2020, 'Experience of catering of convicts in penitentiary institutions of the People's Republic of China', in *Scientific works of the Federal State University of Research Institute of the FPS of Russia*, vol. 4, pp. 248–251, Research Institute of the FPS of Russia, Moscow.

2. Barankov, V. L. 2014, 'Legal regulation of nutrition of persons serving sentences in institutions of the penal system', *Journal of Russian Law*, iss. 4(208), pp. 57–63.

3. Borisova, D. P. 2020, 'Catering of persons detained in foreign penitentiary institutions, on the example of Scandinavian countries (Norway, Denmark)', *Bulletin of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 3(38), pp. 5–11.

4. Zhemulin, S. B., Napris, Zh. S. & Kol'ev, A. A. 2021, 'Automation of food supply processes for minors in the penal system', *Center for Innovative Technologies and Social Expertise*, iss. 4(30), pp. 455–466, doi: 10.15350/2409-7616.2021.4.42.

5. Kogalevskaya, N. N. 2020, 'Experience of catering of convicts in correctional institutions of the State of Japan', in *Scientific works of the Federal State University of Research Institute of the FPS of Russia*, vol. 3, pp. 318–321, Research Institute of the FPS of Russia, Moscow.

6. Napris, Zh. S., Egorushkina, Yu. S. & Chugunova, G. N. 2019, 'Features of medical nutrition of patients with anemia in penitentiary institutions', *Nutrition issues*, vol. 88, iss. 6, pp. 73–79.

7. Novozhilova, Zh. S. 2016, 'Food provision of convicts: historical and modern aspects', in L. A. Malenkova (ed.), *Financial policy of the state: current trends and prospects: collection of materials of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation*, Ryazan, May 20, 2016, pp. 68–71, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

8. Novozhilova, Zh. S. 2017, 'The current state of the food supply of institutions of the penal system', in *III International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (to the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation): collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, November 21-23, 2017)*, in 7 vols, vol. 5, pp. 263–266, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

9. *Catering in the penitentiary systems of foreign countries of various categories of those who eat (analytical review) 2020*, Research Institute of the FPS of Russia, Moscow.

10. Pertli, L. F. 2012, 'On the issue of prisoners' nutrition: international recommendations and foreign experience', *Penal law*, iss. 1(13), pp. 17–20.

11. Tokareva, V. I. & Napris, Zh. S. 2019, 'The use of state support tools to ensure food security of penal institutions', *The economy of agriculture in Russia*, iss. 11, pp. 46–50.

Информация об авторах

Ж. С. Наприс – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры тылового обеспечения УИС;

А. Н. Гузенко – курсант 2-го курса экономического факультета.

Information about the authors

Zh. S. Napris – PhD (Economics), Associate Professor, associate professor of the department of logistics of the penal system;

A. N. Guzenko – cadet of the 223rd study group of the faculty of economics.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 04.06.2022; принята к публикации 14.07.2022.

The article was submitted 21.04.2022; approved after reviewing 04.06.2022; accepted for publication 14.07.2022.

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

Научная статья

УДК 343.9

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.382-389

«ВОРЫ В ЗАКОНЕ» И ИХ САТЕЛЛИТЫ ГЛАЗАМИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Сергей Алексеевич Кутякин¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, kutiakin@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ криминального феномена «воры в законе» и его влияния на деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы России. Созданная среди осужденных под общим руководством «воров в законе» в местах лишения свободы России организация криминальной оппозиции призвана обслуживать их интересы и поддерживать выгодный им порядок в среде лиц, осужденных к лишению свободы и заключенных под стражу. На основе проведенного социологического исследования делается вывод о том, что сотрудники уголовно-исполнительной системы России не имеют однозначных нравственных критериев оценки деятельности этой категории преступников в местах лишения свободы. Это, в свою очередь, приводит к тому, что единой стратегии противодействия данному криминальному феномену в местах лишения свободы не существует.

Ключевые слова: «воры в законе», «воровской закон», криминальная оппозиция, криминальное сообщество России, криминальные лидеры, места лишения свободы, «общак», преступность, противодействие преступности, сотрудники исправительных учреждений, «смотрящие»

Для цитирования

Кутякин С. А. «Воры в законе» и их сателлиты глазами сотрудников уголовно-исполнительной системы России (опыт социологического исследования) // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 382–389. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.382-389.

TIME LENS

Original article

“THIEVES IN LAW” AND THEIR SATELLITES THROUGH THE EYES OF EMPLOYEES OF THE RUSSIAN PENAL SYSTEM (EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Sergey Alekseevich Kutyakin¹

¹Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, kutiakin@yandex.ru

Abstract. The criminal phenomenon of “thieves in law” and its impact on the activities of institutions of the Russian penal system are analyzed in the article. The criminal opposition organization, created among convicts under the general leadership of “thieves in law” in Russian prisons, is designed to serve their interests and maintain an order favorable to them among persons sentenced to imprisonment and prisoners in custody. Based on the conducted sociological research, the author comes to the conclusion that the employees of the Russian penal system do not have unambiguous moral criteria for evaluating the activities of this category of criminals in places of liberty deprivation. This, in turn, leads to the fact that there is no unified strategy for countering this criminal phenomenon in places of detention.

Keywords: “thieves in law”, “thieves' law”, criminal opposition, criminal community of Russia, criminal leaders, places of imprisonment, “obshchak”, crime, crime prevention, correctional officers, “watchers”

For citation

Kutyakin, S. A. 2022, “Thieves in law” and their satellites through the eyes of employees of the Russian penal system (experience of sociological research)’, *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 382–389, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4). 3.382-389.

Введение

В криминальном мире СССР, а позднее и Российской Федерации категория профессиональных преступников, именуемых как «воры в законе», считалась и считается наиболее авторитетной. Несмотря на то что в 90-х годах XX века в криминальном мире России их хотели потеснить вновь возникшие криминальные лидеры – «бандиты» из числа «новых русских», «ворам» удалось не только сохранить, но и приумножить свое влияние в преступной среде. Основной отличительной чертой «воров в законе» является то, что, находясь в любой жизненной ситуации, они следуют их собственному «криминальному кодексу чести», живут по определенным правилам – «понятиям». «Воры в законе» являются настоящими интернационалистами, так как национальность в их среде не имеет никакого значения. По крайней мере, это декларируется их «понятиями» – сводом неформальных норм и правил поведения, которыми они руководствуются.

Особое место в сфере преступных интересов «воровского» сообщества принадлежит местам лишения свободы. Во многом это связано с тем, что «воры в законе» продол-

жают рассматривать исправительные колонии, тюрьмы и следственные изоляторы как места своего криминального влияния и преступного промысла. «Воры в законе» активно организуют и поддерживают неформальные структуры криминальной оппозиции в местах лишения свободы России, ключевыми фигурами которой являются различного рода «смотрящие» из числа осужденных. Среди прочих неформальных объединений лиц, осужденных к лишению свободы, криминальная оппозиция выделяется своей структурированной организацией и обязательным наличием лидеров («смотрящих», «положенцев») из числа «криминальных авторитетов» (профессиональных преступников), находящихся в непосредственном контакте и подчиняющихся традиционным лидерам преступного мира России – «ворам в законе». Одной из задач деятельности криминальной оппозиции является сбор денежных средств в интересах «воров в законе» [1].

Собираемые в местах лишения свободы среди содержащихся там осужденных денежные средства («общаки») являются значительной статьей дохода бюджета «воров в законе». На практике это выглядит так, что каждая сделка между осужденными, любая полученная ими прибыль (неважно, получена она законным путем или нет) облагается определенным «общаковским» налогом. За этим обязаны строго следить «смотрящий за зоной» и «смотрящий за общаком» в местах лишения свободы. Администрация исправительных учреждений вынуждена учитывать существование организационных структур криминальной оппозиции при осуществлении своей повседневной деятельности. При этом администрацией выбирается соответствующая стратегия работы с этими неформальными структурами, предполагающая либо взаимовыгодное сотрудничество, либо активное противодействие организации криминальной оппозиции во вверенном ей исправительном учреждении.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе научных трудов, посвященных данной тематике, и проведенном анкетировании среди сотрудников уголовно-исполнительной системы России, чья деятельность связана с непосредственным общением с лицами, осужденными к лишению свободы, и лицами, заключенными под стражу.

Метод анкетирования применялся посредством специально разработанной анкеты. По конструкции задаваемых вопросов данный метод носил открытый характер. По численности опрошенных – групповое анкетирование сотрудников уголовно-исполнительной системы России, чья деятельность связана с непосредственным общением с осужденными и лицами, заключенными под стражу. По месту проведения анкетирования – в целевой аудитории (на базе учебных заведений высшего образования ФСИН России, территориальных органов и учреждений ФСИН России). В работе также использовались логический, статистический и другие методы конкретно-социологических исследований.

Результаты

Нами было проведено эмпирическое исследование (социологический опрос сотрудников исправительных учреждений, следственных изоляторов, тюрем) с целью выявления отношения сотрудников администрации мест лишения свободы к неформальным структурам криминальной оппозиции, существующей в их учреждениях. В качестве респондентов выступили более 800 сотрудников различных служб и подразделений исправительных учреждений, тюрем, следственных изоляторов, региональных управлений ФСИН России, чья деятельность связана с осуществлением непосредственной работы с осужденными и лицами, заключенными под стражу. Ниже приводим результаты этого исследования.

Наличие различного рода «смотрящих» среди осужденных в их учреждениях подтверждают 60,51 % опрошенных сотрудников, 36,16 % – отрицают существование «смотрящих» в тех учреждениях, где они проходят службу. Относительно небольшой процент опрошенных сотрудников (3,33 %) заявили о том, что им ничего не известно о существовании «смотрящих» в среде осужденных к лишению свободы.

На вопрос: «Как вы оцениваете существование «смотрящих» в исправительных учреждениях?» – большинство опрошенных сотрудников (72,67 %) ответили, что относятся к этому отрицательно, так как деятельность этих лиц направлена на организацию противодействия законным требованиям администрации. Другая группа сотрудников (15,53 %) положительно оценивают существование «смотрящих» среди осужденных, так как они помогают администрации исправительного учреждения управлять сообществом осужденных и нивелировать возникающие в их среде конфликтные ситуации. Следующая группа опрошенных (8,11 %) выразила свое безразличное отношение к существованию «смотрящих», поскольку, по их мнению, это никак не влияет ни на деятельность исправительного учреждения, ни на состояние правопорядка на его территории. Незначительная часть опрошенных сотрудников (3,69 %) считают, что администрация должна сама подбирать и оказывать протекцию по выдвижению кандидатур «смотрящих» за исправительным учреждением (преимущественно негласным путем) и впоследствии контролировать их и управлять их деятельностью.

Об относительной лояльности «смотрящих» к сотрудникам исправительных учреждений свидетельствует то, что 58,9 % опрошенных сотрудников отрицают наличие у них конфликтных отношений с указанной категорией осужденных. В то же время 41,1 % опрошенных подтверждают наличие у них конфликтных отношений со «смотрящими» и «ворами в законе». Только 8,72 % сотрудников указали в качестве причины возникновения таких конфликтов личные неприязненные отношения, в то время как подавляющее большинство опрошенных сотрудников исправительных учреждений (91,28 %) видят причину этих конфликтов в неподчинении «смотрящих» и «воров в законе» законным требованиям администрации исправительного учреждения.

Следует отметить, что процент содержания в исправительных учреждениях «воров в законе» по отношению к остальному тюремному «населению» чрезвычайно низок. Так, по состоянию на 1 октября 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 469 385 осужденных и лиц, заключенных под стражу. По некоторым данным, в настоящее время численность «воров в законе», находящихся на территории Российской Федерации, составляет 227 чел., из них 168 – на свободе, 9 – в розыске, 16 – под следствием, 59 чел. – отбывают наказание в виде лишения свободы [2]. Таким образом, по отношению к общей массе осужденных к лишению свободы и лиц, заключенных под стражу, количество «воров в законе» ничтожно мало (чуть более 0,01 %). Данное обстоятельство обусловило то, что 33 % опрошенных нами сотрудников никогда не сталкивались с этой категорией лиц. В то же время 67,0 % опрошенных за весь период службы сталкивались не более чем с 4 «ворами в законе».

Оценочные суждения о личностных качествах «воров в законе» со стороны сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов проиллюстрированы следующим образом. 18,6 % сотрудников уверены в том, что среди «воров в законе» есть честные и порядочные люди, в то время как 18,01 % – отрицают наличие этих качеств (честность, порядочность) у представителей «воров в законе». При этом 36,95 % опрошенных сотрудников заявили о том, что «воры в законе» порядочны и честны толь-

ко на словах, на деле происходит обратное. 17,3 % опрошенных затруднились ответить на этот вопрос.

Рассматривая «воровские понятия» сквозь призму такой категории, как справедливость, 20,6 % опрошенных сотрудников ФСИН России полагают, что они («воровские понятия») призваны защищать справедливость, по крайней мере, по отношению к осужденным. Большинство опрошенных (50,1 %) считают, что «воровские понятия» не стоят на защите справедливости по отношению к осужденным. По мнению 21,6 % опрошенных, «воровские понятия» и справедливость абсолютно противоположные категории. Незначительная доля опрошенных сотрудников считают, что «воровские понятия» защищают прежде всего интересы самих «воров в законе» (6,0 % опрошенных); у «воров в законе» свое понятие о справедливости, отличное от других, полагают 2,14 % опрошенных сотрудников.

Опрошенные нами сотрудники высказали следующие суждения по поводу жизненной цели, которую ставят перед собой «воры в законе» и иные «преступные авторитеты»:

- личное обогащение – 33,63 %;
- пополнение «воровского общака» – 15,96 %;
- борьба с беспределом и притеснениями осужденных, стремление к созданию достойных условий отбывания наказания – 7,05 %;
- установление в исправительном учреждении «воровского порядка» и как следствие этого пользование всеми благами лидера – 49,95 %;
- «воровская идея» – это фикция, пускание пыли в глаза другим людям; на самом деле «воры в законе» живут по принципу: каждый сам за себя – 26,16 %;
- паразитический образ жизни «воров в законе» за счет других осужденных – 33,28 %;
- утверждение своей власти среди других осужденных и посредством этого получение как можно больше денег – 4,83 %;
- создание комфортных условий отбывания наказания для себя и других осужденных – 7,33 %;
- желание побыстрее освободиться из исправительного учреждения – 3 %.

Рассматривая «воров в законе», «положенцев», «смотрящих» и иных «криминальных авторитетов» в качестве противоборствующей стороны, опрошенные сотрудники мест лишения свободы считают, что:

- к ним нужно относиться с уважением, как к достойному противнику (23,18 %);
- они не достойны уважительного отношения в силу своих аморальных качеств (13,06 %);
- к данной категории осужденных следует относиться бесстрастно и без каких-либо предубеждений, как и к любой другой категории осужденных (60,26 %);
- характер отношений зависит от качеств личности «преступного авторитета» (1 %);
- к данной категории преступников следует относиться без уважения, но как к серьезному противнику (0,6 %);
- к данной категории преступников следует относиться как к идеологическому противнику (1,21 %);
- эти лица требуют внимания и контроля за их деятельностью (0,66 % опрошенных сотрудников).

Скептически относятся к перспективе искоренения «воров в законе» и их традиций 52,52 % опрошенных сотрудников уголовно-исполнительной системы, 47,28 % – считают такую возможность вполне реальной при условии наличия государственной программы

противодействия «ворам в законе», организации эффективного взаимодействия всех силовых структур, применения к «ворам в законе» мер воспитательного характера, установления за ними тотального контроля в местах лишения свободы и за их пределами.

Большинство опрошенных нами сотрудников (57,16 %) считают установление уголовной ответственности за принадлежность к «воровскому» сообществу и пропаганду «воровских законов» и «воровской идеологии» наиболее эффективной мерой противодействия этой категории преступников. Меньшая, но довольно значительная часть сотрудников (11,33 %) полагают, что введение уголовной ответственности за принадлежность к «воровскому» сообществу и пропаганду «воровских законов» и «воровской идеологии» не возымеет должного эффекта при противодействии этому криминальному феномену.

Почти треть опрошенных сотрудников (28,3 %) убеждены в том, что в местах лишения свободы уголовно-исполнительной системы России для организации эффективного противодействия «ворам в законе» вполне достаточно мер оперативно-розыскного и режимного характера. Незначительная часть сотрудников (3,21 %) считает, что в целях организации эффективного противодействия «ворам в законе» и их сателлитам необходимо установить административную ответственность за принадлежность к «воровскому» сообществу и пропаганду «воровских законов» и «воровской идеологии».

Оценивая перспективу развития «воровского» сообщества и его влияния на экономические и политические процессы, происходящие в нашем государстве, 27,85 % опрошенных сотрудников полагают, что «воры в законе», обладая достаточным экономическим потенциалом, будут оказывать существенное влияние на политику и экономику. Считают такой сценарий маловероятным 21,11 % опрошенных сотрудников. Категорически отрицают саму возможность влияния «воров в законе» на экономические и политические процессы, происходящие в государстве, 14,61 % опрошенных сотрудников. Значительная часть опрошенных высказывают свое убеждение в том, что «воры в законе» в настоящее время оказывают большое влияние на политику и экономику. Затруднились дать какую-либо оценку перспективам развития «воровского» сообщества и его влияния на экономические и политические процессы, происходящие в нашем государстве, 4,3 % сотрудников.

Отвечая на вопрос о степени влияния «воров в законе» на криминальную ситуацию в местах лишения свободы уголовно-исполнительной системы России, 19,33 % сотрудников высказали мнение о росте их влияния на процессы, происходящие среди осужденных, и на криминальную ситуацию в целом. Снижение активности «воров в законе» в местах лишения свободы и, как следствие, уменьшение степени их влияния на криминальную ситуацию среди осужденных отметили 13,33 % опрошенных.

Большинство сотрудников (49,88 %) считают, что деятельность «воров в законе» в местах лишения свободы характеризуется поиском компромисса с администрацией исправительного учреждения, в том числе при возникновении различных конфликтных ситуаций. Затруднились ответить на данный вопрос 11,13 % сотрудников.

Весьма незначительная часть опрошенных сотрудников (0,6 %) уверены в том, что «воры в законе» изживают сами себя. Формулируя мнение по проблеме «воров в законе» и их сподвижников в местах лишения свободы, 37,83 % опрошенных высказались о том, что «воров в законе» необходимо изолировать от других осужденных и установить для них более жесткий режим отбывания наказания. 16,6 % опрошенных считают, что администрация исправительных учреждений должна проводить регулярную работу по «развенчиванию» «воров в законе» и других «криминальных авторитетов». За от-

сутствие каких-либо компромиссов в борьбе с «ворами в законе» высказались 14,83 % опрошенных. 12 % сотрудников уверены в том, что «воры в законе» пользуются поддержкой большей части осужденных и лиц, заключенных под стражу. Мнение о том, что «воры в законе» используют других осужденных как инструмент для достижения своих целей, высказали 6,75 % опрошенных сотрудников. 5,16 % – считают, что криминалитет проник во властные государственные структуры. 1,83 % опрошенных стратегическое направление противодействия «ворам в законе» видят в том, чтобы не давать им повода выступать защитниками нарушенных прав осужденных. О необходимости введения тотального контроля за деятельностью «воров в законе» высказались 2,16 % сотрудников. «Воров в законе» необходимо лишить их экономического базиса, считают 1,91 % опрошенных. Свою уверенность в том, что проблему «воров в законе» решить невозможно, высказали 2 % опрошенных сотрудников.

Дискуссия

Анализ современного состояние феномена криминальной субкультуры в лице «воров в законе», «смотрящих» и иных «криминальных авторитетов» в местах лишения свободы уголовно-исполнительной системы России, а также материалы проведенного исследования позволяют нам выявить личное отношение опрошенных сотрудников уголовно-исполнительной системы к указанной категории преступников на основе субъективной оценки их моральных качеств, их роли в системе неформальных отношений среди осужденных и лиц, заключенных под стражу, и мнение опрошенных сотрудников по вопросам организации противодействия этому криминальному феномену. Представляется небезынтересным факт неоднозначной оценки сотрудниками уголовно-исполнительной системы неформальной деятельности «воров в законе» и иных «криминальных авторитетов» в местах лишения свободы, их личностных качеств и перспективы противодействия этому криминальному феномену.

Выводы

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Криминальный феномен «воры в законе» получил достаточно широкое распространение как в России, так и за рубежом. Зародившись в России в начале XX в. как сообщество профессиональных преступников, занимавшихся преимущественно кражами, сообщество «воров в законе» постепенно приобретало признаки мафиозной организации. Об этом свидетельствует:

- сращивание «воров в законе» с коррумпированными чиновниками, в том числе представителями правоохранительных органов;
- организация и контролирование «ворами в законе» различных сфер криминального и легального бизнеса, в том числе в местах лишения свободы;
- ведение многими «ворами в законе» образа жизни, присущего зажиточным людям, со всей предполагающей для этого внешней атрибутикой (элитное жилье, дорогие автомобили и т. п.).

«Воры в законе» по-прежнему удерживают лидирующее положение в преступном мире России, являясь преступной «надорганизацией». Их лидерство в преступной среде безальтернативно.

В настоящее время «воры в законе» разобщены организационно и идеологически на несколько кланов, каждый из которых претендует на ведущую роль в сообществе «воров в законе».

Места лишения свободы рассматриваются «ворами в законе» как собственная «вотчина», откуда они регулярно получают криминальные доходы.

Созданная под руководством «воров в законе» в местах лишения свободы организация криминальной оппозиции призвана обеспечивать контроль за «воровским порядком» среди осужденных и формирование финансовых потоков в казну «воровского» сообщества («воровской общак»).

«Воры в законе» и их сателлиты строят свои отношения с администрацией исправительного учреждения, руководствуясь принципами поиска компромисса и взаимовыгодного сотрудничества.

Среди сотрудников мест лишения свободы нет единой позиции по отношению к «ворам в законе» и мерам по противодействию этому криминальному феномену, хотя большинство опрошенных нами сотрудников выступают за ужесточение изоляции «воров в законе» от основной массы осужденных и привлечение их к уголовной ответственности за принадлежность к «воровскому» сообществу и пропаганду «воровских законов» и «воровской идеологии».

Список источников

1. Кутякин С. А. Понятие, содержание и структура криминальной оппозиции в местах лишения свободы России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 1. С. 11–15.

2. Стало известно точное число «воров в законе», действующих в России // Экспресс-газета. 2019. 17 нояб. URL : <https://www.eg.ru/society/806443-stalo-izvestno-tochnoe-chislo-vorov-v-zakone-deystvuyushchih-v-rossii> (дата обращения: 15.03.2022).

References

1. Kutyakin, S. A. 2009, 'The concept, content and structure of criminal opposition in Russian prisons', *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, iss. 1, pp. 11–15.

2. 'The exact number of thieves in law operating in Russia has become known' 2019, *Express Newspaper*, 17 November, viewed 15 March 2022, <https://www.eg.ru/society/806443-stalo-izvestno-tochnoe-chislo-vorov-v-zakone-deystvuyushchih-v-rossii>.

Информация об авторе

С. А. Кутякин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права.

Information about the author

S. A. Kutyakin – PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of administrative and financial law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 25.07.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 25.07.2022.

Научная статья

УДК 343 828

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.390-393

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛЕЧЕНИЕ НАРКОМАНОВ В СИСТЕМЕ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Александр Яковлевич Гришко^{1,2}, Наталья Сергеевна Деренова³

¹ Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, grishkoaleksandr@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Россия

³ Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия, nata-derenova2008@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается история принудительного лечения наркоманов, совершивших административные правонарушения или преступления, аргументируется необходимость восстановления принудительного лечения лиц, больных наркоманией. Авторы исследуют изменения в основаниях и формах принудительного лечения данной категории лиц, которые происходили в России. Исходя из проведенного исследования и анализа научной литературы формулируется вывод, подтверждающий, что принудительное лечение лиц, больных наркоманией, – обязательное условие для профилактики совершения ими преступлений.

Ключевые слова: наркомания, принудительное лечение, преступление, осужденные, лечебно-трудовые профилактории

Для цитирования

Гришко А. Я., Деренова Н. С. Принудительное лечение наркоманов в системе мер по предупреждению наркопреступлений: история вопроса // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 390–393. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.390-393.

Original article

COMPULSORY TREATMENT OF DRUG ADDICTS IN THE SYSTEM OF MEASURES TO PREVENT DRUG CRIMES: HISTORICAL BACKGROUND

Aleksandr Yakovlevich Grishko^{1,2}, Natal'ya Sergeevna Derenova³

¹ Ryazan State University named after S. A. Yesenin, grishkoaleksandr@yandex.ru

² Kikot Moscow University of the MIA of Russia, Ryazan, Russia

³ Ufa Law Institute of the MIA of Russia, Ufa, Russia, nata-derenova2008@yandex.ru

© Гришко А. Я., Деренова Н. С., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Abstract. The article examines the history of forced treatment of drug addicts who have committed administrative offenses or crimes. The necessity of restoring compulsory treatment of persons with drug addiction is substantiated. The authors investigate the main changes in the grounds and forms of compulsory treatment of this category of persons that occurred in Russia. Based on the conducted research, analysis of scientific literature, a conclusion is formulated confirming that compulsory treatment of persons with drug addiction is a prerequisite for the prevention of their crimes.

Keywords: drug addiction, forced treatment, crime, convicts, medical and labor dispensaries

For citation

Grishko, A. Ya. & Derenova, N. S. 2022, 'Compulsory treatment of drug addicts in the system of measures to prevent drug crimes: historical background', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 390–393, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4). 3.390-393.

Стабильное число преступлений, совершаемых лицами, больными наркоманией, на протяжении длительного времени после отмены их принудительного лечения (в 1991 г. принудительное лечение применялось в административном порядке; в 2003 г. – в отношении осужденных) и практика его применения в ряде государств (Республика Беларусь, Республика Казахстан и др.) заставляют вернуться к опыту, имевшему место в России. Об актуальности данного вопроса свидетельствуют изменения взглядов на данный институт ведущих ученых. Так, А. В. Наумов в одном из курсов лекций, изданном в 2017 г., критикуя наличие лечебно-трудовых профилакториев и сравнивая их с исправительными колониями, выражал отрицательное отношение к принудительному лечению наркоманов [1, с. 547]. Однако буквально через три года в очередном своем фундаментальном труде он меняет свою позицию на противоположную: «Нужны дальнейшие шаги по реабилитации принудительного лечения наркоманов и возвращению его в отечественную правовую систему» [2, с. 445].

В России принудительное лечение и трудовое перевоспитание больных наркоманией были введены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 августа 1972 г. Согласно этому документу больные, уклоняющиеся от обязательного лечения в лечебно-профилактических учреждениях органов здравоохранения, подлежали направлению в лечебно-трудовые профилактории. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 августа 1985 г. в данный нормативный акт были внесены изменения: принудительное лечение несовершеннолетних наркоманов, достигших 16-летнего возраста, предусматривалось в лечебно-воспитательных профилакториях. Этим же Указом было утверждено положение о них.

Значительные и принципиально важные изменения с позиций соблюдения прав человека, более широкого социального подхода к проблеме наркомании были внесены в законодательство о принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков и наркоманов после принятия 25 октября 1990 г. Комитетом конституционного надзора СССР заключения «О законодательстве по вопросу о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией». В заключении отмечалось, что с началом антиалкогольной кампании 1985 г. нормативные акты, регулирующие принудительное лечение наркоманов, перестали считать нарушение этими лицами общественного порядка и правил общежития одним из обя-

зательных оснований для их направления в лечебно-трудовые и лечебно-воспитательные профилактории.

В литературе существовала точка зрения, согласно которой наркоманию следовало считать формой преступления против собственного здоровья и общества в целом, и тем самым оправдывалась практика привлечения к ответственности за прием без назначения врача наркотиков [3, с. 126; 4, с. 158–159]. Неправомерность такой позиции была подчеркнута в заключении. В частности, в нем было отмечено, что общим правовым основанием для направления на принудительное лечение наркоманов без признаков правонарушений послужило предусмотренное ст. 4 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении положение, согласно которому «граждане СССР должны бережно относиться к своему здоровью». Между тем такая «обязанность», отмечалось в заключении, не предусмотрена ни Конституцией СССР, ни международными актами о правах человека и является не более чем моральным долгом граждан. В силу этого несоблюдение ее в виде уклонения от лечения наркомании, если такое уклонение не сопряжено с систематическими нарушениями общественного порядка или ущемлением прав других лиц, не должно, несмотря на причиненный им самим себе вред, рассматриваться в качестве правонарушения, влекущего за собой юридическую ответственность. По этой же причине употребление наркотиков само по себе не должно рассматриваться в качестве административного правонарушения или преступления.

Учитывая изложенное и исходя из необходимости усиления охраны прав человека, Комитет конституционного надзора СССР пришел к выводу о том, что направление в лечебно-трудовые профилактории граждан, уклоняющихся от лечения наркомании, продолжающих употреблять наркотики после лечения, но при этом не нарушающих систематически общественный порядок или прав других лиц, не соответствовало на то время Конституции СССР и международным актам о правах человека, и поэтому существовавшие нормативные акты в этой части утратили свою силу. Граждане, которые были направлены на принудительное лечение по основаниям, не связанным с нарушением ими общественного порядка или прав других лиц, подлежали освобождению.

На основании этого заключения и постановления Верховного Совета РСФСР от 28 февраля 1991 г. № 754-1 «Об освобождении лиц из лечебно-трудовых профилакториев для хронических алкоголиков» указанные учреждения были ликвидированы. При принятии данного решения были проигнорированы личностные особенности наркоманов, направляемых на принудительное лечение в лечебно-трудовые профилактории: до 50 % профилактируемых ранее отбывали наказание, около 20 % – два и более раза, к абсолютному большинству применялись меры общественного и административного воздействия [5, с. 100].

Не было учтено, что, кроме оказания наркологической помощи, лечебно-трудовые профилактории путем временной изоляции решали и другие задачи: предупреждение совершения преступлений лицами, больными наркоманией, предупреждение совершения преступлений другими гражданами путем изоляции и исключения их влияния на ближайшее окружение. В силу этого ретроспективный анализ применения принудительного лечения лиц, больных наркоманией, свидетельствует о целесообразности его восстановления, исключив из него вопросы, связанные с нарушением прав и свобод человека.

Список источников

1. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 781 с.

2. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России : монография : в 2 ч. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. Ч. 2. 704 с.

3. Готлиб Р. М., Романова Л. И., Яцков Л. П. Социально-правовые и медицинские аспекты борьбы с тунеядством, пьянством и наркоманией. Владивосток : Дальневосточный университет, 1987. 269 с.

4. Габiani А. А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы. М. : Мысль, 1990. 220 с.

5. Гришко А. Я. Правовые и криминологические проблемы социальной реабилитации хронических алкоголиков и наркоманов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 298 с.

References

1. Naumov, A. V. 2017, *Russian criminal law. General part: a course of lectures*, 6th edn, Prospekt, Moscow.

2. Naumov, A. V. 2021, *Crime and Punishment in the History of Russia: monograph*, 2nd edn, in 2 vols, vol. 2, Prospekt, Moscow.

3. Gotlib, R. M., Romanova, L. I. & Yatskov, L. P. 1987, *Socio-legal and medical aspects of the fight against parasitism, drunkenness and drug addiction*, Far Eastern University, Vladivostok.

4. Gabiani, A. A. 1990, *On the edge of the abyss: drug addiction and addicts*, Mysl, Moscow.

5. Grishko, A. Ya. 1993, *Legal and criminological problems of social rehabilitation of chronic alcoholics and drug addicts: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.

Информация об авторах

А. Я. Гришко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина); профессор кафедры уголовного права и криминологии (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя);

Н. С. Деренова – старший преподаватель-методист отделения методического обеспечения учебного процесса учебного отдела.

Information about the authors

A. Ya. Grishko – Sc.D (Law), Professor, professor of the department of criminal law and criminology (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); professor of the department of criminal law and criminology (Kikot Moscow University of the MIA of Russia);

N. S. Derenova – senior teacher-methodologist of the department of methodological support of the educational process of the educational department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 25.07.2022.

The article was submitted 25.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 25.07.2022.

Научная статья

УДК 343.222

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.394-403

СПЕЦИФИКА ЭВОЛЮЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХУЛИГАНСТВО В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Илья Александрович Тараканов¹, Александр Сергеевич Руденко²

¹ Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Россия, il8@list.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7355-1952>

² Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, ras79@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7355-1952>

Аннотация. В статье рассматривается специфика эволюции уголовной ответственности за хулиганство в уголовном праве Российской Федерации, анализируются особенности законодательного закрепления признаков состава хулиганства в статье 213 Уголовного кодекса Российской Федерации с момента введения его в действие до настоящего времени. Подробному исследованию подвергается каждое из изменений, внесенных в рассматриваемую статью, а также раскрывается его уголовно-правовое значение для квалификации и назначения наказания. При этом учитываются мнения других исследователей по поводу обоснованности и эффективности указанных изменений. Объектом исследования выступили особенности законодательной конструкции статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность за хулиганство, а также положения федеральных законов, внесших изменения в указанную статью. Цель исследования – анализ специфики процессов криминализации и декриминализации хулиганских действий, изменения объема уголовно наказуемого хулиганства, категории рассматриваемого преступления. В результате исследования выявлены особенности эволюции уголовной ответственности за хулиганство в уголовном праве Российской Федерации, касающиеся обязательных, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков рассматриваемого состава преступления, специфика процессов декриминализации и криминализации действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу. Сделан вывод о том, что объем хулиганства как уголовно наказуемого деяния был подвергнут неоднократной трансформации – от резкого сокращения, обусловленного декриминализацией «невооруженного хулиганства», до восстановления возможности привлечения к уголовной ответственности за насилие или угрозу его применения при совершении хулиганских действий. Таким образом, наблюдается обратная криминализация деяний, которые ранее были переведены в разряд административных правонарушений.

© Тараканов И. А., Руденко А. С., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: хулиганство, уголовная ответственность, криминализация, декриминализация, обязательные признаки, квалифицирующие признаки, оружие, насилие

Для цитирования

Тараканов И. А., Руденко А. С. Специфика эволюции уголовной ответственности за хулиганство в уголовном праве Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 394–403. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4). 3.394-403.

Original article

THE SPECIFICS OF THE EVOLUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR HOOLIGANISM IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Il'ya Aleksandrovich Tarakanov¹, Aleksandr Sergeevich Rudenko²

¹ Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, Vladimir, Russia, il8@list.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7355-1952>

² Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, ras79@bk.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7355-1952>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the specifics of the evolution of criminal liability for hooliganism in the criminal law of the Russian Federation. The authors analyze the features of the legislative consolidation of the signs of hooliganism in Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation from the moment of its entry into force to the present. Each of the changes made to the article under consideration, as well as its criminal-legal significance for the qualification and sentencing, is subjected to a detailed study. At the same time, the authors take into account the opinions of other researchers on the validity and effectiveness of these changes. The object of the study was the peculiarities of the legislative structure of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for criminal liability for hooliganism, as well as the provisions of federal laws that amended this article. The purpose of the study is to analyze the specifics of the processes of criminalization and decriminalization of hooliganism, changes in the scope of criminally punishable hooliganism, the category of the crime under consideration. As a result of the study, the features of the evolution of criminal responsibility for hooliganism in the criminal law of the Russian Federation are revealed, concerning the mandatory, qualifying and especially qualifying signs of the considered corpus delicti, the specifics of the processes of decriminalization and criminalization of actions that grossly violate public order and express obvious disrespect for society. It is concluded that the volume of hooliganism as a criminally punishable act has been repeatedly transformed – from a sharp reduction due to the decriminalization of "unarmed hooliganism" to the restoration of the possibility of criminal prosecution for violence or the threat of its use in the commission of hooliganism. Thus, there is a reverse criminalization of acts that were previously transferred to the category of administrative offenses.

Keywords: hooliganism, criminal liability, criminalization, decriminalization, mandatory signs, qualifying signs, weapons, violence

For citation

Tarakanov, I. A. & Rudenko, A. S. 2022, 'The specifics of the evolution of criminal liability for hooliganism in the Criminal Law of the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 394–403, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.394-403.

Введение

Одним из объектов уголовно-правовой охраны, непосредственно указанным в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), является общественный порядок. Под ним в юридической литературе понимается складывающаяся на основе норм права, морали, обычаях, традициях, правилах общежития и других социальных и правовых нормах система общественных отношений в сфере обеспечения общественного спокойствия, нормального поведения людей в обществе, функционирования общественных и государственных институтов [1, с. 582–583]. Общественным порядком также признаются общественные отношения, обеспечивающие социальное спокойствие, гармоничные условия быта, работы, проведения досуга граждан, упорядоченность деятельности организаций, учреждений и предприятий [2, с. 191].

Одним из наиболее распространенных преступлений, посягающих на общественный порядок, является хулиганство (ст. 213 УК РФ). В юридической литературе отмечалось, что социально-нравственная характеристика хулиганства весьма своеобразна, «от неумных – озорства и шалости – до дерзких и циничных поступков» [3, с. 470].

С момента введения в действие УК РФ и до настоящего времени хулиганство подвергалось частичной криминализации и декриминализации. По данному поводу Л. Андреева и Г. Овчинникова справедливо отмечали следующее: «Закон, предусматривающий уголовную ответственность за хулиганство, на протяжении ряда лет подвергался изменениям, существенно видоизменяющим само понятие уголовно наказуемого хулиганства. Таким образом, исключалась уголовная ответственность за определенные действия, совершаемые из хулиганских побуждений, которые представляют собой классическое грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу» [4, с. 6]. В связи с этим представляет интерес анализ особенностей эволюции уголовной ответственности за хулиганство в УК РФ.

Основная часть

На момент введения в действие УК РФ ст. 213 состояла из трех частей. Диспозиция части первой имела описательный характер и раскрывала сущность хулиганства как преступления. Под хулиганством согласно ч. 1 ст. 213 УК РФ понималось грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества. Как отмечали Л. Андреева и Г. Овчинникова, «без этих признаков хулиганские действия уже не образовывали уголовно наказуемого хулиганства» [4, с. 6]. Альтернативная санкция рассматриваемой части статьи предусматривала следующие виды наказания: обязательные работы на срок от 120 до 180 часов, либо исправительные работы на срок от 6 месяцев до 1 года, либо арест на срок от 4 до 6 месяцев, либо лишение свободы на срок до 2 лет. Таким образом, данное деяние согласно ч. 2 ст. 15 УК РФ относилось к преступлениям небольшой тяжести.

Часть 2 ст. 213 УК РФ предусматривала ряд квалифицирующих признаков хулиганства: 1) совершение хулиганства группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; 2) совершение хулиганства, связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка; 3) совершение хулиганства лицом, ранее судимым за хулиганство. Санкция указанной части статьи, являющаяся также альтернативной, предусматривала следующие виды наказаний за совершение квалифицированного состава хулиганства: обязательные работы на срок от 180 до 240 часов, либо исправительные работы на срок от 1 года до 2 лет, либо лишение свободы на срок до 5 лет. Следовательно, данные виды хулиганства согласно ч. 3 ст. 15 УК РФ представляли собой преступления средней тяжести.

Часть 3 ст. 213 УК РФ закрепляла уголовную ответственность за особо квалифицированный состав хулиганства – хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Санкция данной части статьи была единичной и предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от 4 до 7 лет. Таким образом, «вооруженное» хулиганство согласно ч. 4 ст. 15 УК РФ относилось к категории тяжких преступлений.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ст. 213 УК РФ была изложена в новой редакции и включила в себя две части. Произошла частичная декриминализация хулиганства. Так, в новой редакции ч. 1 ст. 213 УК РФ под хулиганством понималось грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. По этому поводу М. Н. Белов отмечал, что из ст. 213 УК РФ «были исключены такие признаки хулиганства, как имущественный вред и вред личности, так как проблема разграничения преступлений против личности, имущества и хулиганства существовала до сих пор. Основными признаками хулиганства оставались грубое нарушение общественного порядка и явное неуважение к обществу, также законодатель включил в качестве криминообразующих признаков применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия» [5, с. 25]. Таким образом, хулиганство признавалось уголовно наказуемым только в случае, если виновным применялось оружие или предметы, используемые в качестве него. Относительно этого Е. И. Куприянов отмечал, что «в данной редакции ст. 213 УК РФ были декриминализованы действия, которые хотя и нарушают общественный порядок, но были совершены без использования оружия или предметов, используемых в качестве такового» [6, с. 26].

Анализируя такое законодательное решение, Л. Андреева и Г. Овчинникова отмечали, что «ч. 3 ст. 213 УК РФ как квалифицирующий признак в прежней редакции полностью вошла в качестве составообразующих признаков в ч. 1 ст. 213, то есть в определение самого понятия хулиганства» [4, с. 6]. По их мнению, это было обусловлено стремлением законодателя «ограничить хулиганство только наиболее опасными действиями, а остальные оставить за пределами уголовного закона. Если учесть распространенность и разнообразие хулиганских действий в современной жизни, в том числе совершаемых подростками, и фактическое отсутствие других действенных мер воздействия на них, то возникает простор для вседозволенности, разнузданного поведения. Нормальная общественная жизнь, спокойствие законопослушных граждан все более становятся не защищенными государством» [4, с. 6]. Что касается применения насилия к гражданам,

угрозы его применения, уничтожения или повреждения чужого имущества, то указанные признаки нашли свое отражение в новой редакции ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающей административную ответственность за мелкое хулиганство. При этом следует обратить внимание на то, что на законодательном уровне было принято решение о снижении общественной опасности «вооруженного» хулиганства. Так, новая альтернативная санкция статьи в качестве наказаний предусматривала обязательные работы на срок от 180 до 240 часов, либо исправительные работы на срок от 1 года до 2 лет, либо лишение свободы на срок до 5 лет. Таким образом, «вооруженное» хулиганство было отнесено к категории преступлений средней тяжести.

Часть 2 ст. 213 УК РФ в новой редакции предусматривала следующие квалифицирующие признаки хулиганства: 1) совершение хулиганства группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; 2) совершение хулиганства, связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка. Единичная санкция данной части статьи предусматривала в качестве наказания лишение свободы на срок до 7 лет. Таким образом, квалифицированные составы хулиганства были отнесены к тяжким преступлениям.

Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» ч. 1 ст. 213 УК РФ была изложена в новой редакции. В результате альтернативно обязательным признаком основного состава хулиганства были законодательно закреплены мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Как отмечала В. В. Ревина, указанные мотивы выступили в качестве конструктивного альтернативного признака хулиганства [7, с. 12]. Сходное мнение высказывал М. Н. Белов, называя наличие этих мотивов криминообразующим основанием [5, с. 26]. При этом санкция рассматриваемой части статьи не претерпела каких-либо изменений.

Положительно оценивая данное изменение ст. 213 УК РФ, Е. И. Куприянов отмечал, что законодатель тем самым частично вернул в состав хулиганства «возможность совершения его без оружия или предметов, используемых в качестве оружия» [6, с. 26]. Противоположного мнения придерживался В. Г. Павлов, утверждая, что указанные мотивы «предусмотрены как квалифицированные составы преступлений против личности, что создает дополнительные трудности на практике при квалификации хулиганства и отграничении его от других преступных деяний» [8, с. 195].

Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения в санкции обеих частей ст. 213 УК РФ. В санкции ч. 1 рассматриваемой статьи в качестве альтернативного наказания был закреплен штраф в размере от 300 тыс. до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 2 до 3 лет. Был устранен также нижний предел для наказания в виде исправительных работ. Санкция ч. 2 ст. 213 УК РФ была дополнена наказанием в виде штрафа в размере от 500 тыс. до 1 млн рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3 до 4 лет.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской

Федерации» санкции ст. 213 УК РФ вновь подверглись изменениям. В санкции ч. 1 рассматриваемой статьи был увеличен верхний предел наказания в виде обязательных работ до 480 часов. Кроме того, санкции обеих частей ст. 213 УК РФ были дополнены принципиально новым видом наказания – принудительными работами на срок до 5 лет.

Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 213 УК РФ была дополнена ч. 3, закрепляющей уголовную ответственность за хулиганство, совершенное с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств. Единичная санкция данной части статьи предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет. Таким образом, преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 213 УК РФ, относилось к категории тяжких.

Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ч. 1 ст. 213 УК РФ была дополнена еще одним альтернативно обязательным признаком основного состава хулиганства – местом его совершения. Под таким местом понимался железнодорожный, морской, внутренний водный или воздушный транспорт, а также любой иной транспорт общего пользования. На специфику конструкции диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ обращал внимание Ю. В. Голик, называя ее уникальной и отмечая, что в ней «под одной крышей» законодатель собрал орудия совершения преступления, мотив совершения преступления и добавил место совершения преступления [9, с. 162]. Положительно оценивая данное изменение, М. Н. Белов отмечал, что оно «было связано с тем, что средства массовой информации постоянно сообщают о фактах неподобающего поведения пассажиров на бортах самолетов, находящихся в воздухе, в поездах, поездах метрополитенов, на теплоходах» [5, с. 26].

Новая редакция ч. 1 ст. 213 УК РФ подверглась критике со стороны А. Ю. Сичкаренко: «При всей простоте формулировок понимание признаков уголовно наказуемого «транспортного» хулиганства вызывает немалые трудности. Так, законодатель не указал, что следует понимать под транспортом общего пользования. Неясно и время совершения рассматриваемого деяния: в частности, будут ли считаться преступными хулиганские действия, совершенные хоть и на транспорте, но не в процессе его эксплуатации, а до начала движения?.. Указание в рассматриваемой норме на то, что местом совершения «транспортного» хулиганства может являться «любой иной транспорт общего пользования», позволяет заключить, что данный перечень не является закрытым» [10, с. 55]. В результате проведения подробного анализа содержания п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ А. Ю. Сичкаренко приходит к выводу о том, что такое хулиганство должно признаваться преступным лишь с момента начала движения транспортного средства до момента его остановки: «Только при таких условиях будет повышаться степень общественной опасности хулиганских действий, а также создаваться угроза безопасности эксплуатации транспортного средства... Соответственно, не будут образовывать состав хулиганства, предусмотренный п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, действия, грубо нарушающие общественный порядок, хотя и совершенные на транспорте общего пользования, однако выражающие явное неуважение к лицам, не находящимся в данный момент на транспорте вместе с виновным... В таких случаях отсутствие замкнутого пространства и способность лиц уклониться от действий виновного, а также отсутствие потенциальной угрозы для эксплуатации транспортных средств не

позволяет говорить о наличии общественной опасности совершаемых действий, необходимой для признания их преступными» [10, с. 59].

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» были внесены изменения как в ч. 1, так и в ч. 2 ст. 213 УК РФ. Так, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, было признано квалифицирующим признаком хулиганства и нашло свое отражение в диспозиции ч. 2 ст. 213 УК РФ. Пункт «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, ранее содержащий данный признак, был изложен в новой редакции – «с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения». Положительно оценивая данные изменения, М. Н. Белов отмечал следующее: «Исходя из основного объекта посягательства представляется вполне обоснованной позиция законодателя, включившего насилие или его угрозу в основной состав хулиганства... Хулиганство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, было перенесено из части первой в часть вторую ст. 213 УК РФ и стало находиться на одном уровне общественной опасности с данным деянием, совершенным группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо связанным с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка. То есть за хулиганство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, ужесточилась ответственность. Если ранее за данное деяние могла грозить ответственность в виде лишения свободы до пяти лет, то теперь – до семи лет» [5, с. 26].

Следует отметить, что похожая редакция статьи ранее (еще в 2013 г.) уже предлагалась Е. И. Куприяновым, однако при этом, по его мнению, в ч. 1 ст. 213 УК РФ должно было присутствовать указание как на применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия (в п. «а»), так и на применение насилия к гражданам либо угрозу его применения (в п. «в») [6, с. 29].

По мнению М. А. Жадяевой и И. Ю. Яниной, закрепление в п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ такого криминообразующего признака, как применение «насилия к гражданам», представляется нецелесообразным: «По сути, в связи с последними законодательными изменениями, касающимися уголовной ответственности за хулиганство, квалифицировать деяния по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ представляется возможным только в тех случаях, когда хулиганство совершается с угрозой применения насилия к гражданам, поскольку хулиганские побуждения из числа обозначенных нами смежных составов преступлений против здоровья не являются атрибутивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ. В ситуациях, когда хулиганство совершено с применением насилия к гражданам, фактически действия будут квалифицироваться в зависимости от наступивших последствий: при причинении тяжкого вреда здоровью – по п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ; при причинении средней тяжести вреда здоровью – по п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ; при причинении легкого вреда здоровью – по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ; при причинении побоев и иной физической боли – по ст. 116 УК РФ» [11, с. 26].

Результаты

Проведенный анализ особенностей эволюции уголовной ответственности за хулиганство в уголовном праве Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы:

1. С момента введения в действие УК РФ и по настоящее время хулиганство неоднократно подвергалось частичной криминализации и декриминализации.

2. Такие существенные признаки хулиганства, как грубость нарушения общественного порядка и выражение явного неуважения к обществу, в рассматриваемый период не претерпели каких-либо принципиальных изменений.

3. Уничтожение или повреждение чужого имущества, являвшееся альтернативным конструктивным признаком хулиганства, с 2003 г. и до настоящего времени перестало быть таковым.

4. Применение насилия к гражданам либо угроза его применения, указанные в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ на момент введения в действие УК РФ, в 2003 г. также не нашли свое закрепление в новой редакции указанной статьи, однако в 2020 г. вновь обрели свое уголовно-правовое значение в качестве альтернативно обязательного признака основного состава хулиганства.

5. Дополнение ч. 1 ст. 213 УК РФ альтернативно обязательными признаками, связанными с мотивами совершения хулиганства и местом его совершения, существенно расширило сферу применения рассматриваемой статьи.

6. Совершение хулиганства группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой с момента введения в действие УК РФ и по настоящее время признается квалифицирующим признаком хулиганства, не претерпевшим изменений.

7. Аналогичное утверждение является справедливым и по отношению к такому квалифицирующему признаку хулиганства, как сопротивление представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка.

8. Применение при совершении хулиганства оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в течение рассматриваемого периода неоднократно меняло свое уголовно-правовое значение: выступая первоначально в качестве особо квалифицирующего признака, в дальнейшем приобрело характер обязательного, затем альтернативно обязательного, а в настоящее время является квалифицирующим признаком.

9. Применение взрывчатых веществ или взрывных устройств при хулиганстве получило законодательное закрепление в качестве особо квалифицированного признака рассматриваемого состава и до настоящего времени не изменило своего уголовно-правового значения.

10. Основной состав хулиганства из категории преступлений небольшой тяжести был перемещен в категорию преступлений средней тяжести после закрепления в нем признака применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

11. Квалифицированный состав хулиганства из категории преступлений средней тяжести был перемещен в категорию тяжких преступлений, что во многом было обусловлено изменением характера и степени общественной опасности основного состава.

12. Особо квалифицированный состав хулиганства, несмотря на изменение образующих его признаков, по-прежнему относится к категории тяжких преступлений.

Таким образом, объем хулиганства как уголовно наказуемого деяния был подвергнут неоднократной трансформации – от резкого сокращения, обусловленного декриминализацией «невооруженного хулиганства», до восстановления возможности привлечения к уголовной ответственности за насилие или угрозу его применения при совершении хулиганских действий. Наблюдается обратная криминализация деяний, которые ранее были переведены в разряд административных правонарушений. С учетом того что норма, закрепленная в ст. 213 УК РФ, обладает двойной превенцией и способна предупреждать совершение более опасных преступлений, следует с положительной стороны отметить

процесс криминализации хулиганских действий, позволяющий обеспечить более эффективную защиту как общественного порядка, так и интересов личности.

Список источников

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. В. К. Дуюнова. 6-е изд. М. : РИОР ; ИНФРА-М, 2020. 780 с.
2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2021. 407 с.
3. Уголовное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 5-е изд., изм. и доп. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2013. 912 с.
4. Андреева Л., Овчинникова Г. Ответственность за хулиганство // Законность. 2004. № 5. С. 6–9.
5. Белов М. Н. Состав «хулиганство» в Уголовном кодексе РФ: временная трансформация // Российский судья. 2021. № 10. С. 25–28.
6. Куприянов Е. И. Хулиганство – преступление, переходящее на личность // Российский следователь. 2013. № 8. С. 26–29.
7. Ревина В. В. Ретроспективный анализ уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления экстремистской направленности // Российский следователь. 2009. № 14. С. 8–12.
8. Павлов В. Г. О факультативных признаках субъективной стороны хулиганства // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3. С. 191–200.
9. Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lexrussica. 2017. № 8. С. 162–166.
10. Сичкаренко А. Ю. Актуальные вопросы квалификации «транспортного» хулиганства // Уголовное право. 2017. № 6. С. 55–59.
11. Жадяева М. А., Янина И. Ю. Общественная опасность «насильственного» и «вооруженного» хулиганства: проблемы законодательной техники и правоприменения // Российский судья. 2022. № 2. С. 21–26.

References

1. Duyunov, V. K. (ed.) 2020, *Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook*, 6th edn, RIOR, INFRA-M, Moscow.
2. Inogamova-Khegay, L. V. 2021, *Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook*, 3rd edn, INFRA-M, Moscow.
3. Kozachenko, I. Ya. & Novoselov, G. P. 2013, *Criminal law. Special part: textbook*, 5th edn, Norma, INFRA-M, Moscow.
4. Andreeva, L. & Ovchinnikova, G. 2004, 'Responsibility for hooliganism', *Legality*, iss. 5, pp. 6–9.
5. Belov, M. N. 2021, 'The composition of "hooliganism" in the Criminal Code of the Russian Federation: temporary transformation', *Russian judge*, iss. 10, pp. 25–28.
6. Kupriyanov, E. I. 2013, 'Hooliganism is a crime that passes on to a person', *Russian investigator*, iss. 8, pp. 26–29.
7. Revina, V. V. 2009, 'Retrospective analysis of criminal legislation providing for responsibility for extremist crimes', *Russian investigator*, iss. 14, pp. 8–12.
8. Pavlov, V. G. 2016, 'About optional signs of the subjective side of hooliganism', *Leningrad Law Journal*, iss. 3, pp. 191–200.

9. Golik, Yu. V. 2017, 'Responsibility for hooliganism: changing the law', *Lexrussica*, iss. 8, pp. 162–166.

10. Sichkarenko, A. Yu. 2017, 'Current issues of qualification of "transport" hooliganism', *Criminal law*, iss. 6, pp. 55–59.

11. Zhadyaeva, M. A. & Yanina, I. Yu. 2022, 'Public danger of "violent" and "armed" hooliganism: problems of legislative technique and law enforcement', *Russian judge*, iss. 2, pp. 21–26.

Информация об авторах

И. А. Тараканов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии;

А. С. Руденко – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права.

Information about the authors

I. A. Tarakanov – PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of criminal law and criminology;

A. S. Rudenko – PhD (Law), Associate Professor, deputy head of the department of criminal law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 25.07.2022.

The article was submitted 05.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 25.07.2022.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

Научная статья

УДК 343.985.7

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.404-416

СЛЕДСТВЕННЫЕ ВЕРСИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ И ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Евгений Владимирович Чиненов¹

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, г. Белгород, Россия, chinovveg@mail.ru

Аннотация. Поисково-познавательная деятельность следователя, расследующего преступления экономической направленности, совершаемые на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, начинается с выдвижения версий, то есть построения гипотетической реконструкции произошедшего события.

В статье дается авторская характеристика следственных версий, показывается их структура, раскрываются основные направления расследования, складывающиеся на первоначальном и последующем этапах работы по уголовным делам выделенной категории.

Ключевые слова: следственная версия, субъекты познавательной деятельности, направления расследования, расследование преступлений экономической направленности, расследование преступлений на железнодорожном транспорте

Для цитирования

Чиненов Е. В. Следственные версии и направления расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 404–416. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.404-416.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Original article

INVESTIGATIVE VERSIONS AND DIRECTIONS OF INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED ON RAILWAY TRANSPORT AND TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES

Evgenij Vladimirovich Chinenov¹

¹Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russia, chinenovevg@mail.ru

Abstract. The search and cognitive activity of an investigator investigating economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities begins with the nomination of versions, that is, the construction of a hypothetical reconstruction of the event that occurred. The article gives the author's characteristic of investigative versions, shows its structure, reveals the main lines of investigation that develop at the initial and subsequent stages of work on criminal cases of the selected category.

Keywords: investigative version, subjects of cognitive activity, areas of investigation, investigation of economic crimes, investigation of crimes on railway transport

For citation

Chinenov, E. V. 2022, 'Investigative versions and directions of investigation of economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 404–416, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4). 3.404-416.

Качество расследования преступлений во многом зависит от верного определения направления (содержания, порядка, последовательности) деятельности следователя по установлению обстоятельств исследуемого события. Определение планируемого пути движения субъекта расследования по уголовному делу основывается на поиске рациональных действий, средств обнаружения недостающей информации и ее последующем встраивании в логико-психологический механизм следственных версий. Такие процессы и действия становятся возможными лишь на основе всестороннего анализа складывающихся следственных ситуаций, позволяющих правильно очертить круг подлежащих проверке множественности причин и выбрать из них наиболее относимые, обоснованные, реальные и конкретные, тем самым обеспечив рациональный выбор и последовательность производства комплекса необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [6]. Важность поиска способов решения данной весьма непростой задачи диктуется положениями организации расследования преступлений. Именно в ее рамках, в числе прочих, создаются наиболее оптимальные условия, обеспечивающие выделение «видовой и внутривидовой специфики исследуемых ситуаций, что с учетом полученных результатов позволяет конкретизировать задачи расследования, определить оптимальную последовательность, средства и способы их решения, адекватные потребностям следственной практики» [23].

Отправной точкой определения направлений расследования является информационный поиск в начале расследования, анализ первичной информации о преступлении, составляющей фактическую основу складывающихся следственных ситуаций расследования [12]. Методы и инструменты их разрешения имеют определенные особенности, что объясняется условиями расследования отдельных видов преступлений. Выраженной спецификой в выдвигании, проверке версий, определении направлений расследования обладает и расследование преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. В связи с этим изучение практики версионной деятельности, выделение индивидуализирующих ее черт, структурного построения по преступлениям выделенной категории вызывает правомерный интерес.

Основным методом разрешения следственных ситуаций является поисково-познавательная деятельность следователя, во главе угла которой стоит работа по формулированию версий. Построение версий как гипотетической реконструкции происшедшего события, логических предположений о наличии либо отсутствии событий, фактов из числа имеющих значение для правильного разрешения дела предопределяет информационное состояние процесса расследования преступления на определенный момент, обосновывая принятие информационных, тактических и организационно-управленческих решений [3, 10, 11]. Именно они (версии), с точки зрения Р. С. Белкина, составляют «логическую, процессуальную и тактическую основы планирования расследования» [2, с. 360]. Представляя собой эвристическое звено в цепи творческого познания, версии, апеллируя к мнению Л. Я. Драпкина, занимают «связующее место в процессе поисково-познавательной деятельности» [8, с. 28], тем самым позволяя рационально планировать расследование, обеспечивая основу создания типовых алгоритмов следственных действий, их встраивание в методику расследования преступлений.

В целом построение следственной версии представляет собой результат логического осмысления обстоятельств уголовного дела [18, с. 182]. Построение версий, считает А. А. Эксархопуло, «должно подчиняться определенным логическим правилам, соблюдение которых обеспечивает полноту, объективность и всесторонность расследования. Основу таких правил составляют законы логического мышления: закон тождества, закон противоречия и закон исключенного третьего» [20, с. 148]. Наряду со знанием субъектом расследования криминалистики, уголовного права, уголовного процесса, юридической психологии, логики, при построении версий в ходе расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, по нашему мнению, важным является знание научных основ оперативно-розыскной деятельности, судебной бухгалтерии, экономики, учета и анализа производственных процессов в организациях железнодорожного транспорта. Опираясь на положения комплекса отмеченных наук, изучаются все имеющиеся обстоятельства, осуществляется восстановление происшедшего, преодолеваются возникающие логические барьеры.

Следует отметить, что построению версий при наличии информации о преступлении экономической направленности, совершенном на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, обязательно должен предшествовать сбор и изучение существенных сведений, относящихся к расследуемому факту. Они могут быть получены, наряду с процессуальными источниками, из источников непроцессуальных. При этом необходимо исходить из того, что версия о преступлении может основываться

ся как на фактах, достоверно установленных проверочными мероприятиями организаций железнодорожного транспорта (внутренним аудитом, инвентаризациями, ревизиями и пр.), следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями, так и на изначально не проверенной информации, например, сведениях, полученных из средств массовой информации, периодической печати, сети Интернет. В частности, по одному из расследованных органами внутренних дел на транспорте уголовных дел версией о совершении преступления экономической направленности на конкретном его объекте, основанием для предварительной проверки информации, обеспечившей впоследствии возбуждение уголовного дела по фактам мошеннических действий, а также растраты вверенного имущества (эластомерных поглощающих аппаратов, предназначенных для улучшения амортизации железнодорожных вагонных устройств) мастером вагоноремонтного участка эксплуатационного вагонного депо «Сургут» ОАО «РЖД» стало размещенное в сети Интернет объявление о приобретении этим лицом эластомерных поглощающих аппаратов марки 73 ZW¹.

Особую важность для построения версий имеет знание ее структуры. Обобщение практики расследованных уголовных дел по преступлениям экономической направленности, совершенным на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, позволило показать ключевые особенности содержания структуры криминалистической версии о событии данных деяний.

1. Основания версии. В ее содержании выделяется:

- информация, получаемая следователем в ходе проверки сообщений и заявлений о преступлении;
- оперативная информация;
- совокупность материальных следов и вещественных доказательств;
- сведения специального характера, полученные как из непроцессуальных, так и из процессуальных источников.

2. Исследование имеющихся сведений. Предполагает обязательность привлечения лиц, сведущих в вопросах экономики (учета, финансов, анализа хозяйственной деятельности, логистики) и железнодорожного транспорта, в соответствии с основными его видами деятельности.

3. Содержание версии. Предположения, гипотезы, выдвигаемые в результате исследования сведений, должны строиться с учетом данных соответствующих наук обобщения практики расследования аналогичных преступлений. В их перечне естественные, экономические, технические, а также прикладные (судебная бухгалтерия, судебная технология и товароведение, экономико-криминалистический анализ и пр.).

4. Исследование версий. Строится путем использования самых различных форм и способов общенаучного познания, в том числе:

- эмпирических (наблюдение за специфическими процессами, включая возможности современных информационных технологий); теоретических, общелогических (синтез, анализ, индукция, дедукция и пр.);
- специальных (социологический, статистический, математический);
- частнонаучных (теоретико-правового моделирования, теоретико-правового прогнозирования; экономико-математического моделирования, криминалистического анализа и прогнозирования и пр.).

¹ См.: Уголовное дело № 1–1004/2017 // Архив Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

5. Практическая проверка и оценка результатов проверки версий, установление их соответствия действительности. Осуществляется, в числе прочего, путем обязательного использования специальных знаний (криминалистических, экономических) и производства специальных исследований (экспертизы, ревизии, инвентаризации).

Анализ существующих теоретических положений позволил нам определить специфику выдвижения и проверки версий при расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Версионная деятельность следователя по уголовным делам выделенной категории, по нашему мнению, складывается из трех этапов.

Первый этап – сбор информации, ее логическое осмысление, анализ, синтез, формулирование общих и частных версий. Исходную информацию о совершенном на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры преступлении экономической направленности следователь может получать из различных источников: от железнодорожной транспортной организации; граждан; должностных лиц сторонних организаций, взаимодействующих в рамках хозяйственной деятельности с организациями железнодорожного транспорта или пользующихся его услугами; оперативных работников; во время производства процессуальных действий, например, в ходе производства различных видов следственных осмотров; из средств массовой информации и иных источников.

Далее логическим путем выявляется связь обстоятельств, о которых имеется информация, с расследуемым преступлением. Успех решения этой задачи предполагает владение различными методами научного анализа, которые в ситуациях расследования изучаемой категории преступлений обладают рядом особенностей. Примером индуктивного умозаключения может служить ситуация, связанная с обнаружением на участке железнодорожного пути отсутствующих отдельных деталей верхнего его строения. Существование подобного факта повлечет за собой выдвижение следующих предположений: о возможном преступлении против собственности конкретной организации железнодорожного транспорта (краже или растрате); его совершении либо простыми гражданами, либо работниками железнодорожной организации (например, контролером состояния железнодорожного пути, мастерами железнодорожного участка); хищении конкретных предметов, обладающих определенными характеристиками и ценностью. Соответствующая их проверка позволит сделать окончательный вывод. В свою очередь, в качестве примера дедуктивного вывода можно привести отказ материально ответственного лица от подписи в материалах инвентаризации, что в совокупности с другой информацией, например, добытой оперативным путем, позволит выдвинуть предположительный вывод о наличии признаков преступления экономической направленности, поставив задачу необходимости проведения дальнейшей проверки, тем самым определив ход направления расследования на его первоначальном этапе.

Таким нам видится обоснование необходимости и важности, полноты и глубины сбора информации о происшедшем событии, наличия знаний, включая специальные, позволяющих субъекту расследования осуществлять логические операции научного познания в прогностических целях.

С целью выделения среди всей совокупности получаемой информации той, которая может быть связана с конкретным преступным деянием, осуществляется ее анализ и синтез, выступающие предпосылками построения криминалистической версии. Именно благодаря их сочетанию обеспечивается системный подход к сложным объектам исследования. В свою очередь, выделение их специфических видов, например при-

менение методов экономико-криминалистического анализа, анализа результатов деятельности предприятия железнодорожного транспорта, обеспечит построению версий о преступлениях экономической направленности, совершенных на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, не только логическую определенность и последовательность, но и высокий уровень обоснованности [1, 14, 15, 19].

При формулировании версий целесообразно исходить из классификации версий на общие и частные [9]. Однако опираться при этом рекомендуется на знание типичных моделей механизмов преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте, их способов, с учетом установленных фактических обстоятельств о конкретном происшедшем событии (например, на информацию о месте преступления, о следах или их признаках). Общие версии подчиняются объяснению сути события преступления. Например, произошла кража, мошенничество, присвоение или растрата. Формулирование таких версий строится с учетом объективной стороны преступления. Для этого с позиции уголовного закона подвергаются оценке действия преступника (формы его поведения), место совершения деяния (конкретный объект транспорта, инфраструктурный объект), его цели и мотивы. Формулирование частных версий предполагает объяснение отдельных обстоятельств совершения деяния, происхождения отдельных фактов. В их числе: конкретное время; пространство (по отдельным видам преступлений, например кражам имущества в поездах дальнего следования, грузов); использованные орудия и средства; конкретный способ деяния.

По исследуемой категории дел наиболее часто возникают проблемы с установлением способа совершения преступления. В связи с этим следует согласиться с мнением Б. В. Борина, который пишет: «Применительно к экономическим преступлениям... условиями способа совершения преступлений являются технологические, правовые, экономические процессы определенного вида хозяйственной деятельности, отрасль (сфера), а также вид хозяйственной деятельности и др. ...Выбор способа совершения преступления напрямую связан с физическими и функциональными возможностями человека, которые, однако, в немалой степени обусловлены как самим характером преступления, так и внешними условиями, в которых оно совершается» [4, с. 164].

На основании изложенного отметим, что систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, особо выделяет детерминация сферой деятельности железнодорожного транспорта, характеризующейся спецификой содержания ведущихся здесь видов производственно-хозяйственной деятельности и оказываемых услуг, что закономерно и должно быть принято к сведению при построении версий [21].

Важную роль в формулировании версий играет знание типовых моделей механизмов преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и его инфраструктурных объектах. С помощью имеющихся шаблонов, основываясь на поиске сходства и различий изучаемых явлений, процессов в каких-либо свойствах с уже имеющимися базовыми представлениями, более точно определяется направление расследования, тем самым сокращается путь к установлению обстоятельств о конкретном факте деяния. Лекала этих моделей могут базироваться на сведениях из следующих источников:

– информация следователя, оперативного работника о сходных по способу совершения ранее раскрытых отдельных видах преступлений экономической направленности;

- информация следователя, оперативного работника об аналогичных нераскрытых преступлениях экономической направленности;
- анализ способа совершения преступлений;
- научно обоснованная и систематизированная информация о типовых моделях механизмов преступлений экономической направленности, полученная на основе практики расследования уголовных дел;
- знания и личный опыт следователя, дознавателя, обеспечивающего выдвижение и проверку версий по сходной ситуации совершенного на железнодорожном транспорте преступления экономической направленности.

Второй этап – выведение логических следствий, обуславливающих направление расследования. Работа подчиняется цели определения планируемых к производству следственных и иных действий, мероприятий, обеспечивающих получение максимального количества доказательств. На данном этапе из каждой версии выводят логические следствия. Например, на основании материалов уголовного дела, если версия будет звучать как «с охраняемой производственной площадки Инзенской дистанции пути был похищен лом марки ВСП (лом деталей верхнего строения пути, рельсовая обрезь, остряки)», то следствием такого предположения должны стать следующие суждения:

а) преступление могло быть совершено с использованием служебного положения материально ответственным лицом железнодорожной организации»;

б) у данного лица были все возможности реализации преступного умысла, а именно доступ на территорию, организация погрузки похищаемого имущества, вывоза его за пределы организации и дальнейшей транспортировки к месту хранения или реализации¹.

Приведенный пример обосновывает вывод о том, что именно аргументированные следствия, выведенные из обоснованно выдвинутой версии, определяют направление расследования и его перспективы.

Третий этап – проверка версий в рамках проводимых следственных, оперативно-розыскных действий, мероприятий, в том числе носящих вспомогательный характер и обеспечивающих разрешение следственных ситуаций в ходе расследования преступлений. Наиболее информативными для данной категории уголовных дел будут: ревизии и аудит, в том числе технические; инвентаризации материальных и нематериальных объектов; контрольные действия, включая закупки, замеры, обмеры и пр.; иные проверочные мероприятия. Все они сравнительно легко встраиваются в применяемые методики проверки версий (параллельной проверки версий; первоочередной проверки вероятных версий; первоочередного исследования наиболее вероятных из числа построенных версий; проверки предположений об индивидуальных, единичных объектах и о виновных лицах) [7]. Указанные мероприятия могут и должны использоваться в расследовании данной категории преступлений.

Говоря о содержании версии и направлениях расследования, нельзя не упомянуть, что в криминалистической литературе отмечается роль в их определении специфических признаков, характеризующих особые свойства объекта либо события, типичные только для данного единичного случая стечения обстоятельств [18, с. 187]. Таковыми при расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, обладают: предмет преступного посягательства; происходящие производственные процессы,

¹ См.: Уголовное дело №1–35/2016 // Архив Инзенского районного суда Ульяновской области.

оказываемые услуги; существующая система учета и отчетности, которые в своей совокупности индивидуализируют ситуации расследования [16, 22].

Таким образом, технологию построения версий о совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры преступлениях экономической направленности можно охарактеризовать следующим образом. В первичной информации выделяют и изучают ту существенную, которая наиболее точно характеризует факт преступного деяния в условиях конкретной ситуации расследования. Затем объединяют все имеющиеся разрозненные сведения в единое целое, непротиворечивое суждение, которое примеряется к типовым моделям механизмов совершения преступлений экономической направленности. Полученный результат служит основой вероятностного заключения о возможной причине, объясняющей происхождение расследуемых обстоятельств, определяя направления работы участников расследования на первоначальном и последующем этапах.

Основным методом разрешения следственных ситуаций при расследовании преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, является проверка следственных версий. В отличие от построения версий, их проверка производится на основании изучения доказательств по делу, полученных в предусмотренном законом порядке. Для проверки версий по исследуемым преступлениям рекомендуется использовать возможности оперативно-розыскной деятельности, в том числе постановку и проверку розыскных версий, специальных знаний [5, 13, 17], причем необходимость привлечения к проверке версий оперативных сотрудников, экспертов экспертно-криминалистических подразделений, работников железнодорожных организаций будет зависеть от объема исходной информации, а также обуславливаться степенью сложности следственной ситуации.

В зависимости от характера исходной информации для первоначального и последующего этапов расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, типичными являются простые и сложные ситуации расследования. Решение простых ситуаций предполагает установление факта совершения деяния конкретным лицом. Направление расследования в таких ситуациях определяется потребностью располагать сразу максимальной информацией о преступлении. Это достигается выдвижением и проверкой с помощью типовых алгоритмов следственных действий первоначального этапа расследования общей типовой версии: «преступление имело место при определенных обстоятельствах, установленных оперативно-розыскными мероприятиями или следственными действиями». В состав такого типового алгоритма будут включены: допросы; осмотры; изъятие имеющих значение для расследуемого события предметов, документов; назначение и производство инвентаризаций, затем ревизий, а впоследствии как традиционных криминалистических, так и специальных экспертиз, в перечне которых особое место отводится судебно-экономическим.

Успешность разрешения сложных ситуаций зависит от наличия (объема и содержания) исходной информации. Исходя из этого критерия предлагается их подразделение на два вида:

- 1) следователь располагает информацией о событии преступления, но сведения о преступнике отсутствуют либо незначительны. Наличие подобных ситуаций характерно для совершения преступлений против собственности (ст. 158 УК РФ), как правило, лицами, не являющимися работниками железнодорожного транспорта;

2) у следователя имеется информация о преступнике, но неясны обстоятельства его совершения. Такие ситуации типичны для преступлений, совершаемых сложными, замаскированными способами. В их ряду: часть преступлений против собственности (ст. 159, 160 УК РФ); преступления в сфере экономической деятельности организаций железнодорожного транспорта; преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Существенно отличает данные преступления сложность распознавания истинного характера действий преступника.

Основной задачей следователя в представленных ситуациях будет установление не только преступника, способа совершения преступления, но и иных обстоятельств, существенных для доказывания содеянного. Решить ее можно посредством выдвижения и проверки существующих систем типовых версий по установлению преступника и события преступления. Количество и характер версий в значительной степени зависят от специфики способов совершения деяний, их времени, места и ряда других факторов. Вместе с тем считаем возможным показать некоторые типовые версии общего характера для решения отмеченной задачи во всех названных ситуациях.

Для выяснения личности преступника такими типовыми версиями будут выступать: совершение преступления одним лицом или группой лиц; гражданином или работником железнодорожной транспортной организации; ранее судимым (несудимым) за совершение аналогичного по способу преступления и пр. В соответствии с объемом исходной информации данные версии могут быть дополнены типовыми версиями о наличии у преступника профессиональных знаний, навыков. Направление расследования в подобной ситуации определяется необходимостью поиска и установления значительного объема различной информации. На характер и содержание следственных и оперативно-розыскных мероприятий существенное влияние будет оказывать время, прошедшее с момента совершения преступления до поступления сообщения о нем. Когда промежуток времени незначителен – осуществляются мероприятия по горячим следам. В случаях несущественного временного разрыва между совершением преступления и его обнаружением мероприятия должны основываться на комплексном взаимодействии следователя, оперативных работников, специалистов, экспертов. Система следственных действий состоит из задержания, следственных осмотров, мероприятий фактического контроля, обысков, допросов, судебных экспертиз.

Для делящихся преступлений оптимальной считается следующая система действий: допросы, различные проверочные мероприятия, включая использование оперативно-розыскных мероприятий и специальных знаний, следственные осмотры. Для установления события преступления выдвигаются общие типовые версии: в действиях лица содержатся признаки преступлений экономической направленности; в действиях лица нет данных признаков. Проверка этих версий проводится посредством осуществления системы следственных и оперативно-розыскных действий, аналогичной описанной нами при рассмотрении деятельности по проверке версий, вытекающих из простой следственной ситуации.

Установлению способа совершения преступлений в сложных ситуациях способствует привлечение к построению версий различных специалистов (экономистов, инженеров железнодорожного транспорта). Проверка таких версий осуществляется также с использованием специальных знаний и привлечением необходимых специалистов.

С учетом изложенного все следственные версии и направления, складывающиеся на первоначальном и последующем этапах расследования, предлагается различать по ряду оснований:

– по субъектам расследования – первоначальному этапу свойственны версии следственные, оперативно-розыскные, специалиста; последующему – следственные и экспертные версии;

– познавательным целям – в зависимости от познавательных целей, ради достижения которых строятся версии, на первоначальном этапе будут иметь место поисковые и установочные версии, а на последующем – как правило, установочные;

– степени общности подлежащих установлению обстоятельств уголовного дела – на первоначальном этапе выдвигаются общие версии, на последующем – преобладают частные.

Подводя итог, отметим следующее.

Значительную роль в построении версий играет знание типовых моделей механизмов преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Кроме того, основанием версий о преступлениях данной категории являются: информация, получаемая следователем в ходе проверки сообщений и заявлений о преступлении; оперативная информация; совокупность материальных следов и вещественных доказательств; сведения специального характера, полученные как из непроцессуальных, так и из процессуальных источников.

Направление расследования преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, определяется характером возникающих следственных ситуаций, а также наличием максимально возможной информации о событии преступления.

Список источников

1. Астафьев В. К. Законы мышления в формальной и диалектической логике. Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1968. 208 с.

2. Белкин Р. С. Курс криминалистики: частные криминалистические теории: в 3 т. М. : Юристъ, 1997. Т. 2. 464 с.

3. Белозерова И. И. Выдвижение версий и планирование при расследовании преступлений о незаконной предпринимательской деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2005. № 2. С. 38–41.

4. Борин Б. В. Способ совершения преступлений экономической направленности в теории оперативно-розыскной деятельности // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 1. С. 162–164.

5. Данильян А. С., Данильян Э. С. Розыскная версия: понятие, виды, построение // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 178–183.

6. Драпкин Л. Я. Множественность причин и следственные версии // Роль государства и права в осуществлении задач коммунистического строительства : тез. докл. на Первой науч.-теорет. конф. аспирантов-юристов. М., 1971. С. 158–159.

7. Драпкин Л. Я. Порядок проверки версий и эффективность расследования // Сборник аспирантских работ. Свердловск, 1973, Вып. 15. С. 262–269.

8. Драпкин Л. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений : сб. науч. тр. Свердловск, 1975. Вып. 41. С. 26–44.

9. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М. : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2005. 780 с.

10. Кагин Е. К. Выдвижение и проверка версий в процессе розыска лиц, совершивших преступление и скрывшихся от следствия и суда // Версии и планирование расследования : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1985. С. 42–49.

11. Карагодин В. Н. Выдвижение версий об обстоятельствах скрываемого преступления // Версии и планирование расследования : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1985. С. 20–27.

12. Куемжиева С. А. Понятие следственной ситуации и ее роль в определении средств и методов отдельного расследования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4(30). С. 191–195.

13. Кулькова Е. В. Проверка следственных версий – основной метод разрешения следственных ситуаций при расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Сер. Экономические и юридические науки. 2012. № 2-2. С. 189–200.

14. Леханова Е. С. Экономико-криминалистический анализ как средство обнаружения организованных преступлений // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 1(8). С. 50–53.

15. Пожидаева Т. А., Щербакова Н. Ф. Анализ финансовых результатов деятельности предприятия железнодорожного транспорта // Экономический анализ: теория и практика. 2004. № 12. С. 31–36.

16. Светлаков А. Г., Епишин В. В. Современные методы выявления и особенности обнаружения признаков экономических преступлений в системе управления региональной экономикой // Вестник Пензенского государственного университета. Сер. Экономика. 2012. № 2. С. 20–24.

17. Свашенко Д. С. Особенности выдвижения и проверки версий при планировании расследования налоговых преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8-9. С. 245–247.

18. Федотов И. С. Расследование насильственных преступлений, совершаемых в отношении малолетних: правовые, теоретические и организационные основы : монография. М. : Юрлитинформ, 2010. 404 с.

19. Звягин С. А. Экономико-криминалистический анализ : курс лекций. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2013. 191 с.

20. Эксархопуло А. А. Криминалистическая систематика версий как основа поисково-познавательной деятельности // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1(43). С. 145–149.

21. Чиненов Е. В., Щукин В. И. Способ совершения экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4. С. 225–230 .

22. Шумак Г. А. Криминалистический анализ материальной структуры экономических преступлений // Юридическая наука и образование. 2011. № 4. С. 206–214

23. Яковлев М. М. К вопросу об определении основных направлений расследования // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2006. № 3. С. 58–61.

References

1. Astaf'ev, V. K. 1968, *Laws of Thinking in Formal and Dialectical Logic*, Lviv University Press, Lviv.

2. Belkin, R. S. 1997, *Criminology course: private forensic theories*, in 3 vols, vol. 2, Lawyers, Moscow.
3. Belozerova, I. I. 2005, 'Putting forward versions and planning in the investigation of crimes of illegal business activity', *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Legal Sciences Series*, iss. 2, pp. 38–41.
4. Borin, B. V. 2014, 'The method of committing crimes of economic orientation in the theory of operational investigative activity', *Problems of economics and legal practice*, iss. 1, pp. 162–164.
5. Danil'jan, A. S. & Danil'jan, Je. S. 2015, 'Wanted version: concept, types, construction', *Humanities, socio-economic and social sciences*, iss. 11, pp. 178–183.
6. Drapkin, L. Ja. 1971, 'Multiplicity of causes and investigative versions', in *The role of the state and law in the implementation of the tasks of communist construction: abstracts of reports at the First scientific and theoretical conference of postgraduate lawyers*, pp. 158–159, Moscow.
7. Drapkin, L. Ja. 1973, 'The procedure for checking versions and the effectiveness of the investigation', *A collection of postgraduate papers*, vol. 15, pp. 262–269, Sverdlovsk.
8. Drapkin, L. Ja. 1975, 'The concept and classification of investigative situations', in *Investigative situations and the disclosure of crimes: a collection of scientific papers*, vol. 41, pp. 26–44, Sverdlovsk.
9. Ishchenko, E. P. & Toporkov, A. A. 2005, *Criminalistics: textbook*, E. P. Ishchenko (ed.), CONTRACT, INFRA-M, Moscow.
10. Kagin, E. K. 1985, 'Promotion and verification of versions in the process of searching for persons who committed a crime and escaped from the investigation and the court', in *Versions and investigation planning: interuniversity collection of scientific papers*, pp. 42–49, Sverdlovsk.
11. Karagodin, V. N. 1985, 'Putting forward versions about the circumstances of the concealed crime', *Versions and investigation planning: interuniversity collection of scientific papers*, pp. 20–27, Sverdlovsk.
12. Kuemzhieva, S. A. 2015, 'The concept of an investigative situation and its role in determining the means and methods of a separate investigation', *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(30), pp. 191–195.
13. Kul'kova, E. V. 2012, 'Checking investigative versions is the main method of resolving investigative situations in the investigation of crimes', *Proceedings of Tula State University, Series of Economic and Legal Sciences*, iss. 2-2, pp. 189–200.
14. Lehanova, E. S. 2008, "Economic and criminalistic analysis as a means of detecting organized crimes", *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(8), pp. 50–53.
15. Pozhidaeva, T. A. & Shherbakova, N. F. 2004, 'Analysis of the financial results of the railway transport enterprise', *Economic analysis: theory and practice*, iss. 12, pp. 31–36.
16. Svetlakov, A. G. & Epishin, V. V. 2012, 'Modern methods of detection and features of detection of signs of economic crimes in the regional economy management system', *Bulletin of Penza State University, Economics Series*, iss. 2, pp. 20–24.
17. Svashenko, D. S. 2016, 'Features of the nomination and verification of versions when planning the investigation of tax crimes', *Humanities, socio-economic and social sciences*, iss. 8-9, pp. 245–247.
18. Fedotov, I. S. 2010, *Investigation of violent crimes committed against minors: legal, theoretical and organizational foundations: monograph*, YurLitinform, Moscow.
19. Zvjagin, S. A. 2013, *Economic and forensic analysis: a course of lectures*, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh.

20. Jeksarhopulo, A. A. 2016, 'Criminalistic systematics of versions as the basis of search and cognitive activity', *The Rule of Law: theory and practice*, iss. 1(43), pp. 145–149.

21. Chinenov, E. V. & Shhukin, V. I. 2018, 'The method of committing economic crimes in the field of railway transport', *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4, pp. 225–230 .

22. Shumak, G. A. 2011, 'Criminalistic analysis of the material structure of economic crimes', *Legal Science and Education*, iss. 4, pp. 206–214

23. Jakovlev, M. M. 2006, 'On the issue of determining the main areas of investigation', *Natural Resources of the Arctic and Subarctic*, iss. 3, pp. 58–61.

Информация об авторе

Е. В. Чиненов – кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры криминологии.

Information about the author

E. V. Chinenov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 26.07.2022.

The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 26.07.2022.

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Научная статья

УДК 351.712:343.82

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.417-424

РАСЧЕТЫ С ПОСТАВЩИКАМИ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Ирина Анатольевна Кузьмина¹, Ирина Александровна Стручкова²

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, ia.kuzmina@bk.ru;

² ФКУ ЦИТОВ УФСИН России по г. Москве, г. Москва, Россия, i.struchkova@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается понятие «бухгалтерский учет расчетов с поставщиками», рассматриваются вопросы о сроках производства оплаты по заключенным государственным контрактам, а также возможных последствиях несвоевременного исполнения государственного контракта со стороны государственного заказчика, анализируются положения законодательства, предусматривающего возможность установления в государственном контракте условий осуществления авансовых платежей. На примере показывается порядок отражения в бухгалтерском учете операций при приобретении основных средств.

Ключевые слова: расчеты с поставщиками, бухгалтерский учет, срок оплаты, авансовый платеж, основные средства

Для цитирования

Кузьмина И. А., Стручкова И. А. Расчеты с поставщиками в условиях применения законодательства о закупках в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 417–424. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.417-424.

COMPETITIVENESS ANALYSIS

Original article

SETTLEMENTS WITH SUPPLIERS IN THE CONDITIONS OF APPLICATION OF PROCUREMENT LEGISLATION IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

© Кузьмина И. А., Стручкова И. А., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Irina Anatol'evna Kuz'mina¹, Irina Aleksandrovna Struchkova²

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ia.kuzmina@bk.ru;

² The Federal Penitentiary Service of Russia for the city of Moscow, Moscow, Russia, i.struchkova@mail.ru

Abstract. The article gives the concept of the term "accounting of settlements with suppliers", discusses the timing of payment under concluded government contracts, as well as the consequences of late execution of the state contract by the state customer. The provisions of the legislation providing for the possibility of establishing conditions for making advance payments in a state contract are analyzed. The example shows the order of accounting of transactions in the acquisition of fixed assets.

Keywords: settlements with suppliers, accounting, due date, advance payment, fixed assets

For citation

Kuz'mina, I. A. & Struchkova, I. A. 2022, 'Settlements with suppliers in the conditions of application of procurement legislation in institutions of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 417–424, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.417-424.

Введение

В настоящее время большое внимание уделяется правильности учета и осуществления внутреннего контроля расчетов с поставщиками, причем этот вопрос актуален как для предприятий частного сектора, так и для учреждений, финансируемых за счет средств федерального бюджета. Для казенных учреждений важной задачей является недопущение образования как дебиторской, так и кредиторской задолженности, что делает рассматриваемую тему актуальной, ведь именно правильный учет, своевременный и грамотный контроль расчетов с поставщиками позволяют не допустить образования дебиторской и кредиторской задолженности, а также выявить ее (в случае образования).

Основанием возникновения обязательств как со стороны казенного учреждения (по оплате поставленного товара, выполненной работы, оказанной услуги), так и со стороны контрагента (исполнения обязательств по поставке, выполнению работ, оказанию услуг) является государственный контракт. Если предприятия частного сектора при заключении договоров руководствуются исключительно требованиями Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), то все без исключения казенные учреждения уголовно-исполнительной системы при заключении государственных контрактов руководствуются Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). Этот Закон регулирует как саму процедуру заключения государственных контрактов, так и срок оплаты, порядок приемки, срок размещения информации в единой информационной системе. Именно поэтому для учреждений уголовно-исполнительной системы важно не только контролировать своевременность исполнения принятых на себя обязательств со стороны контрагента, но и не забывать о своевременности оплаты исполненных обязательств (иными словами, контролировать сроки оплаты).

Результаты и обсуждение

рения органами прокуратуры, территориальными органами казначейства, а также в арбитражных судах различных уровней. В случае выявления нарушений сроков оплаты органами прокуратуры или территориальными органами казначейства виновные лица учреждения подлежат привлечению к административной ответственности. В случае обращения контрагента в суд возникает риск взыскания неустоек, штрафов и пени.

Следует также отметить, что правильность учета расчетов с поставщиками и подрядчиками имеет большое значение для последующего отражения фактов хозяйственной деятельности и ведения бухгалтерского учета в целом. Состояние дебиторской и кредиторской задолженности при расчетах с поставщиками и подрядчиками предприятия, их размеры и качество оказывают сильное влияние на финансовые результаты и финансовое состояние хозяйствующих субъектов.

Необходимо обозначить, что же входит в понятие бухгалтерского учета расчетов с поставщиками (подрядчиками, исполнителями). Как правило, под бухгалтерским учетом расчетов с поставщиками (подрядчиками, исполнителями) понимается состояние взаиморасчетов с контрагентами при приобретении товаров (работ, услуг). Под термином «поставщики» в контексте бухгалтерского учета понимаются все контрагенты предприятия (учреждения), поставляющие товарно-материальные ценности или оказывающие услуги (выполняющие работы). Основанием возникновения правоотношений между юридическими лицами является государственный контракт (договор). В соответствии с диспозицией ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным только после того, как между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашения по всем существенным условиям договора. По общему правилу к числу существенных относят:

- условия о предмете;
- условия, которые названы в законе или иных нормативно-правовых актах как существенные (иными словами, необходимые для договоров данного вида);
- условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Однако для предприятий и учреждений, финансируемых из средств федерального бюджета, основным документом, регулирующим основания и процедуру заключения государственных контрактов, выступает Закон о контрактной системе. Все государственные контракты, заключаемые в учреждениях уголовно-исполнительной системы, должны соответствовать его требованиям (исключение составляют безвозмездные договоры). Кроме определения порядка и способа заключения государственных контрактов, Закон о контрактной системе содержит обязательные требования к тексту государственных контрактов (ст. 34), к числу которых относятся цена, порядок и срок оплаты, размер неустойки (в случае ненадлежащего исполнения условий государственного контракта) и др. Все эти составляющие в совокупности влияют на бухгалтерский учет расчетов с поставщиками (подрядчиками, исполнителями).

Государственный контракт является документом-основанием для формирования бюджетного обязательства, которое в данном случае выступает в качестве основания для возникновения между государственным заказчиком и поставщиком (подрядчиком, исполнителем) взаимных прав и обязанностей. Бюджетные обязательства по государственным контрактам (за исключением государственных контрактов, заключаемых в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе) принимаются при внесении заключенного государственного контракта в реестр контрактов с помощью единой информационной системы.

В соответствии со ст. 219 Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ) получатель бюджетных средств принимает и оплачивает бюджетные обязательства в пределах доведенных до него «лимитов бюджетных обязательств» путем заключения государственных (муниципальных) контрактов, иных договоров с физическими и юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями. Статья 6 БК РФ уточняет, что законодатель понимает под понятием «лимита бюджетных обязательств» – это объем прав в денежном выражении на принятие получателем бюджетных средств бюджетных обязательств и (или) их исполнение в текущем финансовом году и плановом периоде. Как правило, лимиты бюджетных обязательств на очередной финансовый год доводятся до его начала и прекращают свое действие 31 декабря текущего финансового года. Следует отметить, что в соответствии с положением ч. 5 ст. 161 БК РФ договорные отношения, которые заключаются сверх принятых лимитов бюджетных обязательств, признаются недействительными.

Важным условием заключаемого государственного контракта для учреждений, выступающих государственными заказчиками, является порядок расчетов с поставщиком (подрядчиком, исполнителем). В соответствии с императивной нормой, содержащейся в п. 1 ч. 13 ст. 34 Закона о контрактной системе, срок оплаты является обязательным условием любого государственного контракта. Расчеты с поставщиками (подрядчиками, исполнителями) могут осуществляться двумя способами:

- оплата по факту поставки товара (оказания услуги, выполнения работы);
- авансовый платеж (предоплата) за предстоящие поставки (работы, услуги), который может быть установлен в случаях, прямо указанных в нормах действующего законодательства.

В связи с тем что учреждения уголовно-исполнительной системы финансируются за счет средств федерального бюджета, на них распространяются специальные нормы, закрепленные в п. 20¹ постановления Правительства РФ от 9 декабря 2017 г. № 1496 «О мерах по обеспечению исполнения федерального бюджета». Данным нормативно-правовым актом предусмотрен следующий предельный срок оплаты:

- 7 рабочих дней при заключении государственного контракта по результатам проведения конкурентных процедур при установлении требований по предоставлению преимуществ субъектам малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций;
- 10 рабочих дней во всех остальных случаях.

Следует обратить внимание на то, что 7-дневный срок оплаты установлен только для получателей средств федерального бюджета и только по государственным контрактам с субъектами малого и среднего предпринимательства. Общий срок оплаты для остальных организаций, использующих законодательство о закупках, установлен в 10 рабочих дней. При этом необходимо учитывать, что срок оплаты начинается со дня подписания заказчиком (получателем средств федерального бюджета) документа о приемке товара, выполненной работы (ее результатов), оказанной услуги при наличии на его лицевом счете соответствующих лимитов бюджетных обязательств. С 1 января 2022 г. акт приема-передачи товара формируется и подписывается в электронной форме с использованием единой информационной системы.

Предусмотреть возможность выплаты аванса в тексте государственного контракта можно только в случаях, прямо определенных законодательством. Перечень товаров, в отношении которых при заключении государственных контрактов о поставке товаров (об оказании услуг) получателями средств федерального бюджета невозможно преду-

смотреть авансовые платежи, утвержден распоряжением Правительства РФ от 16 января 2018 г. № 21-р «Об утверждении перечня товаров и услуг, в отношении которых при заключении договоров (государственных контрактов) о поставке товаров (оказании услуг) получателями средств федерального бюджета не предусматриваются авансовые платежи». В остальных случаях определено право заказчика устанавливать в заключаемых контрактах о поставке товаров (выполнении работ, оказании услуг) авансовые платежи в размере и порядке, установленных постановлением Правительства РФ от 9 декабря 2017 г. № 1496 «О мерах по обеспечению исполнения федерального бюджета». Размер авансового платежа зависит от вида поставляемого товара, оказываемой услуги, наличия или отсутствия банковского или казначейского сопровождения, а также контрагента по договору (например, при внутрисистемных поставках).

Нарушение сроков оплаты по государственному контракту неоднократно являлось предметом рассмотрения территориальными органами Федеральной антимонопольной службы. Согласно ч. 1 ст. 7.32.5 КоАП РФ нарушение должностным лицом заказчика срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в том числе неисполнение обязанности по обеспечению авансирования, предусмотренного государственным или муниципальным контрактом, влечет за собой наложение административного штрафа в размере от 30 тыс. до 50 тыс. руб. Порядок возбуждения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.32.5 КоАП РФ, а также случаи, когда действия (бездействие) государственного заказчика не являются составом административного правонарушения, подробно рассмотрены в письме ФАС России от 28 августа 2019 г. № ИА/74989/19 «О порядке возбуждения дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 7.32.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Как правило, в учреждениях уголовно-исполнительной системы для расчетов с контрагентами применяется счет 0 302 00 000 «Расчеты по принятым обязательствам» (п. 254 приказа Минфина России от 1 декабря 2010 г. № 157н «Об утверждении Единого плана счетов бухгалтерского учета для органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления, органов управления государственными внебюджетными фондами, государственных академий наук, государственных (муниципальных) учреждений и Инструкции по его применению»). В случае наличия в тексте государственного контракта условий о выплате авансового платежа дополнительно используется счет 1 206 00 000 «Расчеты по выданным авансам». Для отражения указанных операций по учету расчетов по принятым обязательствам учреждением уголовно-исполнительной системы при поставке товара используется счет 0 302 30 000, а при оказании услуг и выполнении работ – счет 0 302 20 000. В свою очередь, бюджетный учет расходов по счету 0 302 30 000 подразделяется:

- на счет 0 302 31 000 (расчеты за приобретение основных средств);
- счет 0 302 32 000 (расчеты за поставку нематериальных активов);
- счет 0 302 33 000 (расчеты за приобретение производственных активов);
- счет 0 302 34 000 (расчеты за поставку материальных запасов).

Изложенное подтверждает необходимость правильного отнесения поставленного товара к нужной категории, именно от этого будет зависеть его отражение в бухгалтерском учете организации (предприятия, учреждения).

Рассмотрим объем финансирования на примере ФКУ ЦИТОВ УФСИН России по г. Москве (исходя из данных, размещенных в единой информационной системе) в период с 2017 по 2021 год (табл. 1).

Из данных, представленных в таблице 1, видно, что с 2018 г. наблюдается снижение объема финансирования рассматриваемого учреждения УИС (рис. 1).

Исходя из данных бухгалтерского учета на выделенные лимиты бюджетных обязательств были приобретены основные средства в объеме, указанном в таблице 2.

Таблица 1

Объем финансирования ФКУ ЦИТОВ УФСИН России по г. Москве за 2017–2021 гг.

Календарный год	Объем финансирования для осуществления закупок, руб.
2017	53 135 784,91
2018	68 829 987,11
2019	48 670 755,59
2020	37 717 226,08
2021	14 159 542,36

Таблица 2

**Объем приобретенных основных средств
ФКУ ЦИТОВ УФСИН России по г. Москве за 2017–2021 гг.**

Календарный год	Объем финансирования для осуществления закупок, руб.	Произведена закупка основных средств, руб.	В процентном соотношении от объема финансирования
2017	53 135 784,91	16 401 337,80	31
2018	68 829 987,11	50 429 002,20	73
2019	48 670 755,59	22 625 581,28	46
2020	37 717 226,08	21 152 141,18	56
2021	14 159 542,36	4 708 164,05	33

Из представленных данных видно, что основная доля закупок приходится на закупки, предметом которых являются основные средства.

Таблица 3

Отражение бухгалтерских операций по приобретению объекта основного средства

Содержание операции	Дебет	Кредит	Сумма, руб.
Оплата аванса в размере 30 % от стоимости контракта (125 000 x 30 %)	1 206 31 564	1 304 05 310	37 500
Поставка оборудования от поставщика	1 106 31 310	1 302 31 734	125 000
Произведен зачет аванса	1 302 31 834	1 206 31 664	37 500
Произведен полный расчет за поставленное оборудование (125 000–37 500)	1 302 31 834	1 304 05 310	87 500
Принятие к учету основного средства	1 101 34 310	1 106 31 310	125 000
Начисление амортизации (в размере 100 %)	1 401 20 272	1 104 34 411	125 000

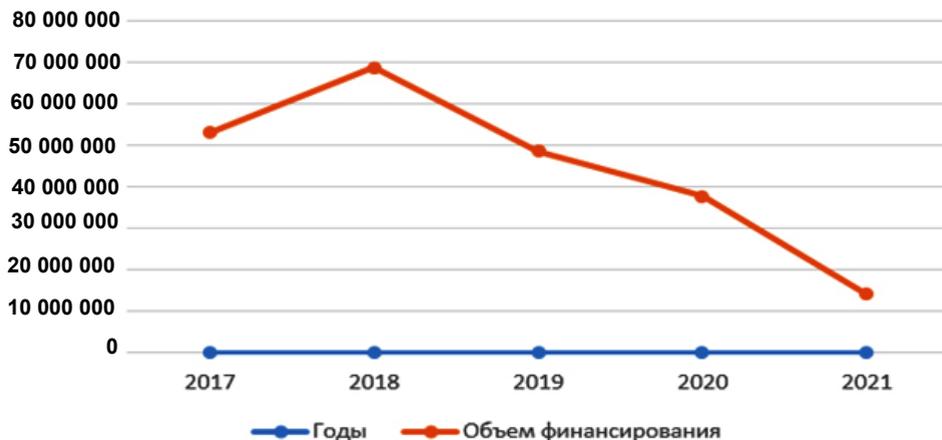

Рис. 1. Динамика объемов финансирования за 2017–2021 гг.

Рассмотрим порядок отражения в бухгалтерском учете операций по приобретению основных средств с применением авансовых платежей (табл. 3). Казенное учреждение заключило государственный контракт на поставку компьютерной техники в количестве 2 единиц, цена контракта составила 125 000 руб., транспортные расходы осуществляются за счет поставщика (данная сумма была включена в цену государственного контракта), условиями контракта предусмотрена выплата аванса в размере 30 % от цены контракта. Основанием для оплаты в данном случае являются расчетные документы поставщика: счета, товарные накладные, акты приема-передачи товара (составленный в электронной форме в единой информационной системе и подписанный усиленными электронно-цифровыми подписями). Основными документами со стороны государственного заказчика являются платежные поручения, кассовые документы. В рассматриваемом примере суммы выданных авансов и предварительной оплаты учитываются обособленно. Состояние расчетов с поставщиками (подрядчиками) можно проверить и подтвердить наличие (отсутствие) задолженности актом сверки взаиморасчетов. До его формирования целесообразно уточнить сальдо и обороты по расчетам с поставщиком.

Поскольку для пользователей бухгалтерской отчетности важен учет в разрезе каждого контрагента, аналитический учет по счету 320 ведется по каждому предъявленному счету и по каждому поставщику (подрядчику). Аналитический учет может быть построен в каждом конкретном случае индивидуально в зависимости от потребностей учреждения, но он должен обеспечивать возможность получения необходимых данных по поставщикам.

В процессе совершения сделок у сторон, исполняющих договорные обязательства, могут возникнуть взаимные претензии. Урегулирование споров между юридическими лицами возможно в два этапа: на первом этапе одна сторона предъявляет претензию другой стороне, нарушившей договорные обязательства; если после этого стороны не смогли прийти к согласию, то на втором этапе пострадавшая сторона обращается с иском в арбитражный суд. При претензионной работе следует руководствоваться следующими законами:

- ГК РФ регулирует порядок исполнения обязательств, виды ответственности за неисполнение обязанностей, возможности одностороннего отказа от контракта;
- Закон о контрактной системе в ст. 94, 95 содержит порядок проверки итогов выполнения государственного контракта;

– АПК РФ в ч. 5 ст. 4 указывает ситуации, когда претензионный порядок является обязательным. В ч. 1 ст. 126 АПК РФ определено, что истец должен приложить к иску копию претензии, а также документацию, подтверждающую позицию заказчика;

– иные нормативные акты применяются в том случае, если предметом контракта являются отдельные виды объектов (ст. 39 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259, ст. 55 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126 и пр.).

В претензии, подаваемой на основании Закона о контрактной системе, указываются данные о сторонах контракта (название, адрес), номер и дата контракта, причины предъявления претензии, доказательства нарушений при исполнении договора, основание для наложения ответственности на поставщика, требование заказчика, сроки, в которые можно будет добровольно исполнить поставленные требования. С 5 июля 2021 г. в единой информационной системе в сфере закупок реализована возможность подачи жалобы в электронном виде в ФАС России и ее территориальные органы, с 1 января 2022 г. все жалобы по электронным процедурам закупок направляются через единую информационную систему.

Заключение

Таким образом, сформированное на основании государственного контракта бюджетное обязательство подлежит исполнению в пределах доведенных лимитов в течение 10 рабочих дней, а субъектам малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций – в течение 7 рабочих дней. Электронное обжалование в ФАС России посредством единой информационной системы в сфере закупок позволяет осуществить:

- переход на электронный документооборот между участниками процесса;
- автоматическое заполнение формы жалобы при указании идентификационного кода закупки;
- автоматическую проверку правильности заполнения жалобы, соблюдения сроков подачи и рассмотрения жалобы;
- автоматическое размещение сведений в реестре жалоб, плановых и внеплановых проверок, в том числе принятых по ним решений и выданных предписаний.

Информация об авторах

И. А. Кузьмина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения;

И. А. Стручкова – начальник юридической службы.

Information about the authors

I. A. Kuz'mina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis, Finance and Taxation;

I. A. Struchkova – head of the legal service.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 16.08.2022.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

Научная статья

УДК 316.6:159.922.8

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.425-434

ОСОБЕННОСТИ КОМПЕТЕНЦИИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОДРОСТКОВ – МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК С НОРМАТИВНЫМ И ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Сергей Михайлович Воробьев¹, София Александровна Гапонова²,
Ирина Николаевна Девятьярова³

^{1,2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

¹ sergey.vorobev.78@inbox.ru

² sagap@mail.ru

³ Муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования «Центр детского творчества», г. Ижевск, Россия, sterhirina@yandex

Аннотация. Статья посвящена сравнительному исследованию особенностей компетенции саморегуляции у мальчиков и девочек с различным типом поведения: нормативным и девиантным. Для выявления сформированности компетенции саморегуляции применялся опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой, позволяющий оценить особенности планирования, моделирования, программирования и оценки результатов, проявляющихся в деятельности и поведении. В исследовании участвовали мальчики и девочки с девиантным поведением, состоящие на патронатном контроле в Городском центре «Подросток» г. Ижевска, и мальчики и девочки с нормативным поведением, обучающиеся в общеобразовательных школах. Для статистической обработки данных применялись: критерий Манна – Уитни (U) и ранговый критерий Вилкоксона для связанных выборок, а также коэффициент корреляции Пирсона с последующим построением корреляционных плеяд. Было обнаружено, что как у девочек, так и у мальчиков с нормативным поведением значения регуляторных показателей по всем шкалам находятся на уровне выше среднего и высоком уровне. У девиантов обеих групп большинство показателей компетенции саморегуляции находятся на уровне ниже среднего, а показатель шкалы «Общий уровень саморегуляции» – на низком уровне. Единственным показателем, достигающим высокого уровня у девиантов, является самостоятельность у мальчиков. Полученные в корреляционном исследовании результаты демонстрируют, что во всех группах ядром корреляционных плеяд является общий уровень саморегуляции, имеющий наибольшее количество значимых связей; показатель «Самостоятельность» проявляет определенную автономию – он не имеет связей с ядром и образует только отрицательные

© Воробьев С. М., Гапонова С. А., Девятьярова И. Н.

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

корреляционные связи с другими регуляторными шкалами. Имеются различия в общем рисунке плеяд: у девиантных подростков обоего пола корреляционные связи не образуют единой плеяды, а у нормативных подростков все показатели компетенции саморегуляции связаны между собой. В результате проведенного исследования наше предположение о существовании гендерных различий в развитии компетенции саморегуляции и ее отдельных компонентов у подростков не получило однозначного подтверждения. Существование выявленных отличий в большей степени детерминировано нормативностью (девиантностью) подростков, нежели их гендерной принадлежностью.

Ключевые слова: компетенция саморегуляции, уровни развития показателей, подростки, нормативное поведение, девиантное поведение

Для цитирования

Воробьев С. М., Гапонова С. А., Деветьярова И. Н. Особенности компетенции саморегуляции подростков – мальчиков и девочек с нормативным и девиантным поведением // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 425–434. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.425-434.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Original article

FEATURES OF THE COMPETENCE OF SELF-REGULATION OF ADOLESCENT BOYS AND GIRLS WITH NORMATIVE AND DEVIANT BEHAVIOR

Sergej Mihajlovich Vorob'ev¹, Sofija Aleksandrovna Gaponova²,
Irina Nikolaevna Devet'jarova³

^{1,2} Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

¹ sergey.vorobev.78@inbox.ru

² sagap@mail.ru

³ Municipal budgetary educational institution of additional education "Center of Children's Creativity", Izhevsk, Russia, sterhirina@yandex

Abstract. The article is devoted to a comparative study of the features of the competence of self-regulation in boys and girls with different types of behavior: normative and deviant. To identify the formation of self-regulation competence, the questionnaire "Style of self-regulation of behavior" by V. I. Morosanova was used, which allows assessing the features of planning, modeling, programming and evaluation of results manifested in activity and behavior. The study involved boys and girls with deviant behavior who are on foster care in the City Center "Teenager" of Izhevsk and boys and girls with normative behavior who study in secondary schools. For statistical data processing, the Mann-Whitney (U) criterion and the Wilcoxon rank criterion for related samples were used, as well as the Pearson correlation coefficient with subsequent construction of correlation pleiades.

It was found that in both girls and boys with normative behavior, the values of regulatory indicators on all scales are at a level above average and high. In deviants of both groups, most of the indicators of self-regulation competence are at a level below average, and the indicator of the scale "General level of self-regulation" is at a low level. The only indicator that reaches a high level in deviants is independence in boys. The results obtained in the correlation study demonstrate that in all groups the core of the correlation pleiades is the general level of self-regulation, which has the greatest number of significant connections; the indicator "Independence" shows a certain autonomy - it has no connections with the core and forms only negative correlations with other regulatory scales. There are differences in the general pattern of the pleiades: in deviant adolescents of both sexes, correlations do not form a single pleiad, and in normative adolescents, all indicators of self-regulation competence are interconnected. As a result of the conducted research, our assumption about the existence of gender differences in the development of self-regulation competence and its individual components in adolescents has not been unequivocally confirmed. The existence of the revealed differences is more determined by the normativity (deviance) of adolescents than by their gender identity.

Keywords: competence of self-regulation, levels of development of indicators, adolescents, normative behavior, deviant behavior

For citation

Vorob'ev, S. M., Gaponova, S. A. & Devet'jarova, I. N. 2022, 'Features of the competence of self – regulation of adolescent boys and girls with normative and deviant behavior', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 425–434, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.425-434.

Введение

Основной задачей психологии и педагогики является создание условий, способствующих успешной реализации актуальных и потенциальных возможностей мальчиков и девочек в образовательной деятельности и социальной среде. В исследованиях Л. Г. Дикой, В. И. Моросановой, В. В. Николаевой, У. В. Ульяновской показано, что развитая саморегуляция позволяет подросткам успешно осваивать новые виды деятельности, приобретать опыт социального поведения, ставить близкие и дальние цели, стремиться к их достижению, управляя своими действиями, и нести ответственность за полученный результат; нарушения в формировании саморегуляции мешают ребенку быть успешным в учебной деятельности, приводят к трудностям адаптации в социуме, высокой тревожности, неоправданной склонности к риску, проявлениям аддиктивного поведения и различным девиациям. Сформированная саморегуляция проявляется целенаправленной активностью, умением осознанно выбирать способы действия и поведения в соответствии с поставленными целями, наличием самоконтроля психического состояния. Степень (уровень) сформированности саморегуляции – это база продуктивности и успешности выполнения различных видов деятельности: обучения, общения, уверенности в незнакомых обстоятельствах и ситуациях взаимодействия.

В исследованиях российских и иностранных ученых сложилось понятие о компетенции саморегуляции как об операционально-результативной основе деятельности

и поведения человека, которая определяется особенностями его личности и обеспечивает положительный (или отрицательный) результат [1, 2, 3, 7, 9]. В. И. Моросанова позиционирует осознанную саморегуляцию в качестве психологической компетенции, характеризующейся самостоятельным и ответственным выдвиганием цели и управлением в ее достижении [7].

Компетенция саморегуляции с помощью регуляторных компонентов реализует активность личности, то есть осознание, осмысление собственных действий в поведении, деятельности, и способствует достижению высокого уровня их исполнения в зависимости от контекста ситуации. Юношество является благоприятным периодом для развития компетенции саморегуляции, которая формируется в системе социально-образовательных отношений. Предпосылками ее формирования в этом возрасте являются такие особенности, как повышение внимания подростка к своему внутреннему миру, усложнение потребностно-мотивационной сферы, переосмысление личностных ценностей, воспитание «силы воли». У подростков смысловая сфера проходит путь развития от бессознательных социальных предпочтений до формирования общей направленности личности, обретения собственных смыслов, и подросток начинает управлять жизненными ситуациями, опираясь на собственные цели, задачи и мотивы [5, 8, 10, 11].

Настоящее исследование посвящено сравнительному изучению особенностей компетенции саморегуляции у мальчиков и девочек с различным типом поведения: нормативным и девиантным. Мы предположили, что существуют гендерные особенности в уровнях развития компетенции саморегуляции и ее отдельных компонентов у мальчиков и девочек с девиантным и нормативным поведением. Гендер в контексте данного исследования понимается нами как конструкт, отражающий процесс социализации личности, проявляющийся в социальных и культурных нормах, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [4].

Опытно-экспериментальная база исследования

В исследовании участвовали 425 подростков в возрасте от 13 до 15 лет. В группе с нормативным поведением было 285 подростков (154 девочки, 131 мальчик), учащихся муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 90» с углубленным изучением отдельных предметов и муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 58» г. Ижевска. В группе с девиантным поведением было 140 подростков (92 девочки, 48 мальчиков), состоящих под патронатным контролем Городского центра профилактики «Подросток» г. Ижевска.

Методы исследования

Для выявления сформированности компетенции саморегуляции у девочек и мальчиков с нормативным и девиантным поведением применялся опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой [6]. Под стилевыми или типическими особенностями саморегуляции автором подразумеваются устойчиво проявляющиеся в деятельности и поведении особенности планирования, моделирования, программирования и оценки результатов. Для анализа результатов использовались нормативы, полученные В. И. Моросановой [6, 7]. Применялись также следующие методы статистической обработки: критерий Манна – Уитни (U) и ранговый критерий Вилкоксона для связанных выборок (SPSS версия 11.5 rus); коэффициент корреляции Пирсона с последующим построением корреляционных плеяд.

Результаты исследования и их обсуждение

В исследовании было обнаружено, что как у девочек, так и у мальчиков с нормативным поведением значения регуляторных показателей по всем шкалам находятся на уровне выше среднего и высоком. Достоверные различия отмечались только по показателям «Планирование» и «Общий уровень развития саморегуляции», которые были выше у мальчиков. Такие показатели у мальчиков демонстрируют их большую, чем у девочек, собственную активность в планировании целей деятельности и поведения, устойчивость планов на будущее и повышают общий уровень сформированности компетенции саморегуляции. По-видимому, у девочек планы формируются с большей, чем у мальчиков, ориентацией на мнение родителей, друзей и следованием за групповыми нормами и приоритетами: модой на увлечения, формы поведения, одежду и даже на выбор будущей профессии [10, 11]. В целом мальчики и девочки с нормативным поведением обладают достаточной гибкостью и адекватностью реакций на изменение условий, могут самостоятельно выдвигать цели и планировать пути их достижения.

При исследовании групп девочек и мальчиков с девиантным поведением статистические различия между шкалами саморегуляции выявлены не были. У девиантов обеих групп большинство показателей компетенции саморегуляции находятся на уровне ниже среднего, а показатель «Общий уровень саморегуляции» – на низком уровне. Единственным показателем, достигающим высокого уровня, является «Самостоятельность» у мальчиков.

В таблице 1 представлены показатели компетенции саморегуляции в группе девочек с нормативным и девиантным поведением. Как видно из таблицы 1, отмечаются значимые различия по всем показателям шкал компетенции саморегуляции в этих группах, кроме показателя «Самостоятельность». У девочек с девиантным поведением большинство показателей компетенции саморегуляции соответствуют уровню развития ниже среднего, показатель «Моделирование» – низкому уровню, показатель «Самостоятельность» – среднему.

В таблице 2 представлены показатели компетенции саморегуляции в группе мальчиков с нормативным и девиантным поведением. Из таблицы 2 видно, что у мальчиков-девиантов показатели «Планирование», «Программирование» и «Гибкость» находятся на уровне ниже среднего, показатели «Моделирование», «Оценка результата» и «Общий уровень саморегуляции» – на низком уровне. Показатель «Самостоятельность» достигает высокого уровня и выше по абсолютной величине, чем у мальчиков и девочек с нормативным поведением, хотя это различие на уровне тенденций ($p < 0,06$) и не достигает статистической значимости.

Обсуждая полученные результаты, можно предположить наличие у подростков с девиантным поведением следующих особенностей: недостаточное развитие планирования деятельности и частая смена ее целей (показатель «Планирование»); нежелание или неумение продумывать действия и поступки, импульсивность действий (показатель «Программирование»); неумение быстро замечать изменение ситуации, недостаточное осознание значимости условий, в которых они действуют (показатель «Моделирование»); трудности в адаптации к меняющейся обстановке (показатель «Гибкость»); неумение оценивать соответствие или несоответствие полученных результатов деятельности запланированным и вносить необходимые поправки (показатель «Оценка результата»).

Таблица 1

Показатели компетенции саморегуляции в группе девочек с нормативным и девиантным поведением

Показатели	Среднее значение		Отклонения		Критерий U – Манна – Уитни	Критерий достоверности
	Девочки (девиантное поведение)	Девочки (нормативное поведение)	Девочки (девиантное поведение)	Девочки (нормативное поведение)		
Планирование	4,39	5,77	2,01	1,59	244,5	0,011*
Моделирование	3,30	5,31	1,39	1,92	162,0	0,000*
Программирование	4,43	6,28	1,87	1,46	187,5	0,000*
Оценка результата	4,13	5,65	1,63	1,28	197,5	0,001*
Гибкость	4,73	7,65	2,04	1,10	97,5	0,000*
Самостоятельность	5,39	6,11	2,18	2,31	309,5	0,135
Общий уровень саморегуляции	21,43	30,82	4,32	2,86	30,0	0,000*

* *Примечание.* Полужирным шрифтом выделены достоверные уровни значимости различий между группами.

Таблица 2

Особенности развития компетенции саморегуляции в группе мальчиков с нормативным и с девиантным поведением

Показатели	Среднее значение		Отклонения		Критерий U – Манна – Уитни	Критерий достоверности
	Мальчики (девиантное поведение)	Мальчики (нормативное поведение)	Мальчики (девиантное поведение)	Мальчики (нормативное поведение)		
Планирование	3,83	7,0	1,64	1,10	13,5*	0,000*
Моделирование	3,08	6,36	1,50	1,57	16,5*	0,000*
Программирование	4,50	6,36	1,83	2,0	56,5*	0,018*
Оценка результата	3,41	5,78	1,56	1,27	26,0*	0,000*
Гибкость	4,50	7,05	1,63	1,74	30,0*	0,001*
Самостоятельность	6,66	5,68	1,92	2,58	87,5	0,275
Общий уровень саморегуляции	21,41	33,05	3,14	3,18	0,000*	0,000*

* *Примечание.* Полужирным шрифтом выделены достоверные уровни значимости различий между группами.

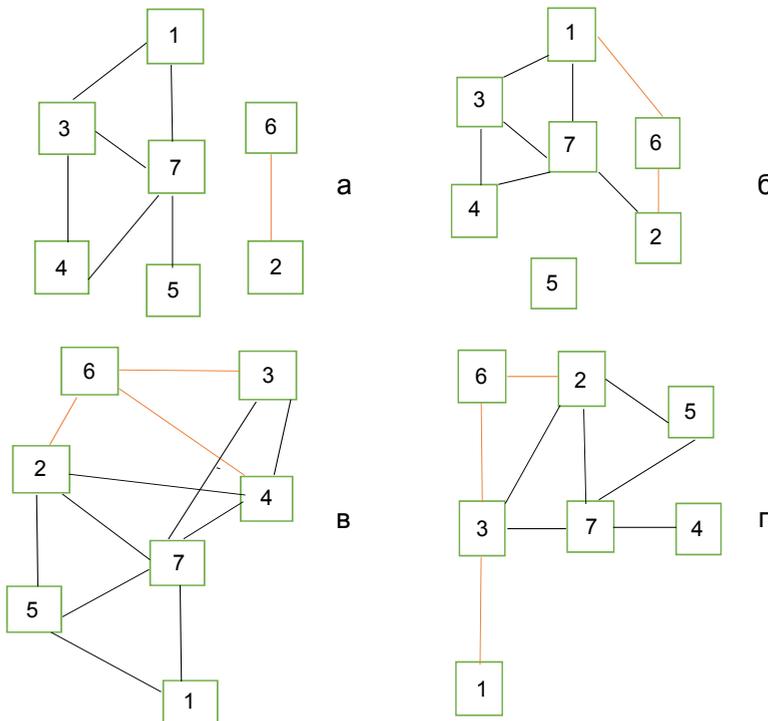

Рис. 1. Корреляционные плеяды показателей компетенции саморегуляции у девочек (а) и мальчиков (б) с девиантным поведением и у девочек (в) и мальчиков (г) с нормативным поведением.

Черным цветом обозначены положительные корреляции, оранжевым – отрицательные.

Номера внутри клеток соответствуют следующим параметрам саморегуляции:

1 – планирование; 2 – моделирование; 3 – программирование; 4 – оценка результата;

5 – гибкость; 6 – самостоятельность; 7 – общий уровень саморегуляции

Высокий уровень самостоятельности мальчиков с девиантным поведением, по сравнению с нормативными подростками, может быть связан с особенностями их социальной жизни. Их семьи нередко неблагополучные, родители проявляют эмоциональное отвержение, поверхностный интерес к делам детей, жестокость или, наоборот, безразличное отношение. В силу этого подростки предоставлены самим себе и вынуждены самостоятельно решать свои проблемы [2]. Средний уровень самостоятельности у девочек и мальчиков с нормативным поведением объясняется их более близкими отношениями с родителями и большим влиянием родителей при принятии подростками решений, обсуждении проблем, составлении жизненных планов и перспектив.

Для анализа причинно-следственных связей и степени значимости каждого из исследуемых параметров компетенции саморегуляции нами применялся корреляционный анализ Пирсона с последующим построением корреляционных плеяд [1]. Результаты представлены на рисунке 1. Отметим, что на рисунках приводятся только статистически значимые связи между регуляционными шкалами ($0,05 > p < 0,001$), расстояние между клетками с номерами показателей характеризует силу связи: чем меньше расстояние, тем сильнее (теснее) связь.

Выводы

Полученные в исследовании результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Ядром корреляционных плеяд во всех группах является общий уровень саморегуляции, имеющий наибольшее количество значимых связей.

2. Во всех изучаемых группах показатель «Самостоятельность» проявляет определенную автономность: он не имеет связей с показателем «Общий уровень саморегуляции» и образует только отрицательные корреляционные связи с другими регуляторными шкалами.

3. Обращает на себя внимание различный общий рисунок плеяд. Так, у девиантных подростков обоего пола корреляционные связи не образуют единой плеяды. У нормативных подростков все показатели компетенции саморегуляции связаны между собой.

При анализе плеяд было также обнаружено, что у девиантных подростков обоего пола показатели «Программирование», «Планирование», «Оценка результатов» и «Общий уровень саморегуляции» связаны в единый корреляционный узел, а поскольку все перечисленные показатели находятся на уровне ниже среднего и низком, эти связи только подтверждают наше предположение о трудностях девиантов.

В группе мальчиков-девиантов отмечается отрицательная связь высокого показателя «Самостоятельность» с низким показателем «Планирование» – связь средней силы ($r = -0,32$; $p \leq 0,01$)* и сильная (тесная) связь с показателем «Моделирование» ($r = -0,68$; $p \leq 0,001$), оба показателя тесно связаны с общим уровнем саморегуляции ($r = 0,68$ и $r = 0,78$ соответственно; $p \leq 0,001$). Такая картина дает основание предположить, что именно излишняя самостоятельность негативно влияет на величину как отдельных показателей, так и общего уровня компетенции саморегуляции девиантных подростков. Показатель «Гибкость» у мальчиков-девиантов автономен и не имеет связей с другими показателями компетенции саморегуляции.

У девочек-девиантов выявлена оторванная от корреляционного узла пара, в которой показатель «Самостоятельность» отрицательно связан с показателем «Моделирование» ($r = -0,29$; $p \leq 0,01$), что, по-видимому, негативно влияет на умение адекватно оценивать ситуацию и свои возможности.

У подростков с нормативным поведением регулятивные показатели образуют единую плеяду и общий уровень саморегуляции положительно связан практически со всеми показателями, кроме показателя «Самостоятельность». У мальчиков отрицательные (обратные) связи показателя «Самостоятельность» с показателями «Программирование» ($r = -0,25$; $p \leq 0,01$) и «Моделирование» ($r = -0,72$; $p \leq 0,001$) проявляются в том, что средний (и ниже среднего) уровень самостоятельности соответствует высоким уровням программирования и моделирования. У девочек также отмечаются отрицательные (обратные) связи самостоятельности с программированием ($r = -0,33$; $p \leq 0,001$), моделированием ($r = -0,53$; $p \leq 0,001$) и оценкой результатов ($r = -0,31$; $p \leq 0,001$). Поскольку эти коэффициенты корреляции демонстрируют связь не выше средней силы, они не оказывают выраженного влияния друг на друга и все обсуждаемые показатели компетенции саморегуляции находятся на среднем и выше среднего уровне.

Таким образом, наше предположение о существовании гендерных различий в развитии компетенции саморегуляции и ее отдельных компонентов у подростков не получило

* Здесь и далее: r – коэффициент корреляции Пирсона; p – уровень значимости.

однозначного подтверждения. Проведенное исследование показало существование отличий, в большей степени детерминированных нормативностью (девиантностью) подростков, нежели их гендерной принадлежностью.

Список источников

1. Бондарева Е. В., Стеценко Н. В. Метод корреляционных плеяд в практике педагогических исследований // Математическая физика и компьютерное моделирование. 2018. Т. 21, № 2. С. 52–58.
2. Гапонова С. А., Деветьярова И. Н. Коррекция девиантного поведения подростков во внешкольной деятельности // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1–4), № 3. С. 462–473.
3. Горьковская И. А., Микляева А. В. Система социальных контактов подростков с устойчивым противоправным поведением в контексте доминирующей направленности личности в общении // Прикладная юридическая психология. 2021. № 3. С. 12–21.
4. Ерофеева Н. Ю. Основные категории гендерной педагогики // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. № 2. С. 85–102.
5. Ильин Е. П. Психология воли. СПб. : Питер, 2009. 368 с.
6. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М. : Когито-Центр, 2015. 304 с.
7. Моросанова В. И., Фомина Т. Г., Цыганов И. Ю. Осознанная саморегуляция и отношение к учению в достижении учебных целей. М. : Нестор-История, 2017. 380 с.
8. Пушкарева Т. Г., Трифонова Ю. А. Содержание, структура социальной компетентности и ее диагностика // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 11. URL : <https://human.snauka.ru/2012/11/1903> (дата обращения: 02.06.2022).
9. Спенсер Л. М., Спенсер С. М. Компетенции на работе. М. : НИРО, 2005. 384 с.
10. Фельдштейн Д. И. Психология развития человека как личности : в 2 т. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : МОДЭК, 2005. Т. 1. 568 с.
11. Чудновский В. Э. Становление личности и проблема смысла жизни. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : МОДЭК, 2006. 768 с.

References

1. Bondareva, E. V., & Stecenko, N. V. 2018, 'The method of correlation pleiades in the practice of pedagogical research', *Mathematical physics and computer modeling*, vol. 21, iss. 2, pp. 52–58.
2. Gaponova, S. A. & Devet'jarova, I. N. 2020, 'Correction of deviant behavior of adolescents in extracurricular activities', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 3, pp. 462–473.
3. Gor'kovaja, I. A. & Mikljaeva, A. V. 2021, 'The system of social contacts of adolescents with persistent illegal behavior in the context of the dominant orientation of the personality in communication', *Applied legal psychology*, iss. 3, pp. 12–21.
4. Erofeeva, N. Ju. 2009, 'The main categories of gender pedagogy', *Bulletin of Udmurt University, Philosophy Series. Psychology. Pedagogy*, iss. 2, pp. 85–102.
5. Il'in, E. P. 2009, *Psychology of will*, Piter, St. Petersburg.
6. Morosanova, V. I. & Bondarenko, I. N. 2015, *Diagnostics of human self-regulation*, Cogito Center, Moscow.
7. Morosanova, V. I., Fomina, T. G. & Cyganov, I. Ju. 2017, *Conscious self-regulation and attitude to learning in achieving educational goals*, Nestor-History, Moscow.

8. Pushkareva, T. G. & Trifonova, Ju. A. 2012, 'Content, structure of social competence and its diagnostics', *Humanitarian scientific research*, iss. 11, viewed 6 June 2022, <https://human.snauka.ru/2012/11/1903>.

9. Spenser, L. M. & Spenser, S. M. 2005, *Competencies at work*, HIPPO, Moscow.

10. Fel'dshtejn, D. I. 2005, *Psychology of Human Development as a Personality*, vol. 1, Moscow Psychological and Social Institute, МОДЭК, Moscow, Voronezh.

11. Chudnovskij, V. Je. 2006, *Personality formation and the problem of the meaning of life*, Moscow Psychological and Social Institute, МОДЭК, Moscow, Voronezh.

Информация об авторах

С. М. Воробьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права;

С. А. Гапонова – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии и социальной работы;

И. Н. Деветьярова – магистр психолого-педагогического образования, заместитель директора по научно-методической работе.

Information about the authors

S. M. Vorob'ev – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law;

S. A. Gaponova – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Psychology and Social Work;

I. N. Devet'jarova – Master of Psychological and Pedagogical Education, Deputy Director for Scientific and methodological work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 22.06.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was submitted 22.06.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication 16.08.2022.

Научная статья

УДК 343.815:159.9

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.435-445

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Глеб Сергеевич Залящев¹, Станислав Викторович Горностаев²

^{1,2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

¹ <http://orcid.org/0000-0003-1159-9883>, vip.zalyashev@mail.ru

² <http://orcid.org/0000-0001-5259-0258>, stanislavrz@yandex.ru

Аннотация. Взаимосвязь антиобщественной позиции личности с противоправным поведением неоднократно описывалась в научной литературе. Однако, несмотря на значимость изучения антиобщественной позиции личности, общепринятая эмпирически обоснованная концепция этого феномена до настоящего момента не создана, его психологические характеристики все еще остаются недостаточно исследованными. Это делает невозможным ведение научно обоснованной работы по психологической коррекции антиобщественной позиции личности у правонарушителей, в том числе осужденных. Объектом исследования является психологическое содержание анти-социальной позиции личности несовершеннолетних осужденных. Цель исследования – изучить ключевые составляющие, психологическую детерминацию и динамику развития антиобщественной позиции личности у несовершеннолетних осужденных. Методы исследования: методика цветowych метафор (МЦМ), методика «Субъективная оценка интегрированности» (СОИ), методика «Незаконченное предложение», проективная методика «Найди себя», анализ личных дел и структурированное интервью. Методы статистической обработки данных – процедуры кластерного анализа. Объем выборки исследования – 214 респондентов. Основные выводы исследования: 1) основу антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных как сложившегося негативного отношения к обществу, выражающегося в противоправном поведении, составляют эмоции печали и гнева, возникающие в результате депривации социальных потребностей подростков; 2) когнитивной составляющей антиобщественной позиции является осознание противоречий с обществом и изолированности от него; 3) наиболее распространенным проявлением антиобщественной позиции личности является поведенческая стратегия избегания. Кроме того, установлены другие компоненты антисоциальной позиции личности, которые часто встречаются у несовершеннолетних осужденных, такие как чувства отвращения и презрения, ощущение отчуждения от общества и исходящей от него угрозы. Анализ также показал, что в ряде случаев несовершеннолетние преступники переносили на потерпевших негативные чувства, которые они испытывали к обществу. Респонден-

© Залящев Г. С., Горностаев С. В., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ты нередко отрицают свое сходство с другими членами общества и наличие общих целей. Полученные результаты имеют практическую значимость в контексте использования их психологами воспитательных колоний для выявления и психологической коррекции личности несовершеннолетних осужденных с антиобщественной позицией.

Ключевые слова: антиобщественная позиция личности, несовершеннолетние осужденные, исправление, воспитательная колония, психологическая диагностика

Для цитирования

Залящев Г. С., Горностаев С. В. Психологические особенности антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных // *Человек: преступление и наказание*. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 435–445. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4). 3.435-445.

Original article

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE ANTISOCIAL POSITION OF THE PERSONALITY OF JUVENILE CONVICTS

Gleb Sergeevich Zaljashhev¹, Stanislav Viktorovich Gornostaev²

^{1,2} Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

¹ <http://orcid.org/0000-0003-1159-9883>, vip.zalyashev@mail.ru

² <http://orcid.org/0000-0001-5259-0258>, stanislavrz@yandex.ru

Abstract. The relationship of the antisocial position of the individual with illegal behavior has been repeatedly described in the scientific literature. But, despite the importance of studying the antisocial position of the individual, a generally accepted empirically based concept of this phenomenon has not yet been created, its psychological characteristics still remain insufficiently investigated.

This makes it impossible to conduct scientifically based work on the psychological correction of the antisocial personality position of offenders, including convicts. The object of the study is the psychological content of the antisocial personality position in juvenile convicts. The purpose of the study is to study the key components, psychological determination and dynamics of the development of the antisocial personality position in juvenile convicts. Research methods: The method of color metaphors (MCM), the method of "Subjective assessment of integration" (SOI), the method of "Unfinished sentence", the projective method of "Find yourself", the analysis of personal affairs and structured interview. Methods of statistical data processing – cluster analysis procedures. The sample size of the study is 214 respondents. The main conclusions of the study: 1) the basis of the antisocial position of the personality of juvenile convicts as an established negative attitude towards society, expressed in illegal behavior, are emotions of sadness and anger resulting from the deprivation of the social needs of adolescents; 2) the cognitive component of the antisocial position is the awareness of contradictions with society and isolation from it; 3) the most common manifestation of an antisocial personality position is a behavioral avoidance strategy. In addition, other components of the antisocial position

of the individual, which are often found in juvenile convicts, such as: feelings of disgust and contempt, feelings of alienation from society and the threat emanating from it, are established. The analysis also showed that in a number of cases juvenile offenders transferred to the victims, the negative feelings they had towards society. Respondents often deny their similarity to other members of society and the existence of common goals. The results obtained have practical significance in the context of their use by psychologists of educational colonies to identify and psychologically correct the personality of juvenile convicts with an antisocial position.

Keywords: antisocial personality position, juvenile convicts, correction, educational colony, psychological diagnostics

For citation

Zaljashhev, G. S. & Gornostaeв, S. V. 2022, 'Psychological features of the antisocial position of the personality of juvenile convicts', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 435–445, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.435-445.

Введение

Антиобщественная позиция личности, понимаемая как субъективное отделение себя от общества и противопоставление себя ему, является одной из причин совершения преступлений [13, 15, 17]. Профилактика данного явления имеет не только индивидуальное значение, поскольку носители антиобщественной позиции являются также ее распространителями в среде несовершеннолетних, у которых активно идет формирование жизненных взглядов и которые нуждаются в оценке и интерпретации факта их осуждения. Таким образом, актуализируется необходимость изучения этого явления и его психологических детерминант, в том числе у несовершеннолетних осужденных. Проблема антиобщественной позиции личности затрагивалась рядом ученых [2, 5, 7–10, 12–17], но исследований в области ее специфики у несовершеннолетних осужденных до настоящего момента не проводилось. Для организации эффективной психокоррекционной работы с несовершеннолетними необходимо в первую очередь выявить психологические детерминанты, которые могли бы стать целью коррекционных воздействий. Для решения этой задачи нами было проведено эмпирическое исследование несовершеннолетних осужденных, в основе которого лежала гипотеза о наличии индивидуально-психологических детерминант, связанных с негативным отношением к обществу у несовершеннолетних осужденных.

Организация и методы исследования. В 2021–2022 гг. на базе Можайской воспитательной колонии УФСИН России по Московской области (г. Можайск), Камышинской воспитательной колонии УФСИН России по Волгоградской области (г. Камышин), Ижевской воспитательной колонии УФСИН России по Удмуртской Республике (г. Ижевск) было обследовано 214 воспитанников мужского пола. Для исследования использовалась специально разработанная психодиагностическая «батарея», включающая в себя методику цветowych метафор (МЦМ), методику «Субъективная оценка интегрированности» (СОИ), методику «Незаконченное предложение», проективную методику «Найди себя», анализ личных дел и структурированное интервью. Проведению диагностических мероприятий (кроме анализа личных дел, который проводился в первую очередь) предшествовала ознакомительно-установочная беседа, главной целью которой было формирование у респондентов мотивации к добросовестному участию в обследовании.

Эмпирический материал обрабатывался следующим образом.

1-й этап. На основании результатов исследования по методике МЦМ были выявлены респонденты, имеющие негативное отношение к обществу, противопоставляющие его себе, не представляющие себя в нем. Первоначально к их числу были отнесены те испытуемые, которые при выполнении МЦМ выбрали для обозначения стимула «общество» один из двух наименее приятных для себя цветов, которые в ходе процедуры послетестового выбора они выбрали последним. Согласно инструкциям разработчика МЦМ И. Л. Соломина стимулы, для которых испытуемый выбрал один из наименее приятных цветов, олицетворяют для испытуемого постоянный источник негативных эмоций, то, от чего человек хотел бы отгородиться, отрицаемые им объекты [10].

Данные, полученные по методике МЦМ, подтверждались следующими дополнительными признаками, полученными в результате применения других указанных методик. К таким признакам, в частности, относились: 1) размещение себя на периферии картинки, предъявляемой в качестве стимульного материала для проективной методики «Найди себя»; 2) отсутствие или крайне ограниченное количество лиц, упоминаемых в ответах на материал методики «Незаконченное предложение»; 3) указания на отсутствие типичных видов связи с группой принадлежности «общество» по результатам методики СОИ (выставление более чем по двум параметрам взаимосвязи с группой минимальных оценок «0» или «1»); 4) прямое упоминание респондентом в ходе структурированного интервью: а) причин негативно относиться к обществу, б) случаев, когда респондент «пострадал» от общества, был не понят им, не смог получить от него желаемого, в) мыслей о том, что для него нет места в обществе, г) имеющихся негативных эмоций по отношению к обществу (гнев, обида, зависть, месть, пренебрежение) или неспособность назвать то общее, что связывает респондента с окружающими его людьми за исключением чисто формальных признаков. В случае если результат МЦМ подтверждался не менее чем двумя из четырех указанных дополнительных признаков, респондент относился к категории имеющих антиобщественную позицию личности.

2-й этап. В результате произведенного на 1-м этапе отбора выборку, подвергнутую дальнейшему исследованию, составили 24 воспитанника, оцененные как имеющие антиобщественную позицию личности, что составило около 11,2 % от общего количества исследованных воспитанников ВК. Дальнейшая обработка данных проводилась в отношении результатов именно этой группы респондентов. При помощи методов математической статистики выявлены связи между негативным отношением к обществу и другими психологическими факторами, характеризующими данную выборку.

Сначала были исследованы факты сопряженности оценок, даваемых респондентами стимулу «общество» и другим стимулам МЦМ. Подсчитывалось количество, а также процент наблюдений, в которых ответ на стимул «общество» совпадал с ответом респондента на другие стимулы. Поскольку изначально в выборку были включены респонденты, ответившие на стимул «общество» выбором цвета, который затем они выбрали седьмым и восьмым (предпоследним и последним) по порядку, фактически подсчитывалось количество наблюдений, когда стимул, исследуемый в паре со стимулом «общество», также был выбран седьмым или восьмым соответственно. Например, 5 человек из 24 выбрали для стимула «общество» серый цвет, который затем они выбрали седьмым по порядку. При этом также серый цвет для стимула «чужие люди» выбрали четверо из них. Кроме того, 11 человек выбрали для стимула «общество» черный цвет, выбранный затем последним, восьмым по порядку. При этом также черный цвет для

стимула «чужие люди» выбрали 7 из них. Таким образом, можно констатировать полное совпадение реакции на пару стимулов «общество» – «чужие люди» в одиннадцати случаях. Такое совпадение указывает на то, что стимулы «общество» и «чужие люди» тесно ассоциируются между собой у определенной части испытуемых.

Если тот или иной стимул ассоциировался в выборке респондентов с антиобщественной позицией личности со стимулом «общество» более чем в 50 % наблюдений, то анализировались возможные причины и теоретические следствия выявленной связи. Менее выраженные связи других шкал МЦМ со шкалой «общество» анализировались выборочно.

Затем анализировались связи наличия антиобщественной позиции личности с осознаваемыми параметрами взаимодействия респондентов с обществом. Параметры, изученные при помощи методики СОИ, анализировались следующим образом: в выборке респондентов, имеющих антиобщественную позицию личности, выявлялись параметры взаимосвязи с обществом, наличие которых категорически отрицает значительное (более 20 % выборки) число испытуемых, выставляя этим параметрам баллы «1» или «0», а также параметры со сравнительно низкими средними оценками.

Для получения общей картины по сопряженности стимулов методики МЦМ данные в электронном виде обрабатывались при помощи кластерного анализа (критерий – количество совпадений) в программе Psychometric Expert.

Результаты исследования

Установлено, что общество у несовершеннолетних осужденных с антиобщественной позицией личности чаще всего ассоциируется с такими чувствами, как гнев (18 совпадений из 24 наблюдений) и печаль (18 совпадений). Очевидно, данная диада в большинстве случаев составляет эмоциональное содержание антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных. 18 раз со стимулом «общество» одним цветом обозначался также стимул «противоречия». Далее к ядру кластера «общество – гнев – печаль – противоречия», наблюдаемого у 75 % испытуемых, на уровне 14 совпадений примыкает изолированность, то есть первичная эмоциональная основа негативного отношения к обществу и первичный когнитивный конструкт «противоречия» дополняются первичным осознанием соотношения с обществом, а именно собственной изолированности от него. Далее у 12 испытуемых (50 % выборки) кластер дополняется эмоцией страха и целым комплексом других негативных эмоционально-когнитивных ассоциаций, таких как пустота, мерзость, угроза. Особый интерес представляет присоединяющаяся на этом уровне первая поведенческая стратегия, выражаемая стимулом «избегание». Такой стиль поведения, по оценкам сотрудников учреждения, действительно присущ исследуемой категории осужденных. Анализируя подобную динамику, можно предположить, что, зародившись в виде переживания негативных эмоций, негативное отношение к обществу у несовершеннолетних осужденных впоследствии пополняется новыми негативными эмоциями, также формирует когнитивное содержание и почти сразу поведенческое выражение. Поскольку такая динамика встречалась в 50 % случаев, очевидно, что развитие данных психологических компонентов антиобщественной позиции личности является наиболее характерным для исследуемой выборки.

Еще более развита в психологическом плане антиобщественная позиция личности наблюдалась у 11 респондентов. У них в кластер оказалась включена дополнительно целая гамма негативных чувств. Ожидаемо в кластер также попал стимул «потерпевшие», то есть общество, воспринимаемое в негативном свете, ассоциируется с

потерпевшими. На основании этого можно предположить, что, поскольку они в глазах преступников олицетворяли собой группу, к которой те испытывали комплекс сильных негативных чувств, это послужило одним из психологических условий совершения в отношении их преступления. Кластер также пополняется взаимосвязанными между собой на уровне 14 совпадений стимулами «соперничество» и «отчуждение». Таким образом, можно наблюдать на определенном этапе развития антиобщественной позиции личности появление у респондентов еще одной распространенной поведенческой стратегии. Такой вариант развития антиобщественной позиции личности можно связать уже непосредственно с особенностями среды исправительного учреждения, так как перед тем как войти в интересующий нас кластер, описанный подкластер на уровне 12 совпадений сливается с другим подкластером, которые составляют стимулы «АУЕ» и «плохие люди» и оценка которых совпадает в 15 наблюдениях. На этом основании можно предположить, что респонденты не интегрируются и в тюремной среде, а ее характер стимулирует их развивать свою антиобщественную позицию в плане усиления ее защитной функции и агрессивности.

Что касается особенностей сознательной оценки респондентами различных аспектов их взаимосвязей с обществом, изучаемых методикой СОИ, то ее основные результаты представлены в таблице.

Таблица

**Наиболее проблемные параметры взаимосвязи с обществом
несовершеннолетних осужденных с антиобщественной позицией личности**

Параметр взаимосвязи с обществом	Среднее значение оценки параметра	Количество оценок «0» и «1» из 24 наблюдений
Считаю, что членов группы связывает психологическое сходство	3,7	7
Думаю, членов группы объединяют общие цели, которых они рассчитывают достигнуть вместе	4,3	7
Мне пришлось много пережить вместе с этой группой	4,4	6
При желании я могу свободно обратиться к любому члену этой группы	4,9	6

Наиболее распространенным препятствием интеграции в общество является отрицание своего сходства с обществом и наличия общих целей с другими членами общества. Многие респонденты указали также на то, что они не имеют опыта совместного переживания различных жизненных ситуаций с другими членами общества. Количество экстремально низких оценок в отношении утверждения «при желании я могу свободно обратиться к любому члену этой группы» говорит о том, что четверть несовершеннолетних осужденных с антиобщественной позицией личности исключает для себя возможность обратиться к членам общества для удовлетворения своих потребностей и решения проблем. Они убеждены в невозможности конструктивного и продуктивного взаимодействия с другими членами общества. Такое мнение препятствует не только успешной интеграции в общество, но и выстраиванию отношений с представителями администрации исправительного учреждения, совместной работе по исправлению и

ресоциализации. Обобщая содержание параметров взаимодействия, по которым испытуемыми были выставлены экстремально низкие оценки, мы установили, что у респондентов имеются проблемы в сфере оценки как своего соотношения с обществом, так и взаимодействия с ним.

Обсуждение

Полученные результаты позволили довольно четко проследить эмоциональные и отчасти когнитивные составляющие антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных, а также обнаружить отдельные предикторы ее формирования и особенности ее проявления.

В эмоциональной составляющей антиобщественной позиции личности прослеживается ее происхождение. Актуализированные эмоции гнева и печали, характерные для антисоциальной позиции личности несовершеннолетних осужденных, являются базовыми человеческими эмоциями и часто проявляются вместе [3]. Происхождение печали связывается с потерей чего-либо ценного для человека и сигнализирует ему о том, что он нуждается в помощи, поддержке. Гнев выступает эмоциональной реакцией на несправедливость, нарушение ожидаемого «правильного» порядка вещей и стимулирует ответную реакцию по восстановлению справедливости, которая может носить неадекватный и непродуктивный характер. Принимая во внимание сферу проявления, возникновение данных эмоций в комплексе можно связать с фрустрацией социальных потребностей, реализуемых во взаимодействии с обществом, в первую очередь таких, как признание и справедливость [4], а также потребности в принадлежности. Возникновение этих эмоций предположительно связано с определенными имевшимися у несовершеннолетних ожиданиями от общества, которые в ходе взаимодействия не удовлетворяются и фрустрируются, вызывая указанные эмоциональные проявления. Далее механизм формирования антиобщественной позиции предполагает осмысление полученного негативного опыта. Выделяя ключевые характеристики своих взаимоотношений с обществом (противоречия, изолированность, отчужденность, угрозы и т. д.), несовершеннолетние переходят к выстраиванию собственной активности во взаимодействии с ним, наиболее распространенной стратегией которой становится избегание. В случае, когда избегание становится затруднительным, формируются другие стратегии, например соперничество.

Представленные результаты дают основание предположить, что криминальное поведение несовершеннолетних осужденных с антиобщественной направленностью личности может являться механизмом отреагирования негативных эмоций, источником возникновения которых у осужденных является опыт их взаимодействия с обществом. В силу этого оно направлено на представителей общества, в том числе потерпевших, и в глазах правонарушителей иногда может казаться справедливым.

Полученные результаты в какой-то степени перекликаются с результатами ранее проведенных исследований. Социальным условием фрустрации социальных потребностей может выступить ситуация нарастающего межпоколенного дистанцирования, отмечаемого Е. Л. Омельченко [6]. Мотивы поиска справедливости и механизм вымещения обиды несовершеннолетними делинквентами упоминались в исследованиях Н. А. Чванова [12]. Целый ряд ученых придерживается мнения о том, что фактором, препятствующим формированию антиобщественной позиции личности молодых людей, является получение позитивного опыта взаимодействия в обществе [1, 12, 18]. Эти данные могут свидетельствовать в пользу предложенной нами интерпретации полученных резуль-

татов и открывают новые возможности для профилактики рецидивов преступлений у несовершеннолетних осужденных с антиобщественной позицией личности. Коррекция делинквентного поведения может носить поверхностный характер и обеспечиваться тем, что подросткам с антиобщественной позицией личности будут предлагаться альтернативные возможности проявления их негативных чувств в отношении общества. К современным законным каналам выплеска негативных эмоций можно отнести, например, самовыражение через Интернет, речевое художественное творчество и даже экстремальные виды спорта, не требующие серьезных материальных затрат. При этом следует понимать, что освоенные подростком ранее методы выражения им негативных эмоций через деструктивную агрессию не исчезнут, а лишь могут отойти на второй план по сравнению со вновь сформированными методами, которые покажутся ему более привлекательными.

Коррекция делинквентного поведения у несовершеннолетних с антиобщественной позицией личности на более фундаментальном уровне возможна за счет разрыва замкнутого цикла «негативное действие по отношению к обществу – негативная обратная связь от общества – негативная оценка общества». В идеале такая работа может проводиться сразу по трем направлениям: 1) сдерживание антиобщественных проявлений на уровне поведения; 2) снижение остроты переживания негативных эмоций; 3) изменение оценочных суждений относительно общества и своего соотношения с ним.

Перспективы исследования

По причине незначительного количества исследований, а также в силу новизны полученных результатов дальнейшее изучение рассматриваемой темы может быть продолжено по ряду направлений.

В последующем апробация полученных данных должна подтвердить адекватность представленной модели через ее результативную реализацию в рамках психокоррекционной программы, которую предстоит разработать на основе полученных данных.

Поскольку основное внимание в исследовании было уделено факторам социально-психологического уровня, одним из перспективных направлений изучения проблемы является исследование социальных и индивидуально-психологических факторов формирования и антиобщественной позиции личности несовершеннолетних осужденных.

Кроме того, для сравнения целесообразно исследовать различия антиобщественной позиции личности у несовершеннолетних и взрослых осужденных, а также у несовершеннолетних осужденных и законопослушных подростков. Изучение последних, в частности, могло бы раскрыть дополнительные пути противоправного проявления негативных эмоций в отношении общества для их использования в упомянутых выше психокоррекционных программах «поверхностного» уровня.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на необходимость и значительные перспективы дальнейшей разработки темы, полученные результаты уже могут использоваться воспитателями и психологами воспитательных колоний для выявления лиц со сформированной антиобщественной позицией, выстраивания эффективных отношений с такими воспитанниками и ведения определенной психокоррекционной работы с ними.

Список источников

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М. : Наука, 1980. 335 с.
2. Игнатенко В. И. Антиобщественный образ жизни несовершеннолетних как категория криминологии // *Человек: преступление и наказание.* 2011. № 3(74). С. 114–118.

3. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2000. 464 с.
4. Момджян К. Х. К типологии человеческих потребностей. Статья 3. Социальные потребности человека. Часть 2 // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2017. № 2. С. 99–112.
5. Овчарова Р. В., Малюшина Ю. А. Криминальная мотивация несовершеннолетних правонарушителей и ее коррекция. Курган : КГУ, 2011. 176 с.
6. Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М. : Институт социологии РАН, 2000. 262 с.
7. Омигов В. И. Особенности противодействия преступности несовершеннолетних // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 22–26.
8. Оферкина О. А. Социально-психологическая профилактика асоциального поведения подростковых групп : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 22 с.
9. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. 135 с.
10. Побегайло А. Э. Семейное неблагополучие и несовершеннолетний преступник / под ред. М. М. Бабаева. Ставрополь : Сервисшкола, 2006. 202 с.
11. Соломин И. Л., Чернышкова М. П., Суворина Н. Ю. Использование методики цветных метафор (МЦМ) И. Л. Соломина в практике психологов УИС. СПб., 2012. 69 с.
12. Чванов Н. А. Нравственно-психологические характеристики личности несовершеннолетних делинквентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 4, № 1(61). С. 131–134.
13. Cargill, R. 2004, *Antisocial attitudes and antisocial behaviour: an investigation of antisocial attitudes in a New Zealand non-offender sample: a thesis presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Psychology at Massey University, Massey University*, <http://hdl.handle.net/10179/8419>.
14. Costaris, M., Peterson-Badali, M. & Skilling, T. A. 2022, 'A Latent Class Analysis of the Antisocial Attitudes Domain of the Youth Level of Service / Case Management Inventory', *Criminal Justice and Behavior*, vol. 49, iss. 8, pp. 1192–1209, doi: 10.1177/00938548221084301
15. Juarez, T. & Howard, M. V. A. 2021, 'Self-Reported Change in Antisocial Attitudes and Reoffending Among a Sample of 2,337 Males Convicted of Violent Offenses', *Criminal Justice and Behavior*, vol. 49, iss. 1, pp. 3–19.
16. Locklair, B. R. 2018, *Beyond self-report: Construction and validation of the Implicit Test of Antisocial Attitudes*, Drexel University. <https://doi.org/10.17918/D8J38F>.
17. Mills, J. F., Kroner, D. G. & Hemmati, T. 2004, 'The Measures of Criminal Attitudes and Associates (MCAA): The Prediction of General and Violent Recidivism', *Criminal Justice and Behavior*, vol. 31, iss. 6, pp. 717–733.
18. Pavić, Ž. 2021, 'The Impact of Civic and Religious Social Capital on the Antisocial Attitudes of the Youth: A Multi-Level Cross-National Study', *Societies*, vol. 11 iss. 3, p. 110, <https://doi.org/10.3390/soc11030110>.

References

1. Abul'hanova-Slavskaja, K. A. 1980, *Activity and personality Psychology, Science*, Moscow.
2. Ignatenko, V. I. 2011, 'Antisocial lifestyle of minors as a category of criminology', *Man: crime and punishment*, iss. 3(74), pp. 114–118.
3. Izard, K. Je. 2000, *Psychology of emotions*, Piter, St. Petersburg.

4. Momdzhjan, K. H. 2017, 'To the typology of human needs. Article 3. Social needs of a person. Part 2', *Bulletin of Moscow University, Series 7, Philosophy*, iss. 2, pp. 99–112.
5. Ovcharova, R. V. & Maljushina, Ju. A. 2011, *Criminal motivation of juvenile offenders and its correction*, KGU, Kurgan.
6. Omel'chenko, E. L. 2000, *Youth Cultures and Subcultures*, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
7. Omigov, V. I. 2012, 'Features of countering juvenile delinquency', *Russian Justice*, iss. 1, pp. 22–26.
8. Oferkina, O. A. 2013, *Socio-psychological prevention of antisocial behavior of adolescent groups: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.
9. Pirozhkov, V. F. 1994, *The laws of the underworld of youth (criminal subculture)*, Tver.
10. Pobegajlo, A. Je. 2006, *Family problems and juvenile delinquent*, M. M. Babaev (ed.), Service School, Stavropol.
11. Solomin, I. L., Chernyshkova, M. P. & Suvorina, N. Ju. 2012, *The use of the methodology of color metaphors (MCM) by I. L. Solomin in the practice of psychologists of the UIS*, St. Petersburg.
12. Chvanov, N. A. 2015, 'Moral and psychological characteristics of the personality of juvenile delinquents', *Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 4, iss. 1(61), pp. 131–134.
13. Cargill, R. 2004, *Antisocial attitudes and antisocial behaviour: an investigation of antisocial attitudes in a New Zealand non-offender sample: a thesis presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Psychology at Massey University*, Massey University, <http://hdl.handle.net/10179/8419>.
14. Costaris, M., Peterson-Badali, M. & Skilling, T. A. 2022, 'A Latent Class Analysis of the Antisocial Attitudes Domain of the Youth Level of Service / Case Management Inventory', *Criminal Justice and Behavior*, vol. 49, iss. 8, pp. 1192–1209, doi: 10.1177/00938548221084301
15. Juarez, T. & Howard, M. V. A. 2021, 'Self-Reported Change in Antisocial Attitudes and Reoffending Among a Sample of 2,337 Males Convicted of Violent Offenses', *Criminal Justice and Behavior*, vol. 49, iss. 1, pp. 3–19.
16. Locklair, B. R. 2018, *Beyond self-report: Construction and validation of the Implicit Test of Antisocial Attitudes*, Drexel University. <https://doi.org/10.17918/D8J38F>.
17. Mills, J. F., Kroner, D. G. & Hemmati, T. 2004, 'The Measures of Criminal Attitudes and Associates (MCAA): The Prediction of General and Violent Recidivism', *Criminal Justice and Behavior*, vol. 31, iss. 6, pp. 717–733.
18. Pavić, Ž. 2021, 'The Impact of Civic and Religious Social Capital on the Antisocial Attitudes of the Youth: A Multi-Level Cross-National Study', *Societies*, vol. 11 iss. 3, p. 110, <https://doi.org/10.3390/soc11030110>.

Информация об авторах

Г. С. Залящев – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров;

С. В. Горностаев – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики.

Information about the authors

G. S. Zaljashhev – adjunct of the Faculty of training of scientific and pedagogical personnel;

S. V. Gornostaev – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 06.07.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 17.08.2022.

The article was submitted 06.07.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication 17.08.2022.

Научная статья

УДК 343.847

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.446-455

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТОВ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Татьяна Александровна Казакова¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, tina4242@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-1735-8186>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, целью которого являлось повышение уровня педагогического потенциала субъектов воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей путем разработки и внедрения системы педагогического сопровождения принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к данной категории подростков. Актуальность исследования определяется отсутствием научно-методического обеспечения практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям; низким уровнем психолого-педагогической готовности субъектов воспитательного воздействия на подростков-делинквентов как важнейшего условия результативности применения этих мер. Методы исследования: педагогический анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и обобщение полученных результатов, анкетирование, интервью, индивидуальные и групповые беседы, наблюдение, обобщение независимых характеристик, статистические методы обработки информации. В соответствии с целью исследования была разработана и апробирована система педагогического сопровождения принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Она включает в себя организационно-содержательную, технологическую и кадровую составляющие и их взаимодействие, основные направления и пути повышения уровня педагогической подготовки субъектов воспитательного воздействия на подростков-делинквентов. Результаты исследования доказали эффективность системы педагогического сопровождения принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: наказание, подростки-делинквенты, педагогическое сопровождение, принудительные меры, воспитательное воздействие, несовершеннолетние правонарушители

Для цитирования

Казакова Т. А. Повышение уровня педагогического потенциала субъектов воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей // Человек:

преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 446–455. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.446-455.

Original article

INCREASING THE LEVEL OF PEDAGOGICAL POTENTIAL OF SUBJECTS OF EDUCATIONAL INFLUENCE ON JUVENILE OFFENDERS

Tat'jana Aleksandrovna Kazakova¹

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia,
tina4242@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-1735-8186>

Abstract. The article presents the results of a study aimed at increasing the level of pedagogical potential of subjects of educational influence on juvenile delinquents by developing and implementing a system of pedagogical support of compulsory measures of educational influence applied to this category of adolescents. The relevance of the study is determined by the lack of scientific and methodological support for the practical implementation of compulsory measures of educational influence applied to juvenile offenders; low level of psychological and pedagogical readiness of subjects of educational influence on delinquent adolescents, as the most important condition for the effectiveness of these measures. Research methods: pedagogical analysis and synthesis, induction and deduction, comparison and generalization of the results obtained, questionnaires, interviews, individual and group conversations, observation, generalization of independent characteristics, statistical methods of information processing. In accordance with the purpose of the study, a system of pedagogical support for compulsory measures of educational influence on juvenile offenders was developed and tested. It includes organizational, content, technological and personnel components and their interaction, the main directions and ways to improve the level of pedagogical training of subjects of educational influence on delinquent adolescents. The results of the study proved the effectiveness of the system of pedagogical support of compulsory measures of educational influence on juvenile offenders.

Keywords: punishment, delinquent adolescents, pedagogical support, coercive measures, educational impact, juvenile delinquents

For citation

Kazakova, T. A. 2022, 'Increasing the level of pedagogical potential of subjects of educational influence on juvenile offenders', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 446–455, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.446-455.

Введение

Преступность несовершеннолетних является одной из наиболее острых проблем современного общества. В настоящее время подавляющее число преступлений совершается лицами молодежного возраста, при этом преступность продолжает «молодеть». Криминальная активность несовершеннолетних подростков растет. В силу этого вопросы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, их исправления, а глав-

ное, предупреждения совершения ими новых преступлений с каждым годом становятся все более актуальными. Подрастающее поколение является естественным резервом социального развития любого общества, которое стремится к достижению высоких результатов развития, и каждое государство прикладывает массу усилий для предупреждения подростковой преступности. Проблему преступности несовершеннолетних невозможно решить только посредством применения к подросткам-делинквентам мер, связанных с лишением свободы. Это стимулирует поиск эффективных путей профилактики и предупреждения правонарушений несовершеннолетних. Основной целью деятельности уголовно-исполнительной системы является не только восстановление социальной справедливости и наказание за совершенное несовершеннолетним преступление, но и его исправление и интеграция в общество социально здорового человека. Исправление несовершеннолетних правонарушителей приобретает первостепенное значение в связи с реализацией положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года.

Анализ статистических данных показывает, что большая часть подростков-делинквентов, к которым судом применялись принудительные меры воспитательного воздействия, проявили готовность к исправлению, поскольку впоследствии они не совершили противоправных действий. Однако наше исследование показало, что образовательный потенциал этих мер используется недостаточно. Их доля в исправительной практике в последние годы минимальна. Так, в 2018 г. суды приговорили к принудительным мерам воспитательного воздействия лишь 2648, в 2019 – 2914, в 2020 г. – 2328*несовершеннолетних¹. В то же время международные нормы, Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года и судебная практика в отношении несовершеннолетних правонарушителей предполагают расширение сферы применения мер, альтернативных лишению свободы. Эффективность принудительных мер воспитательного воздействия напрямую зависит от их соответствующего педагогического сопровождения. Таким образом, очевидна необходимость разработки системы педагогического сопровождения принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

Объектом исследования является процесс практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Предмет исследования – сущность и содержание педагогического сопровождения процесса практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Цель исследования заключается в повышении уровня педагогического потенциала субъектов практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия на подростков-делинквентов как условия эффективности практического применения этих мер.

Использовались основные теоретические методы: педагогический анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и обобщение результатов исследования. Эмпирическая база представлена пилотным исследованием, анкетированием, интервьюированием, индивидуальными и групповыми беседами, наблюдением, всесторонней и формирующей оценкой, экспертной оценкой, обобщением независимых характеристик и статистическими методами обработки информации.

Теоретические основы исследования включают в себя систему научных теорий, подходов и методов. Некоторые теоретические основы исследования мы определили в наших

¹ См.: Материалы официального интернет-сайта Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 27.01.2022).

предыдущих исследованиях [1–6]. Это представления о социальных условиях поведения, общения и деятельности человека, его субъектности во взаимодействии с социальной и природной средой; представления о профессиональной деятельности как социальной функции личности; теория целостности и взаимозависимости социально-педагогических явлений в процессе воспитания личности; состояние теории и методологии воспитания как целостного процесса развития личности в специально организованной образовательной системе; теория социально-психологических и социально-педагогических особенностей личности несовершеннолетних правонарушителей; личностно-деятельностный подходы к выбору содержания и средств воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей; теоретические и практические основы формирования готовности специалистов к профессиональной деятельности; методы и формы повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников в процессе воспитательной работы с подростками-делинквентами.

Результаты исследования

Применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним правонарушителям – государственная задача социальной значимости. Их использование ранее являлось одним из приоритетных направлений профилактики правонарушений несовершеннолетних и реабилитации подростков-делинквентов, но без соответствующего педагогического сопровождения эти меры не могут стать эффективным средством коррекции поведения подростков-правонарушителей. Успешность применения принудительных мер воспитательного воздействия определяется системным научно обоснованным педагогическим сопровождением основных субъектов исправления несовершеннолетних правонарушителей, которое фактически отсутствовало или носило бессистемный характер. Наши исследования показали, что при соответствующей педагогической поддержке повышается эффективность коррекции и ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей [6, с. 85].

Анализ различных подходов к определению целей, сущности и особенностей принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей позволяет определить их как систему уголовно-правовых мер, применяемых судами к подросткам-делинквентам, совершившим правонарушения небольшой или средней тяжести, и направленных на их исправление, предупреждение новых преступлений, индивидуализацию педагогического воздействия, осуществляемого в условиях государственного принуждения [1, с. 72]. Эта система основана на принципах гуманистической направленности, педагогической, профилактической жизнеспособности и индивидуализации педагогического воздействия. Ее эффективность обеспечивается сочетанием правовых ограничений и требований с воспитательными, коррекционными и реабилитационными мерами, максимальным использованием положительного влияния микросреды, образования, общения, способствующих декриминализации поведения несовершеннолетних [2, с. 196]. Каждая из этих мер отличается не только степенью уголовно-принудительного воздействия, создающего внешние условия для регуляции поведения несовершеннолетних и формирования положительного опыта, но и методами воспитательного (коррекционного, профилактического, реабилитационного) воздействия, стимулирующего внутриличностные изменения, развитие и самообразование. Педагогическое сопровождение основных субъектов педагогического взаимодействия путем реализации принудительных мер включает в себя процесс разработки, обоснования и апробации методов, средств и технологий коррекции несовершеннолетних, а

также практическую подготовку субъектов для успешной работы на личностном и компетентностном уровнях [3, с. 113].

Педагогическое сопровождение принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних представляет собой комплекс научно обоснованных педагогических технологий, направленных на создание системы эффективной работы с данной категорией подростков, включающей в себя цель и задачи, сущность и содержание, педагогические условия реализации этих мер. Оно характеризуется спецификой, определяемой условиями, в которых организуется процесс их практической реализации (поддержание привычной микросреды, правовые ограничения, педагогический режим).

Анализ уголовно-исполнительной практики показывает, что педагогические возможности принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей недооцениваются. Основными причинами их редкого использования являются недостаточная педагогическая направленность, отсутствие современных технологий для конкретных видов деятельности, отсутствие взаимодействия между основными субъектами реализации этих мер и педагогического сопровождения в целом. Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН), семьи несовершеннолетних правонарушителей и другие субъекты практической реализации этих мер испытывают трудности в воспитательной работе с данной категорией подростков, поскольку они практически не готовы к этой деятельности, не обладают соответствующими психолого-педагогическими знаниями, навыками и умениями, не имеют научно-методического инструментария [4, с. 25]. Их деятельность плохо организована и не обладает соответствующей педагогической поддержкой.

Анализ современного состояния проблемы позволил выявить некоторые недостатки в применении исследуемых мер и разработать систему педагогического сопровождения практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Экспериментальная работа была направлена на разработку и апробацию системы педагогического сопровождения принудительных мер воспитательного воздействия, а также на выявление и оценку социально-педагогических условий для совершенствования их практической реализации.

Разработанная и экспериментально апробированная система педагогического сопровождения практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей включает в себя организационно-содержательный, технологический и кадровый компоненты и их взаимодействие, основные направления и пути повышения уровня педагогической подготовки субъектов педагогического взаимодействия [4, с. 27].

Комплексное использование методического инструментария в рамках авторской педагогической технологии позволило выявить и обосновать критерии и показатели оценки педагогического потенциала субъектов реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. В контексте данного исследования критерий характеризует педагогический потенциал субъектов реализации принудительных мер воспитательного воздействия, более полное развитие которого должно быть обеспечено педагогическим сопровождением. Содержание критерия представлено показателями, позволяющими выявить степень выраженности соответствующих навыков и умений сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, ПДН и родителей несовершеннолетних, а на основе их комплексной оценки сделать выводы об уровне их педагогического потенциала.

Разрабатывая критерии и показатели оценки педагогического потенциала субъектов педагогического взаимодействия, мы исходили из того, что они могут быть определены на основе:

1) правовой, психолого-педагогической компетентности, то есть глубоких знаний и готовности сотрудников ПДН, уголовно-исполнительных инспекций и других субъектов практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия;

2) гуманистической и социальной направленности постоянно меняющейся образовательной деятельности в системе «человек – личность», посредством которой внешнее воздействие педагогического сопровождения стимулирует внутреннюю активность субъектов педагогического взаимодействия путем использования педагогического потенциала и самокоррекции несовершеннолетних;

3) диагностической ценности (критерии должны позволять всесторонне и объективно оценить результат деятельности сотрудников, родственников и других субъектов практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей).

До формирующего эксперимента среди сотрудников ПДН, УИИ преобладал низкий уровень (46 %) педагогического потенциала, а высокий уровень педагогического потенциала встречался реже (20 %). Наибольшие трудности они испытывают в деятельности, соответствующей когнитивному критерию оценки педагогического потенциала (отсутствие психолого-педагогических знаний) и операционально-практическому критерию (отсутствие компетенций в определенных видах профессиональной деятельности и ее организации).

Более половины (54 %) родителей подростков-делинквентов имели средний уровень развития педагогического потенциала, более четверти (27 %) – низкий уровень, и только 19,0 % показали высокий уровень готовности участвовать в изменении поведения своих детей. Хотя эти данные несколько выше, чем у сотрудников ПДН, УИИ, научный прогноз о степени их влияния на успех процесса исправления подростков-правонарушителей неутешителен. В силу этого необходимость разработки системы педагогического сопровождения их участия в коррекционной работе с подростками-делинквентами очевидна.

Данные об уровне педагогического потенциала сотрудников ПДН, УИИ, родителей (законных представителей) несовершеннолетних правонарушителей показали, что доминирует низкий уровень развития педагогического потенциала, что свидетельствует о низком уровне их педагогической компетентности, педагогической культуры, ответственности за детей, находящихся в конфликте с законом, и, как следствие, неэффективной деятельности и непродуктивном воздействии на подростков-делинквентов. Все это обусловило необходимость организации и проведения целенаправленной работы по наращиванию педагогического потенциала субъектов реализации принудительных мер воспитательного воздействия.

В основу формирующего эксперимента был положен комплекс учебных мероприятий, позволивших осуществить поэтапное совершенствование педагогического потенциала сотрудников по делам несовершеннолетних и родителей подростков. С этой целью были разработаны и внедрены дифференцированные программы по повышению эффективности педагогического сопровождения принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей для сотрудников ПДН и родителей подростков.

Работа по повышению уровня педагогического потенциала субъектов воспитательно-го воздействия на несовершеннолетних правонарушителей проводилась по двум основным направлениям: теоретическая и практическая подготовка. Теоретическая подготовка была направлена в основном на повышение наименее развитых уровней когнитивной и оперативно-практической составляющих педагогического потенциала сотрудников ПДН, УИИ: специальных психолого-педагогических теоретических и методических знаний, практических навыков и умений проводить воспитательную и профилактическую работу с несовершеннолетними правонарушителями, к которым применяются принудительные меры воспитательного воздействия. Ее результаты проявляются в системной способности педагогически мыслить, наличии аналитических, прогностических, проективных и рефлексивных компетенций. Развитие этих компетенций приводит к повышению уровня профессионального самосознания, культуры поведения, морально-психологической и социальной устойчивости, что помогает лучше понять социальную роль и выработать необходимое, с точки зрения занимаемой должности, отношение к несовершеннолетним правонарушителям.

Практическая подготовка была направлена на формирование организаторских и коммуникативных навыков у лиц, реализующих принудительные меры воспитательно-го воздействия. С этой целью были разработаны и внедрены следующие инструменты: специальный 76-часовой учебный курс «Педагогическое сопровождение принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей», включающий в себя 26 часов лекций, 28 часов учебных (практических) занятий и 22 часа самостоятельного обучения; комплекс методических рекомендаций по организации персонализированных реабилитационных мер для несовершеннолетних правонарушителей; комплекс методических рекомендаций по повышению педагогического потенциала членов семьи подростка-правонарушителя; примерные темы лекций и бесед для родителей; комплекс рекомендаций по проведению индивидуальных бесед с несовершеннолетними, к которым применяются принудительные меры воспитательного характера [5].

Данные, полученные после завершения формирующего эксперимента, свидетельствуют о положительной динамике уровня развития педагогического потенциала сотрудников ПДН, УИИ. В результате проведенных мероприятий увеличилось количество сотрудников, имеющих высокий и средний уровень педагогического потенциала (на 3 и 2 % соответственно). В то же время произошло снижение (на 5 %) общего числа лиц, имевших низкий уровень педагогического потенциала. Полученные данные убедительно свидетельствуют о положительных результатах проведенной экспериментальной работы. Они еще раз подтверждают эффективность разработанной системы педагогического сопровождения практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

После завершения формирующего эксперимента родители подростков-делинквентов показали тенденцию роста уровня педагогического потенциала. Полученные результаты убедительно доказывают значительное влияние педагогической поддержки на развитие педагогического потенциала родителей. В экспериментальной группе произошли положительные количественные и качественные изменения: значительно (на 13 %) уменьшилось число родителей с низким уровнем потенциала. Соответственно количество лиц, имеющих высокий и средний уровни развития своего педагогического потенциала, заметно увеличилось после формирующего эксперимента (на 8 и 5 % соответственно).

Реализация принципов, методов, оценочных показателей и критериев, а также системы педагогического сопровождения практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в ходе суммирующего и формирующего экспериментов привела к эффективному усилению педагогической направленности профессиональной деятельности сотрудников ПДН, УИИ и статистически достоверному повышению уровня педагогического потенциала и культуры родителей несовершеннолетних правонарушителей.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования поставленная цель была достигнута. На основе разработанной системы педагогического сопровождения практической реализации принудительных мер воспитательного воздействия на подростков-правонарушителей, включающей в себя организационную, технологическую и кадрово-ресурсную составляющие, реализована система дидактических средств, методов и технологий развития педагогического потенциала субъектов педагогической работы. Апробация данной системы позволила в ходе экспериментальной работы проанализировать ее влияние на динамику уровня педагогического потенциала субъектов реализации принудительных мер; оценить ее влияние на реабилитацию несовершеннолетних правонарушителей; объединить педагогические усилия сотрудников ПДН, УИИ и родителей подростков-делинквентов. Предлагаемая система имеет не только теоретическое, но и особое практическое значение, поскольку непосредственно связана с практической работой подразделений по делам несовершеннолетних, ответственных за педагогическую работу с несовершеннолетними-правонарушителями и их семьей.

Проведенное исследование позволило компенсировать недостаточную разработанность как теоретических, так и практических аспектов социально значимой проблемы реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, а также выделить направления ее дальнейшего исследования: это организация системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов, социальных педагогов, психологов, социальных работников для осуществления воспитательной деятельности с несовершеннолетними правонарушителями; организация обязательного обучения по профилактическим и педагогическим вопросам для родителей подростков или их законных представителей; применение надлежащих психолого-педагогических реабилитационных технологий для несовершеннолетних, к которым применяются принудительные меры воспитательного воздействия, и совершенствование практики их применения.

Список источников

1. Казакова Т. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовному наказанию // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* 2014. № 2(141). С. 71–76.
2. Казакова Т. А. Понятие и специфика педагогического обеспечения принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2015. № 4(68). С. 195–199.
3. Казакова Т. А. Педагогическое обеспечение воспитательной работы с несовершеннолетними, осужденными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы)

России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступ. и докл. участников (Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.) : в 10 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. Т. 3 : Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. С. 111–115.

4. Казакова Т. А. Модель психолого-педагогической работы с несовершеннолетними, осужденными к наказаниям без изоляции от общества // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 14 мая 2020 г.) : в 3 т. Донбасс, 2020. Т. 1. С. 22–29.

5. Казакова Т. А., Кузнецов М. И. Индивидуальная воспитательная работа с подростками-делинквентами // Обучение и воспитание детей и подростков: от теории к практике : монография / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск, 2020. С. 253–267.

6. Педагогическое сопровождение принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей / Т. Казакова и [др.] // Общество. Интеграция. Образование : сб. материалов Междунар. науч. конф. (SIE 2021). Латвия : Резекне, 2021. Т. 1 : Высшее образование. С. 75–85.

References

1. Kazakova, T. A. 2014, 'Compulsory measures of educational influence as an alternative to criminal punishment', *Vedomosti of the penal system*, iss. 2(141), pp. 71–76.

2. Kazakova, T. A. 2015, 'The concept and specifics of pedagogical support of compulsory measures of educational influence on juvenile offenders', *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(68), pp. 195–199.

3. Kazakova, T. A. 2019, 'Pedagogical support of educational work with minors sentenced to punishments and measures of a criminal nature not related to isolation from society', in *IV International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (dedicated to the 140th anniversary of the penal enforcement system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia): collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, November 20–22, 2019)*, in 10 vols, vol. 3, *Materials of international scientific and practical conferences and round tables*, pp. 111–115, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan.

4. Kazakova, T. A. 2020, 'A model of psychological and pedagogical work with minors sentenced to punishment without isolation from society', in *Actual problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice: collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference (May 14, 2020)*, pp. 22–29, Донбасс.

5. Kazakova, T. A. & Kuznecov, M. I. 2020, 'Individual educational work with delinquent adolescents', in A. Ju. Nagornov (ed.), *Education and upbringing of children and adolescents: from theory to practice: monograph*, pp. 253–267, Ульяновск.

6. Kazakova, T. A., Vasil'eva, I., Varlamova, O., Vorob'ev, Ju., Dazmarova, T. & Zakopyrin, V. 2021, 'Pedagogical support of compulsory measures of educational influence on juvenile offenders', in *Society. Integration. Education: collection of materials of the International Scientific Conference (SIE 2021)*, vol. 1, Higher education, pp. 75–85, Rezekne, Latvia.

Информация об авторе

Т. А. Казакова – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the author

T. A. Kazakova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Статья поступила в редакцию 08.03.2022; одобрена после рецензирования 13.04.2022; принята к публикации 17.08.2022.

The article was submitted 08.03.2022; approved after reviewing 13.04.2022; accepted for publication 17.08.2022.

Научная статья

УДК 343.815:159.9

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.456-469

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ЦЕНТРЕ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Антон Сергеевич Душкин¹, Александра Михайловна Иванова²,
Садагат Гюльмирза-кызы Баширова³

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия

¹ dushkin-ac@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9139-1585>,

² ivanova_alex@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2267-7309>,

³ Казанский федеральный (Приволжский) университет, г. Казань, Россия, bashirova-sg@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0503-3920>

Аннотация. Психологическая категория «самооценка» является неотъемлемой частью формирования личности несовершеннолетнего в современном социуме. В целях повышения эффективности проведения индивидуальной профилактической работы с подростками необходимо учитывать особенности формирования и развития их самооценки. В статье рассматривается влияние семейного неблагополучия на формирование самооценки подростков, находящихся в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. Объектом исследования является самооценка подростков из благополучных и неблагополучных семей. Цель исследования – изучить особенности формирования самооценки в подростковом возрасте, в частности особенности самооценки подростков из неблагополучных семей. Эмпирическое исследование проводилось на базе Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по Псковской области и структурного подразделения «Средняя школа № 4» МБОУ «Центр образования Опочецкого района» Псковской области. Выборка исследования, состоящая из 60 несовершеннолетних, была разделена на две сравниваемые группы: с нормативным поведением и противоправным поведением. При диагностике особенностей самооценки подростков были использованы следующие методы и методики: структурированное интервью, тестирование (методика исследования самоотношения В. В. Столина, С. Р. Пантелеева; методика диагностики самооценки Дембо – Рубинштейн; опросник «Подростки о родителях» Л. И. Вассерман, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромицыной, методы математической статистики – корреляционный анализ). В результате эмпирического исследования установлено, что самооценка подростков из неблагополучных семей, находящихся в Центре временного содержания для несовершеннолетних

© Душкин А. С., Иванова А. М., Баширова С. Г., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

правонарушителей УМВД России по Псковской области, ниже, чем у подростков из благополучных семей, обучающихся в средней школе № 4, уровень притязаний средний. Данные подростки более самостоятельны и опираются на свои знания. В семье присутствует попустительский стиль воспитания. Среди подростков из благополучных семей, обучающихся в средней школе № 4, уровень самооценки и притязаний адекватный. В семье отношения построены на доверии и взаимопомощи. Результаты проведенного исследования имеют практическую значимость для сотрудников таких центров в рамках психологического сопровождения подростков в зависимости от особенностей их самооценки и воспитания в неблагополучной семье.

Ключевые слова: самооценка, делинквентное поведение, подростки, несовершеннолетние, психологическое сопровождение, неблагополучная семья

Для цитирования

Душкин А. С., Иванова А. М., Баширова С. Г. Особенности самооценки подростков из неблагополучных семей, находящихся в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 456–469. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.456-469.

Original article

FEATURES OF SELF-ESTEEM OF ADOLESCENTS FROM DISADVANTAGED FAMILIES IN A TEMPORARY DETENTION CENTER FOR JUVENILE OFFENDERS

Anton Sergeevich Dushkin¹, Aleksandra Mihajlovna Ivanova²,
Sadagat Gjul'mirza-kyzy Bashirova³

^{1,2} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

¹ dushkin-ac@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9139-1585>,

² ivanova_alex@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2267-7309>,

³ Kazan Federal (Volga Region) University, Kazan, Russia, bashirova-sg@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0503-3920>

Abstract. The psychological category "self-esteem" is an integral part of the formation of the personality of a minor in modern society. In order to increase the effectiveness of individual preventive work with adolescents, it is necessary to take into account the peculiarities of the formation and development of their self-esteem. The article examines the influence of family problems on the formation of self-esteem of adolescents in the CNS. The object of the study is the self-esteem of adolescents from prosperous and dysfunctional families. The purpose of the study is to study the features of the formation of self-esteem in adolescence, in particular, the features of self-esteem of adolescents from disadvantaged families who are in the CFS. The empirical study was conducted on the basis of the Central Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Pskov region and the structural unit "Secondary School No. 4" MBOU "Center of

Education of the Opochetsky district" of the Pskov region. The study sample, consisting of 60 minors, was divided into two comparable groups, with normative behavior and illegal behavior. The following methods and techniques were used to diagnose the peculiarities of adolescents' self-esteem: structured interview, testing (V. V. Stolina, S. R. Panteleeva's self-attitude research methodology; Dembo-Rubinstein's self-esteem diagnostic methodology; L. I. Wasserman, I. A. Gorkova, E. E. Romitsyna's questionnaire "Teenagers about parents", methods of mathematical statistics - correlation analysis). As a result of an empirical study, it was found that the self-esteem of adolescents from disadvantaged families who are in the TSVSNP of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Pskov region is lower than that of adolescents from prosperous families studying at Secondary School No. 4. The level of claims is at an average level. These teenagers are more independent and rely on their knowledge. There is a permissive parenting style in the family. Among teenagers from well-off families studying at Secondary School No. 4, the level of self-esteem and claims is adequate. Family relationships are built on trust and mutual assistance. The results of the study are of practical importance for the staff of the Central Educational Institution in the framework of psychological support of adolescents, depending on the characteristics of their self-esteem and upbringing in a dysfunctional family.

Keywords: self-esteem, delinquent behavior, adolescents, minors, psychological support, dysfunctional family

For citation

Dushkin, A. S., Ivanova, A. M. & Bashirova, S. G. 2022, 'Features of self-assessment of adolescents from dysfunctional families who are in a temporary detention center for juvenile offenders', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 456–469, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.456-469.

Введение

Актуальность исследования проблемы делинквентного поведения подростков определяется трансформацией его причин в современном обществе. Часто говорят о причинах, которые обнаруживаются в семейной среде и семейном воспитании, но очевидно, что этот вопрос является более сложным. Снижение внимания общества к проблемам воспитания нового поколения привело к неблагоприятным социальным последствиям, среди которых можно выделить: преступность несовершеннолетних, криминальную агрессивность, жестокость.

Самооценка – это общая оценка ценности человека, выраженная в положительной или отрицательной ориентации на себя. Ее развитие начинается с рождения и постоянно меняется под влиянием опыта [1]. Наиболее важна роль самооценки в подростковом возрасте. Особенности самооценки в подростковом возрасте рассматриваются в трудах А. Адлера, К. Хорни, А. Маслоу, К. Роджерса, Л. С. Выготского, И. И. Чесноковой, М. И. Лисиной. Исследователи акцентируют внимание на значимости положительной самооценки для любой деятельности подростков.

М. Rosenberg и сторонники теории социального обучения определили самооценку как устойчивое чувство собственного достоинства [2]. N. Emiler отмечает, «что самооценка – это часть нашей личности, и для того, чтобы повысить ее, нам нужно иметь чувство личной ценности, исходящее из тех жизненных проблем, которые демонстрируют наш успех» [3].

Согласно исследованиям психологов, в частности И. В. Дубровиной, «веским характерным, особенно для подростка, является в этом возрасте изменение отношения к самому себе, окрашивающее все его действия и поэтому выраженное достаточно заметно в большинстве случаев, хотя иногда и замаскировано, что, однако, не уничтожает его действенной роли» [4].

По мнению Д. И. Фельдштейна, «если самооценка подростка не находит опоры в социуме и потребность в самоуважении остается нереализованной, развивается резкое ощущение личностного дискомфорта. Одним из распространенных путей решения этой проблемы является переход подростка в группу, в которой характеристика его личности окружающими адекватна самооценке или даже превосходит ее. Описанный путь снятия противоречия между оценкой и самооценкой иногда может приводить к негативным последствиям, в зависимости от вида неформальной группы, в которую включается подросток» [5]. Самооценка подростка нередко нестабильна. Согласно исследованиям на подростковый возраст приходится самый противоречивый, конфликтный этап развития самооценки [6–8]. Самооценка имеет большое значение для развития в этот период, при этом семья и стиль семейного воспитания играют большую роль в формировании самооценки подростков.

Н. Карпан выявил прямую взаимосвязь между пониженной самооценкой и склонностью почти ко всем видам девиантного поведения у юношей [9]. В этом есть логика, так как человек склонен стремиться к своему идеальному Я, а неприятие себя – это психологический дискомфорт. В подростковом возрасте этот дискомфорт уменьшается через поиск себя в различных сферах социальной жизни, и нередко они социально неприемлемы [10]. Процессы, связанные с формированием и развитием самооценки, определяют границы взаимоотношений подростка с окружающим миром, способствуют его гармоничному развитию. Эти процессы должны быть не случайными, а плавными, чтобы подросток мог сформировать адекватную самооценку. Социальная ситуация, от которой зависит психическое развитие подростка, во многом определяется семьей. Родители и старшие члены семьи должны знать особенности подросткового возраста и стремиться помочь ребенку преодолеть трудности, относясь к будущему полноправному гражданину с любовью, уважением и доверием [11]. Способность понимать противоречивые факты и ситуации влияет на отношения между подростками и их родителями.

Зарубежными исследователями установлено, что агрессивные подростки сообщают о худшей самооценке и большей психологической дезадаптации, чем те, кто неагрессивен [12, 13]. М. Rosenberg определил, что более высокая самооценка в значительной степени определяется интересом родителей к своим собственным детям [2].

Значительный вклад в исследование психологического влияния неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних внесли А. И. Ушатиков и И. С. Ганишина [14]. И. С. Ганишина определила следующий механизм психологического воздействия неблагополучных семей на девиантное поведение несовершеннолетних: «Неблагополучная семья создает стрессовые и дистрессовые ситуации, способствует возникновению психической травмы, появлению психотравмирующего переживания, дезадаптации, формированию девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних» [15]. А. Ю. Киселева относит к неблагополучным «семьи с низким социальным статусом в какой-либо из сфер жизнедеятельности или нескольких одновременно, не справляющиеся с возложенными на них функциями воспитания» [16].

Жестокое обращение с детьми в семье является очень сильным предиктором подростковой преступности, потому что это приводит к последующим нарушениям в поведении детей, а следовательно, и к делинквентным действиям. Те же выводы были сделаны в результате исследований по влиянию бытового насилия, происходящего между родителями, на совершение противоправных действий детьми таких партнеров [17]. Среди других факторов, предикторов подростковой преступности в семейной сфере, некоторые авторы выделяют низкую вовлеченность родителей в деятельность своих детей и связанное с этим небольшое количество времени, проведенного вместе [18, 19].

Особое место занимает воспитание, заключающееся в незаинтересованности родителей в ребенке. S. Langery утверждает, что это воспитание приводит к эмоциональной депривации, которая характеризуется отсутствием эмоционального фона, развитию неадекватной самооценки [20]. Известно, что развитие личности подростка происходит через противоречия. Результатом их неправильного решения становится негативное мироотношение, искаженные установки, заниженная или низкая самооценка, недовольство собой и своей внешностью, что отражается в виде протеста подростка, перетекающего в правонарушающее поведение.

Одним из важных субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации являются центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП). В соответствии с приказом МВД России от 2 сентября 2012 г. № 839 «О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей» к основным задачам ЦВСНП относятся:

- обеспечение круглосуточного приема и временного содержания несовершеннолетних правонарушителей в целях защиты их жизни, здоровья и предупреждения повторных правонарушений;
- проведение индивидуальной профилактической работы с доставленными несовершеннолетними, выявление среди них лиц, причастных к совершению преступлений и общественно опасных деяний, а также установление обстоятельств, причин и условий, способствующих их совершению, информирование об этом соответствующих органов внутренних дел и других заинтересованных органов и учреждений;
- доставление несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также осуществление в пределах своей компетенции других мер по устройству несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП.

Сотрудникам ЦВСНП в воспитательной и психологической работе с подростками важно знать основы возрастной психологии и психологии семьи, в частности, проблемы идентичности человека в подростковом возрасте, эмоциональные переживания в этот период, моральные рассуждения, особенности формирования и диагностики самооценки [21]. С. В. Прокурова, А. В. Гайнуллина справедливо отмечают, что «психологическая помощь несовершеннолетним в условиях ЦВСНП имеет свою специфику. Во-первых, это узкие временные рамки (краткосрочность) нахождения подростков в особой стрессовой ситуации замкнутого пространства, возможность работать с детьми только в течение 30 дней, их изоляция от внешнего мира. Во-вторых, это огромная вариативность когнитивных, социальных, индивидуально-личностных особенностей контингента подростков группы риска» [22].

В. Л. Цветков, Т. А. Хрусталева считают, «что основной акцент в организации психологической работы с детьми и подростками, содержащимися в ЦВСНП, должен быть сделан на коррекцию системы ценностей личности, поскольку преступления соверша-

ются несовершеннолетними в силу роста потребительской ориентации на фоне утраты моральных ценностей, а также из-за потребности подростков во включении в обособленные группы на фоне нарушения отношений с окружающей средой обитания» [23].

Таким образом, организация индивидуальной профилактической работы с подростками, находящимися в ЦВСНП, должна быть полимодальна, то есть охватывать психологическую работу не только с подростками, но и с их родителями.

Методы исследования

При диагностическом обследовании нами использовались эмпирические методы: структурированное интервью, тестирование, методы математической статистики (корреляционный анализ). Для диагностики особенностей самоотношения несовершеннолетних мы использовали методику исследования самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев), для изучения самооценки – методику диагностики самооценки Дембо – Рубинштейн (Т. В. Дембо, С. Я. Рубинштейн), для диагностики детско-родительских отношений – опросник «Подростки о родителях» (Л. И. Вассерман, И. А. Горьковая, Е. Е. Ромицына). С целью обработки полученных в ходе диагностики данных использовалась программа SPSS Statistics (версия 22).

Эмпирическое исследование было проведено в марте – мае 2022 г. на базе ЦВСНП УМВД России по Псковской области и структурного подразделения «Средняя школа № 4» МБОУ «Центр образования Опочецкого района» (далее – СП «Средняя школа №4») Псковской области. Выборка исследования, состоящая из 60 несовершеннолетних, была разделена на две сравниваемые группы:

- обучающиеся СП «Средняя школа № 4» ($n = 30$, средний возраст – $16 \pm 1,04$);
- подростки, содержащиеся в ЦВСНП УМВД России по Псковской области ($n = 30$, средний возраст – $16 \pm 1,04$).

Результаты исследования

Результаты обследования подростков из неблагополучных семей, находящихся в ЦВСНП УМВД России по Псковской области, по методике Дембо – Рубинштейн представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровень самооценки и притязаний подростков из неблагополучных семей

Показатели шкалы методики Дембо – Рубинштейн	Значения показателей ($M \pm \delta$)	
	Уровень самооценки	Уровень притязаний
Уверенность в себе	39,53 \pm 23,873	75,27 \pm 18,986
Ум, способности	43,67 \pm 27,255	64,13 \pm 19,595
Характер	43,13 \pm 23,742	71,20 \pm 16,816
Авторитет у сверстников	50,40 \pm 32,749	66,13 \pm 23,385
Умение делать что-либо своими руками, умелые руки	42,27 \pm 27,461	78,60 \pm 14,989
Внешность	43,00 \pm 21,133	73,20 \pm 24,795
Значимость в семье	55,20 \pm 33,063	82,53 \pm 12,068

Данные шкал представлены в первичных баллах, интегральный показатель – в стенах. Анализ отдельных показателей методики свидетельствует о том, что уровень

самооценки у опрошенных низкий. Это говорит о наличии нездоровой самокритики и комплексов, которые в будущем приведут к проблемам в отношениях с окружающими, постановках целей на будущее. Средний уровень притязаний свидетельствует о том, что он выступает компенсаторным механизмом низкого уровня самооценки. Наиболее значимыми компонентами при построении уровня самооценки по результатам данного исследования являются авторитет у сверстников и значимость в семье. На уровень притязаний влияют умение делать что-либо своими руками, а также значимость в семье. Распределение уровней влияния ряда факторов на самооценку более детально представлены на рисунке 1, факторы, влияющие на уровень притязаний респондентов, – на рисунке 2.

Сопоставление полученных данных с предложенными для интерпретации позволяет сделать следующие выводы: значимая часть опрошенных (60 %) имеют средние зна-

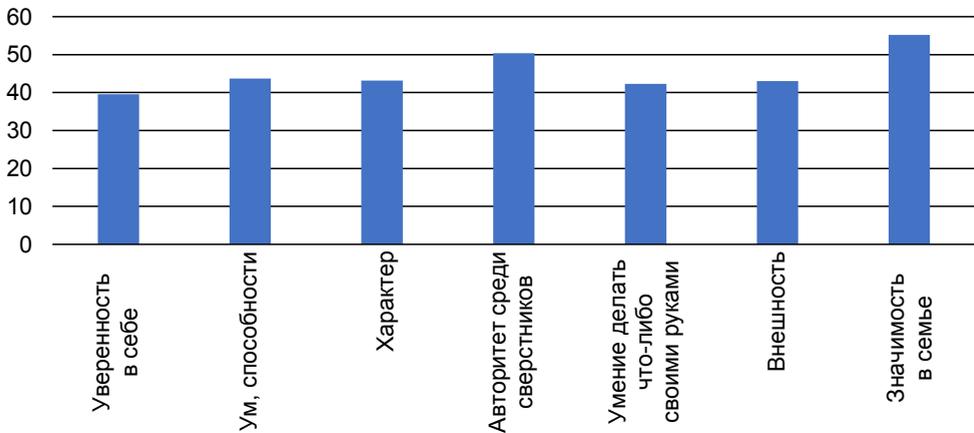

Рис. 1. Распределение уровней влияния факторов на самооценку подростков из неблагополучных семей, находящихся в ЦВСНП УМВД России по Псковской области

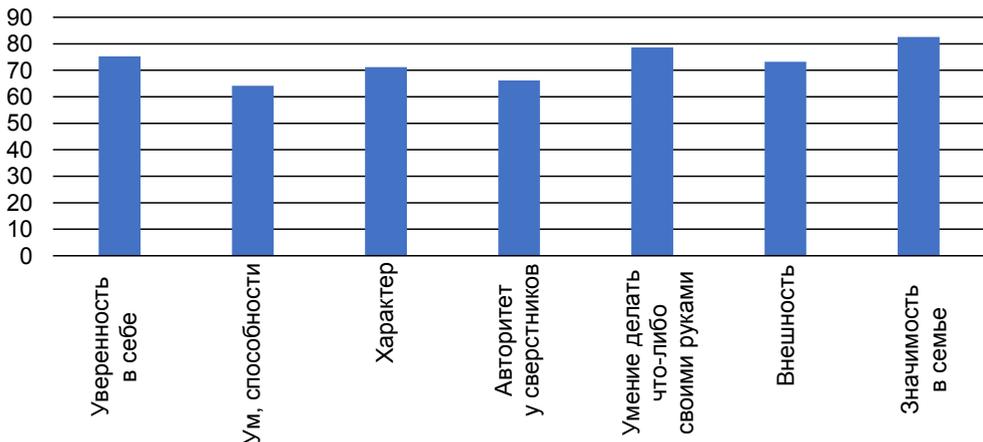

Рис. 2. Распределение уровней влияния факторов на притязания подростков из неблагополучных семей, находящихся в ЦВСНП УМВД России по Псковской области

чения уровня самооценки, то есть подростки оценивают себя адекватно. Показатели с низким уровнем самооценки (40 %) говорят о том, что подростки из неблагополучных семей часто принижают свои достоинства, возможности и качества. Значительная часть опрошенных (66,6 %) имеют реальный уровень притязаний. Подросток адекватно оценивает свои способности и потребности. Респонденты, чей уровень притязаний завышен (13,3 %), нереалистично оценивают себя, у них снижена самокритика. Показатели с низким уровнем (20 %) имеют заниженный уровень притязаний. Это говорит о том, что у подростков идет неправильное развитие личностных качеств и характера.

В таблице 2 представлены результаты обследования по методике исследования самоотношения подростков из неблагополучных семей, находящихся в ЦВСНП УМВД России по Псковской области. Как мы видим из результатов исследования, у всех респондентов преобладают средние значения по всем шкалам методики. Это свидетельствует о том, что, возможно, подростки давали социально желаемые ответы, а также полученные результаты могут являться проявлением компенсаторного механизма (когда подросток с заниженной самооценкой демонстрирует противоположную модель поведения).

Таблица 2

Показатели методики исследования самоотношения подростков из неблагополучных семей

Показатель	Значения показателей $M \pm \delta$ (выборка исследования)
Закрытость	$6,73 \pm 1,66$
Самоуверенность	$7,17 \pm 1,34$
Саморуководство	$7,77 \pm 1,61$
Отраженное самоотношение	$6,77 \pm 1,57$
Самоценность	$7,13 \pm 1,74$
Самопринятие	$6,80 \pm 1,75$
Самопривязанность	$7,43 \pm 0,90$
Внутренняя конфликтность	$4,63 \pm 2,97$
Самообвинение	$4,83 \pm 2,89$

Таблица 3

Оценка подростком из неблагополучной семьи системы воспитания

Показатели опросника «Подростки о родителях»	Значения показателей $M \pm \delta$ (выборка исследования)	
	Мать	Отец
Шкала позитивного интереса	$3,05 \pm 1,36$	$3,09 \pm 1,35$
Шкала директивности	$2,91 \pm 0,97$	$2,96 \pm 0,98$
Шкала враждебности	$3,45 \pm 1,18$	$3,48 \pm 1,16$
Шкала автономности	$2,91 \pm 1,11$	$2,87 \pm 1,10$
Шкала непоследовательности	$3,41 \pm 0,85$	$3,43 \pm 0,84$
Фактор близости	$2,45 \pm 1,47$	$2,48 \pm 1,44$
Фактор критики	$2,36 \pm 1,26$	$2,43 \pm 1,27$

В таблице 3 представлены результаты опросника «Подростки о родителях». Сопоставление полученных данных с предложенными для интерпретации позволяет сделать следующие выводы: по шкале позитивного интереса преобладает среднее значение как по отношению к отцу, так и по отношению к матери. Это говорит о том, что ребенок ищет близости с родителем, каким бы плохим он ни был. По шкале директивности преобладают низкие показатели. Из этого следует, что используется попустительский стиль воспитания ребенка. Результаты по шкале враждебности показывают, что в данной выборке родители не стараются сделать «идеального ребенка» и подросток не находится в состоянии повышенной тревожности и напряженности. По шкале автономности преобладают низкие значения. Данный результат говорит о том, что эти семьи относятся к автономному типу. Фактор близости имеет низкое значение. Данный результат подтверждает наличие трудностей в отношениях, «холодное» отношение к ребенку. Фактор критики имеет низкий уровень, что свидетельствует об использовании попустительского стиля воспитания.

Сравнительный анализ влияния благополучной и неблагополучной семьи на самооценку подростка был проведен с использованием t-критерия Стьюдента. Были рассчитаны и выделены значимые различия по шкалам следующих методик: методика исследования самооотношения, методика Дембо – Рубинштейн, опросник «Подростки о родителях», результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4

Сравнительный анализ влияния благополучной и неблагополучной семьи на самооценку подростка

Показатель	Значения показателей $M \pm \delta$		t	P
	Благополучные семьи	Неблагополучные семьи		
Уверенность в себе (самооценка)	68,63 ± 18,42	39,53 ± 23,87	5,29	0,00
Ум, способности (притязания)	87,17 ± 8,88	64,13 ± 19,60	5,87	0,00
Характер (самооценка)	70,77 ± 16,35	43,13 ± 23,74	5,25	0,00
Авторитет у сверстников (притязания)	84,07 ± 11,26	66,13 ± 23,39	3,79	0,00
Умение делать что-либо своими руками (самооценка)	70,10 ± 22,05	42,27 ± 27,46	4,33	0,00
Внешность (самооценка)	72,40 ± 15,35	43,00 ± 21,13	6,17	0,00
Самоуверенность	5,67 ± 1,61	7,17 ± 1,34	-3,93	0,00
Отраженное самооотношение	5,53 ± 2,13	6,77 ± 1,60	-2,55	0,01
Самопринятие	5,87 ± 1,70	6,80 ± 1,75	-2,10	0,40
Самопривязанность	6,00 ± 2,60	7,43 ± 0,90	-2,85	0,01
Самоценность	5,47 ± 1,70	7,13 ± 1,74	-3,56	0,00

Как видим из результатов сравнительного анализа, подростки из благополучных семей более уверены в себе ($t = 5,286$, $P = 0,000$; $t = 2,840$, $P = 0,006$), они выше оценивают свои способности ($t = 4,706$, $P = 0,000$; $t = 5,865$, $P = 0,000$). Показатель характера у детей из благополучных семей находится на среднем уровне, а у детей из не-

благополучных – на низком ($t = 5,251, P = 0,000$; $t = 3,205, 0,002$). Показатель по шкале «Авторитет у сверстников» свидетельствует о том, что подростки из неблагополучных семей оценивают свою значимость ниже, чем подростки из благополучных семей ($t = 3,054, P = 0,003$; $t = 3,785, P = 0,000$). По уровню самооценки показатели шкалы «Умение делать что-либо своими руками» свидетельствуют о том, что подростки из благополучных семей более высоко оценивают свои способности, чем подростки из неблагополучных семей ($t = 4,329, P = 0,000$). Важным фактором при формировании личности подростка является его внешность. Так, по шкале «Внешность» подростки из неблагополучных семей более высоко оценивают свою внешность ($t = 6,166, P = 0,000$; $t = 2,326, P = 0,024$). На протяжении всей жизни ребенка родители являются для него авторитетом и примером для подражания. Шкала «Значимость в семье» говорит о том, что дети из благополучных семей более ориентируются на свою семью и родителей, чем дети из неблагополучных семей ($t = 3,757, P = 0,000$). По шкале «Самоуверенность» показатели находятся в среднем значении, при этом у подростков из неблагополучных семей показатель выше ($t = -3,929, P = 0,000$). Это говорит о том, что подростки из неблагополучных семей более самостоятельны и надеются чаще всего на себя. По шкале «Саморуководство» результаты также имеют среднее значение, при этом у подростков из неблагополучных семей показатель выше ($t = -2,816, P = 0,007$). Это свидетельствует, что подростки из неблагополучных семей сами выстраивают свои цели, сами контролируют свои мысли и чувства. Из результатов по шкале «Отраженное самоотношение» ($t = -2,554, P = 0,013$) следует, что дети из неблагополучных семей подстраиваются быстрее под окружающую ситуацию из-за негативных факторов в семье. По результатам шкалы «Самопринятие» можно судить о том, что подростки в целом способны критично оценивать свои недостатки, при этом позитивно относятся к себе ($t = -2,097, P = 0,40$). Средние значения по шкале «Самопривязанность» свидетельствуют об избирательном отношении к своим личным свойствам, о стремлении к изменению лишь некоторых своих качеств при прочих других ($t = -2,854, P = 0,006$). Шкала «Самоценность» отражает избирательное отношение к себе ($t = -3,558, P = 0,001$). Подросток склонен высоко оценивать ряд своих качеств, признавать их уникальность.

Обсуждение

По результатам эмпирического исследования мы пришли к следующим выводам:

- у большинства опрошенных подростков из благополучных семей, обучающихся в СП «Средняя школа №4, средний уровень самооценки и реальный уровень притязаний, все сферы самосознания личности развиваются одинаково гармонично, преобладает демократический тип семьи;
- у большинства опрошенных подростков из неблагополучных семей, находящихся в ЦВСНП УМВД России по Псковской области, низкий уровень самооценки, при этом реальный уровень притязаний, средний уровень самоотношения, вызванный проявлением компенсаторного механизма (когда подросток с заниженной самооценкой демонстрирует противоположную модель поведения), в семье преобладает попустительский стиль воспитания;
- в результате сравнительного анализа установлено, что у опрошенных подростков из благополучных семей самооценка выше, при этом подростки из неблагополучных семей более самостоятельны и опираются на собственные силы.

На основе полученных результатов сформулированы практические рекомендации для психологов ЦВСНП по диагностике и коррекции самооценки подростков.

1. Следует принять во внимание, что крепкие отношения в семье и включенность в общественные отношения являются предикторами адекватной самооценки подростков.

Развитие, формирование и поддержание адекватной и позитивной самооценки необходимо рассматривать как ключевую задачу профилактической и психосоциальной работы с несовершеннолетними правонарушителями, поскольку именно самооценка занимает центральное место в прогнозировании психического здоровья и благополучия, а также улучшения здоровья и социального поведения.

2. Низкая самооценка и нарушение семейных и общественных отношений обуславливают дисфункции личности и неадаптивное поведение.

3. Психокоррекционные мероприятия, проводимые в групповом формате, направленные на повышение самооценки среди несовершеннолетних с девиантным поведением из неблагополучных семей, способствуют снижению риска противоправного поведения.

Список источников

1. Leavitt, P. A., Covarrubias, R., Perez, Y. A., & Fryberg, S. A. 2015, 'Frozen in time: The impact of Native American media representations on identity and self understanding', *Journal of Social Issues*, iss. 71, pp. 39–53.

2. Rosenberg, M. 1965, *Society and the adolescent self-image*, Princeton University Press, Princeton NJ.

3. Emler, N. 2001, *Self-Esteem: The Costs and Consequences of Low Self-Worth*, York Publishing Services, York, United Kingdom.

4. Дубровина И. В. Практическая психология образования : учебник. М. : Сфера, 2009. 528 с.

5. Фельдштейн Д. И. Психология развития личности в онтогенезе. М. : Педагогика, 1989. 208 с.

6. Тарасова Т. В., Арсентьева Е. В., Мухадинов В. Р. Особенности самооценки подростка в структуре неформальной группы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 3(23). С. 89–97.

7. Петрова Н. С., Дмитриева С. Н. Особенности самооценки у подростков из неблагополучных семей // Современное образование: традиции и инновации. 2019. № 2. С. 239–241.

8. Григорьева С. А. Семейное неблагополучие как главный фактор заниженной самооценки подростка // Аллея науки. 2019. Т. 2, № 11(38). С. 154–160.

9. Kaplan, H. B. 1975, *Self-Attitudes and Deviant Behavior*, Pacific Palisades, Calif.

10. Селихов С. Пол, возраст и конфликт // Журнал практического психолога. 1999. № 2. С. 32–38.

11. Адлер А. Индивидуальная психология и развитие ребенка : пер. с англ. М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2017. 165 с.

12. Minev, M., Petrova, B., Mineva, K., Petkova, M. & Strebkova, R. 2018, 'Self-esteem in adolescents. Trakia', *Journal of Science*, iss. 16, pp. 114–118, doi: 10.15547/tjs.2018.02.007.

13. Perez-Gramaje, A., Garcia, O., Reyes, M., Serra, E. & Garcia, F. 2020, 'Parenting Styles and Aggressive Adolescents: Relationships with Self-esteem and Personal Maladjustment', *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, iss. 12, pp. 1–10, doi: 10.5093/ejpalc2020a1.

14. Ганишина И. С., Ушатиков А. И. Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних : учеб. пособие. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : МОДЭК, 2006. 288 с.

15. Ганишина И. С. Влияние неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004. 174 с.

16. Киселева А. Ю. Влияние неблагополучных семей на самооценку подростков // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. № 7. С. 59–62.
17. Podaná, Z. 2011, Fenomén delikvence mládeže v České republice a středoevropském region, Národohospodářský ústav Josefa Hlávky, Praha.
18. Антипкина И. В. Исследования «родительской вовлеченности» в России и за рубежом // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1, № 4(41). С. 102–114.
19. Гошин М. Е., Григорьев Д. С., Мерцалова Т. А. Типы родительской вовлеченности в образование и успеваемость школьников // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 29–45.
20. Langer, S. 2008, *Mládež problémová, její typy a možnosti uplatnění: diagnostické, výchovné a profesionální modely*, Kotva, Hradec Králové.
21. Юренкова В. А., Душкин А. С. Психолого-педагогические особенности работы с подростками, находящимися в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей : учеб.-метод. пособие. СПб. : С.-Петербур. ун-т МВД России, 2015. 100 с.
22. Прокурова С. В., Гайнуллина А. В. Психологическая помощь подросткам с девиантным поведением, находящимся в центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 2(77). С. 150–157. DOI: 10.24411/1999-6241-2019-12004.
23. Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Психологические причины и условия отклоняющегося поведения подростков, находящихся в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 3(51). С. 400–406. DOI: 10.46741/2686-9764-2020-14-400-406.

References

1. Leavitt, P. A., Covarrubias, R., Perez, Y. A., & Fryberg, S. A. 2015, 'Frozen in time: The impact of Native American media representations on identity and self understanding', *Journal of Social Issues*, iss. 71, pp. 39–53.
2. Rosenberg, M. 1965, *Society and the adolescent self-image*, Princeton University Press, Princeton NJ.
3. Emler, N. 2001, *Self-Esteem: The Costs and Consequences of Low Self-Worth*, York Publishing Services, York, United Kingdom.
4. Dubrovina, I. V. 2009, *Practical psychology of education: textbook*, Sphere, Moscow.
5. Fel'dshtejn, D. I. 1989, *Psychology of personality development in ontogenesis*, Pedagogy, Moscow.
6. Tarasova, T. V., Arsent'eva, E. V. & Muhadinov, V. R. 2013, 'Features of a teenager's self-esteem in the structure of an informal group', *Humanitarian: actual problems of humanities and education*, iss. 3(23), pp. 89–97.
7. Petrova, N. S. & Dmitrieva, S. N. 2019, 'Features of self-esteem in adolescents from disadvantaged families', *Modern education: traditions and innovations*, iss. 2, pp. 239–241.
8. Grigor'eva, S. A. 2019, 'Family problems as the main factor of low self-esteem of a teenager', *Alley of Science*, vol. 2, iss. 11(38), pp. 154–160.
9. Kaplan, H. B. 1975, *Self-Attitudes and Deviant Behavior*, Pacific Palisades, Calif.
10. Selikhov, S. 1999, 'Gender, age and conflict', *Journal of a Practical psychologist*, iss. 2, pp. 32–38.
11. Adler, A. 2017, *Individual psychology and child development, translated from English*, Institute of General Humanitarian Research, Moscow.

12. Minev, M., Petrova, B., Mineva, K., Petkova, M. & Strebkova, R. 2018, 'Self-esteem in adolescents. Trakia', *Journal of Science*, iss. 16, pp. 114–118, doi: 10.15547/tjs.2018.02.007.
13. Perez-Gramaje, A., Garcia, O., Reyes, M., Serra, E. & García, F. 2020, 'Parenting Styles and Aggressive Adolescents: Relationships with Self-esteem and Personal Maladjustment', *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, iss. 12, pp. 1–10, doi: 10.5093/ejpalc2020a1.
14. Ganishina, I. S. & Ushatkov, A. I. 2006, *Dysfunctional family and deviant behavior of minors: textbook*, Moscow Psychological and Social Institute, MODEK, Moscow, Воронеж.
15. Ganishina, I. S. 2004, *The influence of a dysfunctional family on the deviant behavior of minors*: PhD thesis (Psychology), Ryazan, 174 с.
16. Kiseleva, A. Yu. 2013, 'The influence of dysfunctional families on the self-esteem of adolescents', *Priority scientific directions: from theory to practice*, iss. 7, pp. 59–62.
17. Podaná, Z. 2011, *Fenomén delikvence mládeže v České republice a středoevropském region*, Národohospodářský ústav Josefa Hlávky, Praha.
18. Antipkina, I. V. 2017, 'Studies of "parental involvement" in Russia and abroad', *Domestic and foreign pedagogy*, vol. 1, iss. 4(41), pp. 102–114.
19. Goshin, M. E., Grigor'ev, D. S. & Mercalova, T. A. 2019, 'Types of parental involvement in education and school performance', *Psychology issues*, iss. 2, pp. 29–45.
20. Langer, S. 2008, *Mládež problémová, její typy a možnosti uplatnění: diagnostické, výchovné a profesionální modely*, Kotva, Hradec Králové.
21. Jurenkova, V. A. & Dushkin, A. S. 2015, *Psychological and pedagogical features of working with adolescents in temporary detention centers for juvenile offenders: educational and methodological manual*, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg.
22. Prokurova, S. V. & Gajnullina, A. V. 2019, 'Psychological assistance to adolescents with deviant behavior who are in a temporary detention center for juvenile offenders', *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, vol. 24, iss. 2(77), pp. 150–157, doi: 10.24411/1999-6241-2019-12004.
23. Cvetkov, V. L. & Hrustaleva, T. A. 2020, 'Psychological causes and conditions of deviant behavior of adolescents in juvenile delinquent detention centers', *Penitentiary Science*, vol. 14, iss. 3(51), pp. 400–406, doi: 10.46741/2686-9764-2020-14-400-406.

Информация об авторах

А. С. Душкин – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии;

А. М. Иванова – кандидат психологических наук, заместитель начальника кафедры педагогики и психологии;

С. Г. Баширова – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и методики обучения праву.

Information about the authors

A. S. Dushkin – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology;

A. M. Ivanova – Candidate of Psychological Sciences, Deputy Head of the Department of Pedagogy and Psychology;

S. G. Bashirova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 08.03.2022; одобрена после рецензирования 13.04.2022; принята к публикации 18.08.2022.

The article was submitted 08.03.2022; approved after reviewing 13.04.2022; accepted for publication 18.08.2022.

Научная статья

УДК 343.847

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.470-484

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ОСУЖДЕННЫМИ К НАКАЗАНИЯМ, НЕ СВЯЗАННЫМ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

Николай Владимирович Ольховик¹,

¹ Юридический институт Томского государственного университета, г. Томск, Россия,
lawtsu@rambler.ru

Аннотация. Предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете, является одной из задач уголовно-исполнительных инспекций. В статье обращается внимание на специфику предупреждения рецидивной преступности и проведения воспитательной работы с осужденными без изоляции от общества. Определяются основные меры предупреждения рецидивной преступности осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества: криминологическое прогнозирование; проведение профилактических бесед; контроль за каждым из них по месту жительства, работы или учебы; применение мер ответственности к нарушителям порядка и условий отбывания наказаний и мер уголовно-правового характера; широкое внедрение технических средств контроля и надзора в отношении лиц, отбывающих ограничение свободы, а при необходимости проведение первоначальных розыскных мероприятий и воспитательной работы. Обозначаются проблемы предупреждения рецидивной преступности и проведения воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях: недостаточное кадровое, правовое и ресурсное обеспечение. Предлагаются варианты решения рассмотренных проблем.

Ключевые слова: наказания без изоляции осужденных от общества, предупреждение преступлений, профилактическая работа, криминологическое прогнозирование, средства исправления, воспитательная работа, уголовно-исполнительные инспекции

Для цитирования

Ольховик Н. В. Меры предупреждения рецидивной преступности и воспитательная работа с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 470–484. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.470-484.

Original article

MEASURES TO PREVENT RECIDIVISM AND EDUCATIONAL WORK WITH THOSE SENTENCED TO PUNISHMENTS NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY

Nikolaj Vladimirovich Ol'hovik¹,

¹ Tomsk State University Law Institute, Tomsk, Russia, lawtsu@rambler.ru

Abstract. Prevention of crimes and other offenses by registered persons is one of the tasks of criminal enforcement inspections. Attention is drawn to the specifics of preventing recidivism and conducting educational work with convicts without isolation from society. The main measures to prevent recidivism of convicted persons to punishments not related to isolation from society are determined: criminological forecasting; conducting preventive interviews; monitoring each of them at the place of residence, work or study; application of liability measures to violators of the order and conditions of serving sentences and measures of a criminal nature; widespread introduction of technical means of control and supervision of persons serving restriction of liberty, and, if necessary, carrying out initial investigative measures and educational work. The problems of preventing recidivism and conducting educational work with convicts who are registered in criminal enforcement inspections are identified: insufficient personnel, legal and resource support. Solutions to the considered problems are proposed, the essence of which (in a generalized form) is reflected in the provisions of this article.

Keywords: punishments without isolation of convicts from society, crime prevention, preventive work, criminological forecasting, means of correction, educational work, criminal enforcement inspections

For citation

Ol'hovik, N. V. 2022, 'Measures to prevent recidivism and educational work with those sentenced to punishments not related to isolation from society', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 470–484, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.470-484.

Гуманизация уголовной и уголовно-исполнительной политики в Российской Федерации подтверждается снижением количества приговоров к лишению свободы за счет расширения практики назначения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, преобладающее большинство которых исполняют уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России).

Существенное увеличение криминогенного состава и численности осужденных, которым назначены наказания без изоляции от общества, вызывает необходимость обращения внимания на их качественное исполнение и достижение целей исправления осужденных и предупреждения совершения ими новых преступлений. Актуальность подобных исследований подтверждается и состоянием рецидивной преступности сре-

ди осужденных, свидетельствующим о росте количества возбужденных уголовных дел в отношении подучетных лиц за период с 2017 по 2021 год с 3 до 4,8 %¹.

Между тем рост количества совершенных преступлений всегда побуждает ученых и практиков к поиску путей решения возникшей проблемы [1, с. 690]. В связи с этим актуальными представляются исследования вопросов предупреждения преступлений, совершаемых рассматриваемыми категориями осужденных, а также проводимой профилактической и воспитательной работы с ними с целью выявления и устранения причин и условий, способствующих их совершению.

В соответствии с Положением об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативе их штатной численности, утвержденным постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729, предупреждение преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете в инспекциях, является одной из задач уголовно-исполнительных инспекций. Вместе с тем «предупреждение преступлений» – это довольно емкое понятие, включающее в себя их профилактику, предотвращение и пресечение [2, с. 333–335]. Ввиду того что именно профилактика является приоритетным направлением борьбы с преступностью [3, с. 191], в статье будет сделан акцент на предупредительной работе с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией их от общества, как составной части этой важной деятельности.

Вопросы предупреждения преступлений постоянно становятся предметом обсуждения в ходе международных и региональных конференций, научных дискуссий, проходящих на различных площадках, что свидетельствует об актуальности данной деятельности в Российской Федерации [4–6]. За рубежом данное направление также не остается без внимания, что подтверждается научными публикациями, посвященными криминологическим аспектам предупреждения преступлений [7–11]. Следует отметить, что профилактическая и воспитательная работа с осужденными без изоляции от общества имеет определенную специфику, так как человек находится на свободе и, как правило, в прежней социальной среде. В частности, И. В. Дворянсков рассматривает это как негативный фактор, подкрепляя свою позицию тем, что осужденный продолжает оставаться под влиянием тех же условий, которые и привели его к совершению преступления [12, с. 21].

Действительно, у осужденного, с одной стороны, не изменяется привычный уклад жизни, он не изолирован от внешней макро- и микросреды, что может способствовать совершению им дальнейших правонарушений, с другой – сохраняются социально полезные связи, имеется возможность выбора места жительства, сферы ведения трудовой деятельности, что положительным образом может сказаться на личности правонарушителя. Иными словами, отсутствие изоляции от общества не всегда влечет за собой негативные последствия, способствующие совершению преступления. В данном контексте, на наш взгляд, наиболее важным представляется знание личностных особенностей конкретного осужденного. Как справедливо отмечается в литературе, анализ индивидуальных данных преступника, таких как отношение к наказанию, трудовой деятельности, к окружающим людям, позволяет спрогнозировать возможные варианты поведения граждан как в ходе отбывания наказания, так и в дальнейшем [13, с. 657]. В связи с этим еще при принятии приговора к исполнению, до первоначальной беседы с осужденным вполне реально, изучив судебное решение, предположить варианты его

¹ См.: Статистические данные с интернет-сайта ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics>.

поведения во время отбывания наказания. Например, на практике с 2003 г. по настоящее время составляется индивидуальный прогноз поведения условно осужденных по методике «Портрет» [14]. Суть такой методики заключается в выставлении баллов по определенным критериям, указанным в формуляре (преступление, за которое лицо осуждено, факт осуждения на момент совершения преступления, соучастие в преступлении, возраст, образование, семейное положение и др.), которые при суммировании определяют незначительную, среднюю либо высокую вероятность возможного совершения преступления в период или после испытательного срока. Она стала первым подобным алгоритмом, внедренным в практическую деятельность сотрудников уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России в 2008 г., прогнозирующим индивидуальное поведение условно осужденных. Спустя более чем 15 лет, в связи с изменением социальных процессов и самого общества в целом, методика «Портрет» была переработана Кузбасским институтом ФСИН России, апробирована и вновь внедрена в деятельность инспекций. Предложенные схемы прогноза поведения личности осужденного были позитивно восприняты территориальными органами ФСИН России, и было принято решение адаптировать ее для применения ко всем категориям осужденных лиц, стоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций. Эту инициативу взял на себя ФКУ НИИ ФСИН России (далее – НИИ) и разработал на основе методики «Портрет» аналогичную, дополненную, охватывающую все категории осужденных, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций. Методика НИИ была апробирована в уголовно-исполнительных инспекциях и тоже получила ряд предложений для доработки. Учитывая поступившие предложения из территориальных органов ФСИН России, НИИ в 2020–2021 гг. разработал несколько методик индивидуального криминологического прогнозирования, каждая из которых рассчитана на индивидуальное криминологическое прогнозирование поведения отдельной категории совершеннолетних осужденных без изоляции от общества [15–19]. Разработанные методики учитывают, что каждая категория осужденных к тому или иному наказанию или к иной мере уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, исходя из общепризнанных положений криминологической науки о социальной обусловленности преступного поведения человека и взаимосвязи социально-психологических и нравственно-психологических его детерминант обладает существенными особенностями, которые влияют на их поведение и могут быть не свойственны осужденным к другому наказанию или иной мере уголовно-правового характера.

Рассматриваемый метод криминологического прогнозирования в юридической литературе подвергался обоснованной критике со стороны отдельных ученых в связи с его применением только в отношении условно осужденных, а также отсутствием каких-либо специальных критериев применительно к несовершеннолетним правонарушителям [20, с. 155]. Не углубляясь в научную дискуссию по данному вопросу, на наш взгляд, целесообразно было бы отметить, что другие методы криминологического прогнозирования на практике фактически не применяются, и это продолжает оставаться неразрешенной проблемой. В связи с этим полагаем важным внедрение в практику деятельности УИИ новых методов криминологического прогнозирования преступности осужденных, состоящих на учетах, которые позволили бы еще на ранних этапах исполнения приговора выявить граждан, склонных к совершению преступлений. Аргументом, подкрепляющим целесообразность их использования сотрудниками инспекций в перспективе, являются проведенные в последние годы научные разработки, касающиеся отдельных методик

индивидуального криминологического прогнозирования поведения лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества [21, с. 60].

Учет личностных особенностей осужденных в контексте предупреждения совершения ими преступлений можно усилить за счет проведения с ними целевых бесед. Такая беседа определяется как устное получение сведений в процессе личного общения с осужденным путем ведения с ним тематически направленного разговора [22, с. 270]. К ней желательно тщательно готовиться, изучать все имеющиеся материалы в отношении подучетного лица, административную практику, иной характеризующий материал, собранный участковым уполномоченным полиции в ходе посещения по месту жительства, работы или учебы, выявлять пробелы в существующих сведениях, планировать, какие обстоятельства необходимо выяснить или уточнить определять цель беседы, круг ее вопросов, которые в обязательном порядке должны быть затронуты. По нашему мнению, эффективность профилактической беседы с осужденным во многом зависит от компетентности сотрудника, а также наличия необходимого временного ресурса. Первый аспект напрямую зависит от уровня профессионального образования сотрудника, его опыта, авторитета в коллективе УИИ. В ходе проведения профилактических бесед сотрудники УИИ могут столкнуться с конфликтными, неординарными ситуациями, решение которых зависит не только от знаний норм закона, но и от определенного уровня познаний в области педагогики, общей и пенитенциарной психологии. Что касается времени, отводимого на проведение профилактических бесед с осужденными, то в условиях постоянно возрастающей нагрузки на сотрудников филиалов УИИ их проведение становится мероприятием, ограниченным определенными рамками. Так, в ряде субъектов Российской Федерации численность осужденных, контролируемых одним инспектором, составляет свыше 100 чел., что напрямую влияет на качество проводимых профилактических мероприятий. Действующие Методические основы нормирования труда сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, разработанные А. Ш. Габараевым, показали, что для надлежащего исполнения служебных задач по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера общая численность работников (10 446) явно недостаточна и должна составлять 15 776 ед., то есть не менее 3,6 % среднегодовой численности осужденных [23, с. 17]. Аналогичный результат был получен нами в 2008–2009 гг. при исследовании трудоемкости функций, выполняемых сотрудниками УИИ [24, с. 89–90]. Исходя из этого можно предположить, что сотрудники УИИ далеко не всегда могут проверять подучетных лиц свыше установленной в ведомственных актах минимальной периодичности. Как нам представляется, особенно проблематично осуществлять анализируемые мероприятия в условиях нехватки рабочего времени, а также в сельской местности, где сотрудники одного филиала контролируют осужденных, проживающих в различных муниципальных образованиях, нередко расположенных на значительном удалении друг от друга. Указанные обстоятельства в целом негативно отражаются на общем состоянии работы по предупреждению преступлений среди осужденных без изоляции от общества.

К числу мер предупреждения рецидивной преступности осужденных без изоляции от общества относятся и первоначальные розыскные мероприятия. Лица, скрывающиеся от контроля и уклоняющиеся от исполнения наказаний, находятся в группе риска, поскольку вероятность совершения ими новых преступлений весьма высока. В подобных случаях необходимо своевременно принимать меры, способствующие их обнаружению. На протяжении последних лет набравшим вопросом стало проведение

первоначальных розыскных мероприятий в отношении осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью [25; 26, с. 55]. В отечественном уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует указание на необходимость их проведения, что является, по сути, законодательным пробелом. Кроме того, не предусматривается какая-либо серьезная ответственность осужденных к данному наказанию в случае, если он не является в УИИ для постановки на учет, изменил место работы или жительства без уведомления инспекции, то есть скрывается от контроля. По месту работы осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью необходимо контролировать, как минимум, один раз в шесть месяцев, что, на наш взгляд, явно недостаточно для предупреждения их преступного поведения. Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел в отношении лиц, осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, за последние 5 лет отражают рост уровня рецидивной преступности данной категории с 8 до 23,5 %. Подобное увеличение почти втрое уже само по себе подчеркивает необходимость совершенствования правовой регламентации процесса исполнения и отбывания этого вида уголовного наказания, а также мер предупреждения рецидивной преступности анализируемой категории осужденных. На основании изложенного представляется справедливым введение для данных осужденных ответственности за уклонение от контроля, предусмотрев в законодательстве норму, согласно которой в срок отбывания наказания не будет засчитано время, когда осужденный скрывался от контроля инспекции, вне зависимости от того, занимал ли он запрещенные должности (занимался запрещенной деятельностью) или нет, увеличение количества проверок по месту работы – не реже одного раза в месяц.

Следует согласиться с П. Н. Красоткиным в том, что применение мер юридической ответственности к осужденным за нарушение порядка и условий отбывания наказаний и мер уголовно-правового характера является сдерживающим фактором, направленным на снижение количества правонарушений и поддержание надлежащего правопорядка среди осужденных [27, с. 84]. В научных изданиях отмечается отсутствие единого подхода к порядку привлечения осужденных к ответственности за нарушение порядка и условий отбывания наказания, а также то, что единственной мерой взыскания, применяемой к ним, предусмотренной законодательством, является предупреждение о возможной замене наказания более строгим [28, с. 61–62]. Представляется, что такая позиция заслуживает внимания. УИК РФ, регламентируя, например, исполнение наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, содержит дефиницию «злостное уклонение». Исходя из толкования ст. 30, 46, 58 УИК РФ в качестве злостного уклонения можно расценивать поведение осужденного, который явно избегает или игнорирует официальные предупреждения об ответственности за неисполнение требований приговора, продолжает допускать нарушения и всячески скрывается от контроля. Вместе с тем становится не совсем понятным, почему в действующем законодательстве категория «злостное уклонение» не применяется к лицам, отбывающим наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Полагаем целесообразным предусмотреть в нормах действующего УИК РФ ответственность таких осужденных за злостное уклонение от отбывания наказания (назначенного в качестве основного) и обязательность внесения представления в суд о замене данного наказания на лишение свободы.

Применение технических средств контроля и надзора в отношении осужденных к ограничению свободы является важной мерой предупреждения рецидивной преступности. Внедрение в деятельность УИИ системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее – СЭМПЛ) в первую очередь обеспечивает недопущение нарушений со стороны осужденных, а также их своевременное выявление, что влияет на динамику рецидивной преступности [29, с. 54]. Разработанная нами методика криминологического прогнозирования актуальна и для данной категории лиц. Согласно ч. 1 ст. 60 УИК РФ использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля является правом УИИ, следовательно, распространяется не на всех осужденных к ограничению свободы. Криминологический прогноз поведения осужденных к ограничению свободы может лежать и в основе применения или неприменения в отношении их СЭМПЛ.

Отмечая перспективность применения системы электронного мониторинга в вопросах предупреждения рецидивной преступности, укажем, что на практике имеются серьезные проблемы правовой оценки и правовых последствий нарушений, зафиксированных с помощью СЭМПЛ и связанных с уклонением осужденных от ограничений, установленных судом в соответствии со ст. 53 УК РФ. На первый взгляд выявленные с помощью СЭМПЛ нарушения являются хорошей доказательной базой при возложении дополнительных ограничений и замене данного наказания на лишение свободы. На самом деле далеко не всегда судебные инстанции принимают во внимание факты нарушений со стороны осужденных к ограничению свободы, полученные при помощи оборудования СЭМПЛ, и не расценивают их как достаточное доказательство вины подконтрольного лица. На наш взгляд, связано это в первую очередь с частыми техническими сбоями используемого оборудования. Кроме того, сотрудники УИИ сталкиваются с требованием суда о предоставлении документа, подтверждающего исправность технических средств, исключаящую вероятность факта технического сбоя на момент совершения нарушения [30, с. 7–8].

В ходе эксплуатации технических средств контроля и надзора нередко встречаются функциональные сбои электронных механизмов, которые могут приводить к ложным срабатываниям и появлению сигнала о нарушении. Подобное может объясняться плохим картографическим покрытием, применяемым в СЭМПЛ. В связи с этим сотрудникам инспекций практически невозможно сделать достоверный вывод о наличии или отсутствии нарушения условий отбывания наказания. На практике встречаются многочисленные факты умышленного повреждения и выведения из строя технических средств осужденными, что вызывает существенные проблемы в их использовании. С точки зрения уголовно-исполнительного законодательства это не является нарушением, а ответственность осужденных сводится к возмещению причиненного материального ущерба в соответствии со ст. 1064 ГК РФ. Практика деятельности УИИ показывает, что далеко не всегда возможно взыскать денежную компенсацию за испорченные электронные средства с осужденных, так как нередко у них отсутствует постоянный источник дохода либо имущество, на которое можно обратиться взыскание. Полагаем, что необходимость корректировки уголовно-исполнительного законодательства и закрепления факта умышленной порчи технических средств контроля и надзора в качестве нарушения установленного порядка отбывания анализируемого вида наказания является более чем актуальным.

Учитывая в целом положительный эффект от применения СЭМПЛ в целях предупреждения преступного поведения осужденных к ограничению свободы, корректно было

бы предложить расширение перечня категорий осужденных без изоляции от общества, к которым могли бы применяться аудиовизуальные и технические средства контроля и надзора. К таковым можно отнести условно осужденных, больных наркоманией, в отношении которых применена отсрочка исполнения наказания, а также освобожденных условно-досрочно. При этом важно сохранить право за УИИ на применение либо неприменение анализируемого оборудования к отдельным категориям осужденных без изоляции от общества с учетом методов криминологического прогнозирования.

Следующим, не менее важным аспектом совершенствования деятельности УИИ по предупреждению преступлений осужденных, состоящих на учете в УИИ, является профилактический учет. Суть его заключается в выявлении лиц с потенциальной вероятностью противоправного поведения, а также дальнейшей индивидуальной работе с ними и их ближайшим окружением. Данная деятельность, по нашему мнению, невозможна без участия штатного психолога УИИ, который с помощью проведения групповых и индивидуальных психологических тестирований способствует выявлению лиц, склонных к совершению преступлений.

Вне внимания сотрудников УИИ не должны оставаться осужденные, которые на основании возрастных особенностей, уголовной, криминологической, уголовно-исполнительной, психолого-педагогической и медицинской характеристик могут быть еще с момента постановки на учет УИИ отнесены к той или иной категории профилактического учета. В качестве таковых могут быть лица, склонные к деструктивному поведению, несовершеннолетние, граждане, нуждающиеся в лечении от алкоголизма или наркомании (по решению суда), лица с психическими отклонениями, не исключающими вменяемости, осужденные за преступления против половой неприкосновенности, ранее находившиеся в местах лишения свободы, ранее объявленные в розыск, лица, допускающие систематические нарушения установленного порядка отбывания наказания. Проведение данной работы, как нам представляется, целесообразно было бы урегулировать на уровне ведомственных нормативных актов.

Переходя к рассмотрению проблем воспитательной работы с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, следует обратить внимание на соотношение понятий «воспитательная работа» и «предупреждение преступлений», которые на практике необоснованно подменяются, что, на наш взгляд, связано с отсутствием их четкой законодательной регламентации [31, с. 23]. Нами разделяется мнение о том, что с криминологической точки зрения воспитательную работу можно рассматривать как одну из мер предупреждения преступлений [32, с. 62]. В то же время полагаем, что воспитательная работа с осужденными, состоящими на учете в УИИ, по сравнению с предупреждением, является более объемной деятельностью, так как она при успешном применении обеспечивает не только предупреждение преступлений, но и исправление осужденных. В отличие от предупреждения, цель которого сохранить исходное состояние, не допустить совершения правонарушений, воспитание предполагает качественные изменения личности. Анализируемая деятельность носит ярко выраженный психолого-педагогический характер, но, поскольку воспитательная работа с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, организуется в рамках уголовно-исполнительного процесса, ее ключевые аспекты в обязательном порядке должны быть строго регламентированы законодательством.

В настоящее время сложилась определенная практика проведения различных воспитательных мероприятий филиалами УИИ, в рамках которой реализуются основные

направления этой деятельности – нравственное, правовое, трудовое [33]. Содержание воспитательной работы изменяется в зависимости от вида наказания или меры уголовно-правового характера. Так, основным направлением воспитательной работы с осужденными к исправительным работам является трудовое, акцент при работе с ними делается на соблюдении правил трудового распорядка организаций, в которых они работают. В отношении осужденных с отсрочкой отбывания наказания в порядке ст. 82.1 УК РФ в качестве основного выступает нравственное воспитание, направленное на сохранение здоровья осужденных, регулярное прохождение курса лечения или реабилитации. С осужденными к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сотрудниками УИИ проводятся воспитательные мероприятия, в первую очередь в рамках правового направления анализируемой деятельности.

Учитывая то обстоятельство, что большую часть среди отбывающих данное наказание составляют граждане, осужденные по ст. 264.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, которое ранее подвергалось административному наказанию за аналогичное деяние, работа прежде всего направлена именно на них. В этих целях организуются встречи с представителями ГИБДД, в ходе которых правонарушители информируются о последних изменениях правил дорожного движения, а также законодательства в данной сфере, о состоянии аварийности на дорогах в России, в конкретном регионе; у осужденных без изоляции от общества также имеется возможность получения ответов на интересующие их вопросы.

Следует отметить, что воспитательная работа начинается с момента постановки осужденного на учет и продолжается весь период отбывания наказания или меры уголовно-правового характера. В условиях нахождения осужденных на свободе преобладает индивидуальная форма воспитательной работы, когда деятельность субъектов и участников направлена на личность конкретного осужденного, а работа с группами осужденных, имеющая обширную практику в рамках служб пробации за рубежом, в отечественных УИИ сведена к минимуму.

Анализ действующего правового регулирования и изучение практики воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ, позволяет говорить о том, что, во-первых, в действующих нормативных правовых актах не определены основные направления, формы и периодичность ее проведения; не установлены формы взаимодействия УИИ и государственных органов, общественных организаций, а также администрации учреждений, в которых работают либо обучаются осужденные; во-вторых, преобладающей формой воспитательной работы в УИИ является беседа, при этом иные психолого-педагогические мероприятия проводятся в основном в отношении несовершеннолетних, что свидетельствует о смещении акцента в сторону отдельных категорий осужденных.

Анализируемые нами проблемы нашли свое отражение в научных трудах А. Ш. Габараева, Р. С. Даниелян, П. Н. Красоткина, А. В. Новикова, И. Н. Смирновой, О. Н. Уварова и других ученых. Ими справедливо, на наш взгляд, констатируется низкий уровень правового регулирования воспитательной работы, который существенно влияет и на состояние практической деятельности по ее организации. В частности, А. Ш. Габараев указывает на то, что сотрудники УИИ фактически осуществляют всего лишь контроль за осужденными, при этом воспитательной работе отводится второстепенное значение по причине отсутствия нормативной базы, регулирующей данный аспект деятельности

[34, с. 30]. С подобным утверждением нельзя не согласиться, ведь с момента принятия действующего УИК РФ в 1996 г., несмотря на существенное изменение уголовной и уголовно-исполнительной политики в сторону ее гуманизации, в нем по-прежнему содержатся лишь декларативные нормы, предписывающие УИИ обязанность проведения воспитательной работы (ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 39, ч. 6 ст. 471 УИК РФ). Такое состояние правового регулирования С. М. Воробьев рассматривает как нарушение системного подхода к установлению единообразного механизма воспитательного воздействия на осужденных [35, с. 364].

Как нам представляется, отправной точкой в решении указанного вопроса могут стать подготовка и принятие правовых норм, предписывающих определенную периодичность осуществления конкретных воспитательных мероприятий. Например, для лиц, поставленных на профилактический учет, проводить воспитательные мероприятия желательно не реже двух раз в месяц, а для всех остальных категорий – ежемесячно. Следует привлекать к участию в воспитательной работе родственников и близких осужденных, в частности, создавать родительские комитеты для воздействия на несовершеннолетних осужденных при каждом филиале УИИ. Считаем возможным закрепить такие основные направления воспитательной работы, как правовое, трудовое и нравственное, а также перечень форм воспитательной работы – беседа (ознакомительная, промежуточная, оценочная); лекция; тематическая дискуссия; просмотр и обсуждение видеофильмов; тематические беседы с представителями общественных организаций и религиозных конфессий; посещение кинотеатров, концертов, театров, музеев, выставок; оформление информационных стендов; проведение викторин, конкурсов; юридическое консультирование; физкультурно-спортивные состязания; иные мероприятия по усмотрению УИИ.

С учетом недавних законодательных изменений, связанных с отнесением функции контроля за условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы к ведению уголовно-исполнительных инспекций, а также разработки законопроекта «О пробации в Российской Федерации» проведение воспитательной работы на различных этапах пробации, в том числе на постпенитенциарном уровне – при различных видах досрочного освобождения из исправительных учреждений, целесообразно закрепить со всеми категориями осужденных, состоящих на учете УИИ.

Таким образом, в Российской Федерации продолжается целенаправленная поступательная деятельность по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, приведению его в соответствие с международными актами и стандартами, касающимися исполнения и отбывания наказаний без изоляции осужденных от общества, основной задачей которой является достижение целей наказания. Она преследует реализацию основных идей, закрепленных в правовых актах и основных доктринальных документах нашего государства, включая Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Резюмируя изложенное, считаем целесообразным внесение ряда предложений, таких как: внедрение в практическую деятельность новых методов криминологического прогнозирования в отношении всех категорий осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях; расширение перечня лиц, к которым в соответствии с законом применяются аудиовизуальные и технические средства надзора и контроля; законодательное закрепление

профилактического учета осужденных без изоляции от общества; проведение воспитательной работы со всеми категориями осужденных, состоящих на учете УИИ.

Список источников

1. Грушин Ф. В. Преступность в системе факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 4. С. 688–695.
2. Аванесов Г. А. Криминология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Академия МВД СССР, 1984. 500 с.
3. Артемьев Н. С. Криминология : курс лекций. Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2007. 296 с.
4. Криминологические чтения : материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию заслуженного юриста Российской Федерации и Республики Бурятия, профессора Б. Ц. Цыденжапова / отв. ред. Н. С. Маркова, науч. ред. Э. Л. Раднаева. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т, 2018. 260 с.
5. Иванова А. А. Криминологическая профилактика как приоритетная задача ювенальной юстиции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 4. С. 505–514.
6. Актуальные вопросы правоприменительной деятельности: проблемы теории, философии права, истории, нормотворчества и правоприменения : сб. ст. науч.-представит. мероприятий. Рязань : ИП Коняхин А. В., 2020. 192 с.
7. Jacqueline, L. 2008, 'Schneider Refocusing Crime Prevention: Collective Action and the Quest for the Community', *The British Journal of Criminology*, vol. 48, iss. 3, pp. 421–424.
8. Swirak, K. 2016, 'Problematising Advanced Liberal Youth Crime Prevention: The Impacts of Management Reforms on Irish Garda Youth Diversion Projects', *Youth Justice*, iss.16(2), pp. 162–180, doi: 10.1177/1473225415617859.
9. Barkan, S. E. & Rocque, M. 2020, *Crime Prevention. Programs, Policies, and Practices*, SAGE Publications, Inc, viewed 9 June 2022, <https://us.sagepub.com/en-us/nam/crime-prevention/book244318#description>.
10. Kury, H. & Redo, S. 2021, *Crime Prevention and Justice in 2030. The UN and the Universal Declaration of Human Rights*, Springer Nature Switzerland.
11. LeClerc, B. & Savona, E. U. 2017, *Crime Prevention in the 21st Century*, Springer International Publishing Switzerland.
12. Дворянсков И. В. Проблемы профилактической работы с осужденными к наказаниям без изоляции от общества, имеющими социально значимые заболевания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 6. С. 21–26.
13. Суботялов М. А. Социально-психологический портрет осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 656–664.
14. Ольховик Н. В., Тараленко К. Н. Индивидуальное криминологическое прогнозирование поведения условно осужденных как фактор коррекции плана индивидуально-профилактической работы // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы конф. М. : PRI, 2001. С. 131–139.
15. Методика индивидуального криминологического прогнозирования поведения осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. М. : НИИ ФСИН России, 2022. 10 с.

16. Методика индивидуального криминологического прогнозирования поведения осужденных к исправительным работам. М. : НИИ ФСИН России, 2022. 10 с.
17. Методика индивидуального криминологического прогнозирования поведения осужденных к обязательным работам. М. : НИИ ФСИН России, 2022. 10 с.
18. Методика индивидуального криминологического прогнозирования поведения осужденных к ограничению свободы. М. : НИИ ФСИН России, 2022. 10 с.
19. Методика индивидуального криминологического прогнозирования поведения осужденных к принудительным работам. М. : НИИ ФСИН России, 2022. 10 с.
20. Новиков Е. Е. Об основах прогнозирования индивидуального поведения осужденных к альтернативным наказаниям и мерам // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 153–159.
21. Основные результаты научной деятельности за 2020 год : аннотир. информ. бюл. / сост. Э. А. Юнусов, А. М. Смирнов, М. В. Лебедев, Д. Н. Мухлынин, В. В. Конунникова, О. С. Гарная. М. : НИИ ФСИН России, 2021. Вып. 18. Ч. 1. 157 с.
22. Макаркина О. Е. Особенности проведения профилактических бесед с несовершеннолетними осужденными // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию образования Могилевского института МВД Республики Беларусь / отв. ред. Ю. А. Матвейчев. Могилев : Могилев. ин-т МВД Республики Беларусь, 2018. С. 270–272.
23. Габараев А. Ш. Проблемы научной организации труда сотрудников уголовно-исполнительных инспекций // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 12. С. 15–19.
24. Ольховик Н. В. О штатной численности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. С. А. Елисеева, М. К. Свиридова, Р. Л. Ахмедшина. Томск : Том. ун-т, 2009. Ч. 44. С. 88–90.
25. Ольховик Н. В. Первоначальные мероприятия по розыску осужденных без изоляции от общества // Уголовная юстиция. 2014. № 2(4). С. 39–42.
26. Лакина И. А. Некоторые проблемные вопросы, возникающие при исполнении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 4. С. 54–57.
27. Красоткин П. Н. Применение мер воспитательного воздействия к осужденным, отбывающим наказания в виде обязательных работ и исправительных работ : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 195 с.
28. Антонов Т. Г. Унификация норм уголовно-исполнительного законодательства об ответственности осужденных к наказаниям без изоляции от общества // Правовые проблемы укрепления российской государственности / ред. О. И. Андреева, С. А. Елисеев, Л. М. Прокументов, М. К. Свиридов, В. А. Уткин, Н. С. Дергач. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2014. С. 61–62.
29. Иванова Н. А. Применение технических средств надзора и контроля при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России : науч.-практ. изд. Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2019. С. 50–56.
30. Агаева Е. С. Обзор организационно-правовых проблем применения ФГИС СЭМПЛ при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара : СЮИ ФСИН России, 2018. С. 6–9.

31. Лакина И. А. К вопросу о проведении воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 5. С. 21–25.

32. Макарова В. В. Преступления, совершаемые условно осужденными: современное состояние и основные направления профилактики : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019. 211 с.

33. Передовой опыт учреждений и органов ФСИН России : информ. бюл. М., 2020. 61 с.

34. Габараев А. Ш. Воспитательная работа с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // IV Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина : сб. материалов конф. Пермь : Перм. ин-т ФСИН России, 2018. С. 29–33.

35. Воробьев С. М. Проблемы правовой определенности в нормативно-правовом регулировании воспитательной работы как одного из средств исправления осужденных в России // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1–4), № 3. С. 357–364.

References

1. Grushin, F. V. 2017, "Crime in the system of factors determining the development of penal enforcement policy and penal enforcement legislation", *All-Russian Journal of Criminology*, vol. 11, iss. 4, pp. 688–695.

2. Avanesov, G. A. 1984, *Criminology: textbook*, 2nd edn, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Moscow.

3. Artem'ev, N. S. 2007, *Criminology: a course of lectures*, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan.

4. Markova, N. S. & Radnaeva, Je. L. 2018, *Criminological readings: Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the Honored Lawyer of the Russian Federation and the Republic of Buryatia, Professor B. Ts. Tsydenzhapov*, Buryat State University, Ulan-Ude.

5. Ivanova, A. A. 2018, 'Criminological prevention as a priority task of juvenile justice', *All-Russian Journal of Criminology*, vol. 12, iss. 4, pp. 505–514.

6. *Topical issues of law enforcement: problems of theory, philosophy of law, history, rulemaking and law enforcement: collection of articles of scientific and representative events 2020*, IP Konyakhin A. V., Ryazan.

7. Jacqueline, L. 2008, 'Schneider Refocusing Crime Prevention: Collective Action and the Quest for the Community', *The British Journal of Criminology*, vol. 48, iss. 3, pp. 421–424.

8. Swirak, K. 2016, 'Problematising Advanced Liberal Youth Crime Prevention: The Impacts of Management Reforms on Irish Garda Youth Diversion Projects', *Youth Justice*, iss. 16(2), pp. 162–180, doi: 10.1177/1473225415617859.

9. Barkan, S. E. & Rocque, M. 2020, *Crime Prevention. Programs, Policies, and Practices*, SAGE Publications, Inc, viewed 9 June 2022, <https://us.sagepub.com/en-us/nam/crime-prevention/book244318#description>.

10. Kury, H. & Redo, S. 2021, *Crime Prevention and Justice in 2030. The UN and the Universal Declaration of Human Rights*, Springer Nature Switzerland.

11. LeClerc, B. & Savona, E. U. 2017, *Crime Prevention in the 21st Century*, Springer International Publishing Switzerland.

12. Dvorjanskov, I. V. 2017, "Problems of preventive work with those sentenced to punishment without isolation from society who have socially significant diseases", *Vedomosti of the penal system*, iss. 6, pp. 21–26.

13. Subotjalov, M. A. 2016, "Socio-psychological portrait of those sentenced to punishments and measures of a criminal nature without isolation from society", *All-Russian Journal of Criminology*, vol. 10, iss. 4, pp. 656–664.

14. Ol'hovik, N. V. & Taralenko, K. N. 2001, 'Individual criminological forecasting of behavior of probationers as a factor of correction of the plan of individual preventive work', in *Alternatives to imprisonment in the Russian Federation: conference materials*, pp. 131–139, PRI, Moscow.

15. *Methodology of individual criminological forecasting of behavior of persons sentenced to deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities 2022*, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow.

16. *Methodology of individual criminological forecasting of behavior of convicts to correctional labor 2022*, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow.

17. *Methodology of individual criminological forecasting of behavior of those sentenced to compulsory labor 2022*, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow.

18. *Methodology of individual criminological forecasting of behavior of persons sentenced to restriction of freedom 2022*, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow.

19. *Methodology of individual criminological forecasting of behavior of convicts to forced labor 2022*, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow.

20. Novikov, E. E. 2016, 'On the basics of predicting the individual behavior of convicts to alternative punishments and measures', *Actual problems of Russian Law*, iss. 8, pp. 153–159.

21. Junusov, Je. A., Smirnov, A. M., Lebedev, M. V., Muhlynin, D. N., Konunnikova, V. V. & Garnaja, O. S. (comp.) 2021, *The main results of scientific activity for 2020: annotated newsletter*, iss. 18, part 1, НИИ ФСИН России, Moscow.

22. Makarkina, O. E. 2018, 'Features of conducting preventive interviews with juvenile convicts', in Ju. A. Matvejchev (ed.), *Fighting crime: theory and practice: abstracts of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the formation of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs*, pp. 270–272, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev.

23. Gabaraev, A. Sh. 2017, "Problems of scientific organization of labor of employees of penal enforcement inspections", *Bulletin of the penal enforcement system*, iss. 12, pp. 15–19.

24. Ol'hovik, N. V. 2009, 'On the staffing of the staff of criminal enforcement inspections', in S. A. Eliseev, M. K. Sviridov, R. L. Ahmedshin (eds), *Legal problems of strengthening Russian statehood: collection of articles*, iss. 44, pp. 88–90, Tomsk University, Tomsk.

25. Ol'hovik, N. V. 2014, 'Initial measures to search for convicts without isolation from society', *Criminal Justice*, iss. 2(4). C, pp. 39–42.

26. Lakina, I. A. 2020, "Some problematic issues arising in the execution of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities", *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 4, pp. 54–57.

27. Krasotkin, P. N. 2014, *Application of educational measures to convicts serving sentences in the form of compulsory labor and correctional labor: PhD thesis (Law)*, Рязань.

28. Antonov, T. G. 2014, 'Unification of the norms of the penal enforcement legislation on the responsibility of those sentenced to punishment without isolation from society', in O. I.

Andreeva, S. A. Eliseev, L. M. Prozumentov, M. K. Sviridov, V. A. Utkin, N. S. Dergach (eds), *Legal problems of strengthening Russian statehood*, pp. 61–62, National Research Tomsk State University, Tomsk.

29. Ivanova, N. A. 2019, 'The use of technical means of supervision and control in the execution of non-custodial sentences', *Bulletin of the Federal State Institution of the Russian Federal Penitentiary Service: scientific and practical publication*, с. 50–56, NIIT FSIN of Russia, Tver.

30. Agaeva, E. S. 2018, 'Review of organizational and legal problems of the use of FGIS SAMPLE in the execution of non-custodial sentences', in *Penitentiary Security: National Traditions and Foreign experience: Materials of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 6–9, SUI of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara.

31. Lakina, I. A. 2021, 'On the issue of conducting educational work with convicts registered in the penal enforcement inspections', *Vedomosti of the Penal enforcement system*, iss. 5, pp. 21–25.

32. Makarova, V. V. 2019, *Crimes committed by probationers: the current state and the main directions of prevention*: PhD thesis (Law), Ryazan.

33. *Best practices of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia: newsletter 2020*, Moscow.

34. Gabaraev, A. Sh. 2018, 'Educational work with those sentenced to punishments not related to isolation from society in the activities of penal enforcement inspections', in *IV Pedagogical readings dedicated to the memory of the professor S. I. Zlobina: collection of conference materials*, pp. 29–33, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm.

35. Vorob'ev, S. M. 2020, 'Problems of legal certainty in the legal regulation of educational work as one of the means of correction of convicts in Russia', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 3, pp. 357–364.

Информация об авторе

Н. В. Ольховик – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права.

Information about the author

N. V. Ol'hovik – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 28.06.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 18.08.2022.

The article was submitted 28.06.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 18.08.2022.

Научная статья

УДК 378.147

Doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.485-496

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО КУРСА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ (НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»)

Ирина Аркадьевна Горшенева¹, Василий Валериевич Крючков²,
Егор Александрович Лопатин³, Евгения Владиславовна Гришина⁴

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, office@unity-dana.ru

^{2, 3, 4} Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Россия

² confsgd@mail.ru

³ eg.lopatin@gmail.com

⁴ evs2709@yandex.ru

Аннотация. Пандемия коронавирусной инфекции стала катализатором внедрения в процесс очного и заочного обучения дистанционных образовательных технологий и методов электронного обучения. Большое распространение в высших учебных заведениях получило применение электронных учебных курсов. В статье проведен обзор научных исследований методических особенностей разработки, внедрения и использования электронных учебных курсов при обучении иностранным языкам (а также родному языку в качестве иностранного). Сделан вывод о том, что в большинстве случаев в качестве технической оболочки электронных учебных курсов иностранного языка используется электронная информационная образовательная среда Moodle. Авторы выявили наиболее часто используемые типы вопросов для создания практических заданий с автоматической проверкой. Методическим требованием является построение последовательности заданий от репродуктивных к творческим, от заданий на развитие чтения и аудирование к заданиям на освоение продуктивных видов речевой деятельности (говорению и письму). Выявлено, что электронный учебный курс для обеспечения принципов наглядности и интерактивности должен обязательно содержать мультимедийные материалы, набор гиперссылок различных типов. Гипертекст как основной вид учебного материала в электронных курсах иностранного языка должен ориентировать обучающихся на моделирование практических ситуаций профессиональной деятельности. Авторы формулируют важные методические условия эффективного применения электронных учебных курсов, а именно: обеспечение обучающихся техническими инструкциями и подробными методическими рекомендациями, необ-

© Горшенева И. А., Крючков В. В., Лопатин Е. А., Гришина Е. В., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ходимость комбинированной проверки и оценивания всех видов учебной деятельности (автоматического и ручного). Сделан вывод о том, что электронные учебные курсы могут являться эффективным средством организации самостоятельной работы обучающихся иностранным языкам.

Ключевые слова: иностранный язык, английский язык, электронный учебный курс, электронное учебное пособие, электронная информационная образовательная среда, Moodle, дистанционное обучение, дистанционные образовательные технологии, электронное обучение

Для цитирования

Горшенева И. А., Крючков В. В., Лопатин Е. А., Гришина Е. В. Применение электронного курса как средство повышения эффективности самостоятельной работы (на примере дисциплины «Иностранный язык») // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 485–496. DOI: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.485-496.

Original article

THE USE OF AN ELECTRONIC COURSE AS A MEANS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF INDEPENDENT WORK (ON THE EXAMPLE OF THE DISCIPLINE "FOREIGN LANGUAGE")

Irina Arkad'evna Gorsheneva¹, Vasilij Valerievich Krjuchkov²,
Egor Aleksandrovich Lopatin³, Evgenija Vladislavovna Grishina⁴

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, office@unity-dana.ru

^{2,3,4} Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Ryazan, Russia

² confsgd@mail.ru

³ eg.lopatin@gmail.com

⁴ evs2709@yandex.ru

Abstract. The coronavirus pandemic has become a catalyst for the introduction of distance learning technologies and e-learning methods into the process of full-time and distance learning. The use of electronic training courses has become widespread in higher education institutions. The article provides a review of scientific research on methodological features of the development, implementation and use of e-learning courses in teaching foreign languages (as well as native language as a foreign language). It is concluded that in most cases, an electronic information educational environment is used as a technical shell of electronic educational courses of a foreign language Moodle. The authors identified the most frequently used types of questions for creating practical tasks with automatic verification. The methodological requirement is to build a sequence of tasks from reproductive to creative, from tasks for the development of reading and listening to tasks for the development of productive types of speech activity (speaking and writing).

It is revealed that an electronic training course to ensure the principles of visibility and interactivity must necessarily contain multimedia materials, a set of hyperlinks of various types. Hypertext as the main type of educational material in electronic foreign language courses should orient students to modeling practical situations of professional activity. The authors formulate important methodological conditions for the effective use of e-learning courses, namely: providing students with technical instructions and detailed methodological recommendations, the need for combined verification and evaluation of all types of educational activities (automatic and manual). It is concluded that e-learning courses can be an effective means of organizing independent work of foreign language learners.

Keywords: foreign language, English, electronic training course, electronic textbook, electronic information educational environment, Moodle, distance education, distance learning technologies, e-learning

For citation

Gorsheneva, I. A., Krjuchkov, V. V., Lopatin, E. A. & Grishina, E. V. 2022, 'The use of an electronic course as a means of increasing the effectiveness of independent work (on the example of the discipline "Foreign language")', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 3, pp. 485–496, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).3.485-496.

После окончания «больших волн» пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в вузах страны и мира повысился интерес к применению элементов дистанционных образовательных технологий и электронного обучения (в том числе электронных учебных курсов) при реализации программ обучения в очной и заочной формах. При этом в педагогической литературе единогласно утверждается, что электронный учебный курс (ЭУК) ввиду технических ограничений может использоваться только как дополнительное средство обучения [6, с. 118]. Отмечается, что ЭУК обладает большим потенциалом в области самообразования обучающихся, он, как правило, является бесконтактным дополнением к процессу обучения иностранному языку: самостоятельная работа в электронной обучающей среде лишь дополняет, а не заменяет аудиторную работу [3, с. 396]. «При обучении иностранному языку важен именно комбинированный вариант обучения, поскольку без живого общения с преподавателем в активной форме возможен перекокс в сторону пассивного восприятия языкового материала» [7, с. 46]. Имеются сведения о положительном практическом опыте внедрения электронного курса в систему самостоятельной работы при обучении иностранным языкам в вузе [4, с. 124]. В связи с этим мы считаем, что ЭУК должен занять свою нишу как техническое средство обучения иностранным языкам при самостоятельной подготовке.

В 2021 г. в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя был разработан и внедрен собственный электронный курс «Английский язык: пособие для самостоятельной работы обучающихся в вузах МВД России», подготовленный авторским коллективом кафедры социально-гуманитарных дисциплин под общей редакцией заведующего кафедрой иностранных языков Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидата юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации И. А. Горшeneвой. При его разработке учитывался опыт других вузов в организации структуры ЭУК, выборе

содержания и методики при обучении иностранным языкам (в том числе русскому языку как иностранному).

Приведем обзор таких исследований. В Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского ЭУК, используемый для углубленного изучения иностранного языка, представляет собой одновременно обучающую программу, тестирующую систему и информационную базу данных [8]. Преподаватели иностранных языков Севастопольского государственного университета разработали ЭУК, в число основных компонентов которого входит информационно-справочный и учебный компонент, представляющий собой систему тренировочных упражнений и практических заданий, оценочных средства в виде тестов, заданий для самопроверки [11, с. 57].

Анализ источников показывает, что абсолютное большинство отечественных ученых и педагогов-практиков использует электронную информационную образовательную среду Moodle как наиболее удобную и популярную платформу для создания ЭУК иностранного языка. Ее достоинством является автоматизация большинства процессов, связанных с обучением [1, 4]. Преподаватель может выбрать настройки по времени, попыткам, баллам, работает автопроверка выполненных заданий, при этом обучающийся может увидеть свои ошибки и результат выполнения заданий в баллах. На ресурсах Moodle есть возможность размещать вспомогательные текстовые и мультимедийные материалы (картинки, аудио- и видеофрагменты), причем как полностью, так и в виде гиперссылок на сторонние ресурсы.

Необходимо отметить, что разные формы работы в Moodle могут быть эффективными, однако практика показывает, что наибольший интерес у обучающихся вызывают и оцениваются как более эффективные те средства и ресурсы, которые позволяют осуществлять самостоятельную подготовку автономно, не прибегая к взаимодействию с преподавателем [10]. Для создания практических заданий с автоматической проверкой Moodle используются вопросы типа «Множественный выбор», «Верно/неверно», «На соответствие», «Вложенные ответы», «Перетаскивание в текст», «Перетаскивание на рисунок» и др. [12, с. 97].

Особенностью создания ЭУК по дисциплине «Иностранный язык» является необходимость и одновременная сложность освоения всех видов речевой деятельности: чтения, говорения, аудирования и письма [3, с. 396; 4, с. 121; 15, с. 136]. Для повышения учебной мотивации ЭУК необходимо снабжать разнообразными творческими заданиями и видами работ [14, с. 100], при этом следует придерживаться последовательности обучения: от рецептивных видов речевой деятельности (аудирования и чтения) к продуктивным видам (говорению и письму) [15, с. 136], от заданий репродуктивного к заданиям продуктивного характера [4, с. 121], от заданий базового уровня сложности к заданиям повышенной сложности [3, с. 396], от формальной работы по образцу к творческим заданиям [2, с. 27].

При разработке ЭУК «...необходимо учитывать все аспекты: грамматический, лексический и произносительный (для говорения), графического изображения речевых единиц (для письма), перцептивный (для чтения и аудирования). В электронном курсе должны содержаться как текстовые файлы, так и видео- и аудио-, включающие различного рода задания» [3, с. 396]. В ЭУК методически целесообразно включать «...аудиофрагменты, видеофрагменты, схемы, таблицы, фотографии и другой иллюстративный материал, так как это дает возможность реализовывать принципы наглядности и интерактивности, развивать активно-деятельностные формы обучения» [15, с. 136]. Мультимедийность

и интерактивность электронных учебных курсов обеспечивают высокую скорость получения информации, быстрое переключение с одного вида деятельности на другой, объемное восприятие учебного материала и, как следствие, повышение мотивации и эффективности обучения» [15, с. 137].

Методической основой обучения иностранному языку всегда являлась работа над текстом. Применительно к ЭУК такой основой становится гипертекст, снабженный интратекстуальными ссылками (навигационными и тематическими), интертекстуальными ссылками (ведущими к паратекстам и вспомогательным текстам) и экстратекстуальными ссылками (входящими и выходящими) [2, с. 16]. Общее понимание информации при чтении гипертекста наступает, если обучающемуся знакомы около 85 % слов [2, с. 26]. Для этого учебный материал необходимо насытить справочными материалами, которые в адаптированном виде также могут быть включены в гипертекст [2, с. 28]. Что касается содержания обучения, то согласно деятельностному подходу [6] и принципу практической ориентированности обучения в электронных курсах необходимо реализовывать работу над коммуникативными ситуациями, моделирующими профессиональную деятельность.

В диссертационном исследовании Т. А. Болдовой говорится о том, что обучение иностранному языку через использование гипертекстов должно включать целевой, организационно-технический и контрольно-оценочный элементы. Организационный элемент включает в себя обучение поиску, анализу, обработке информации в гипертекстах, знакомство со средствами получения, обработки и управления информацией для подготовки к выполнению заданий [2, с. 20–21]. Считается, что не только курс в целом, но и каждый его «модуль в отдельности должен содержать пошаговые инструкции, методические рекомендации по освоению курса и выполнению тех или иных заданий» [3, с. 396]. С учетом того что методическим требованием к применению Moodle является снабжение ЭУК всеми необходимыми для самостоятельной работы методическими рекомендациями и информационными ресурсами [9], во введении к электронному курсу английского языка следует включать подробную техническую инструкцию по использованию ресурсов Moodle, описание структуры курса и пособия, методические рекомендации по выполнению практических заданий и прохождению тестов.

Важным дидактическим условием применения ЭУК является необходимость оценивания всех видов учебной деятельности. «Безоценочность некоторых активных форм учебной деятельности в ЭУК должна быть исключена» [6]. Тестирование в ЭУК иностранного языка должно представлять собой не просто «контроль знаний лексических единиц и грамматических форм, а умение применять их для построения монологических и диалогических высказываний или определения структур в предложенных предложениях и текстах» [12, с. 97].

В статье Е. Ю. Ореховой анализируются преимущества электронного автоматизированного оценивания при обучении иностранному языку: немедленная обратная связь, объективность, возможность осуществлять оценивание в любое время в любом месте, ответственность обучающихся за результаты учебной деятельности. Вместе с тем отмечается недостаточная глубина обратной связи: так, некоторые обучающиеся не способны самостоятельно исправлять свои ошибки. Автоматизированное тестирование проявляет эффективность только при контроле рецептивных видов речевой деятельности, аудирования, чтения [13, с. 147–148].

Следовательно, ограничиваться автоматической проверкой выполнения практических заданий нельзя, должна быть обеспечена та или иная форма обратной связи с преподавателем. Все задания в рамках применения электронных курсов на самостоятельной работе должны оцениваться или автоматически системой ЭУК, или преподавателем дистанционно (проверка работ с индивидуальными комментариями с использованием клавиатуры [7, с. 47]). Еще одним требованием является необходимость предусмотреть наличие оптимального количества контрольных точек, направленных на организацию своевременного самоконтроля и на самокоррекцию [7, с. 46].

Таким образом, автоматическая проверка и оценивание ответов обучающихся являются преимуществом ЭУК, однако достижение эффективного контроля учебной деятельности требует проведения ручной проверки преподавателем отдельных видов «нетестовых» заданий, в том числе на аудиторных занятиях, анализ и коллективный разбор типичных ошибок. Онлайн-практика должна гармонично инкорпорироваться в традиционную образовательную среду [5, с. 259].

Разработке контрольно-оценочного элемента ЭУК необходимо уделять дополнительное внимание еще по той причине, что он «включает все задания, которые служат основой для формирования у студентов позитивного, эмоционально-волевого отношения к учебе, осознания ее значимости, создания внутренней мотивации к выполнению учебных работ» [2, с. 20–21].

Электронный учебный курс английского языка для самостоятельной работы обучающихся в вузах МВД России, разработанный Е. А. Лопатиным, А. Е. Баций, Е. Е. Дмитриевой, Е. В. Гришиной, Н. А. Лапиной, О. Н. Чигвинцевой, Н. Н. Елистратовой под редакцией И. А. Горшеневой, позволяет работать из любого места, оборудованного компьютером, однако требует подключения к сети Интернет и доступа к Moodle Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Следует отметить, что он может быть импортирован в Moodle любой образовательной организации МВД России.

Разработанный нами ЭУК состоит из электронного учебно-практического пособия в формате pdf-файла с введением, заключением, списком литературы и шестью параграфами: «Правоохранительные органы США», «Полиция Великобритании», «Международное сотрудничество полицейских», «Расследование преступлений», «Осмотр места происшествия», «Опрос и допрос в полицейском расследовании». Система гиперссылок позволяет перейти к интересующему пользователя разделу через оглавление.

Во введении раскрываются методические и технические особенности применения пособия при самостоятельной работе, дается обзор пособия, проводится знакомство с его структурой, описываются технические аспекты использования ресурсов электронной информационной образовательной среды Moodle, задания из которой интегрированы в пособие. Представлена подробная инструкция по применению пособия, включающая в себя скриншоты. Все параграфы пособия имеют одинаковую структуру, а именно: блоки практических заданий «Работа над текстом», «Работа над видеоматериалом», «Дополнительное задание», «Проверочный тест».

Блок заданий «Работа над текстом» предусматривает словарь (Vocabulary), в него включается лексика по теме, которая содержится в тексте. Слова снабжены ссылками на онлайн-словари, в которых указаны дополнительные значения слова и доступно его прослушивание. После текстов, подлежащих переводу, даны справочные материалы

(Vocabulary notes) с описанием наиболее сложных для понимания слов, выражений, сокращений.

Блок заданий «Послетекстовые упражнения» включает в себя как задания с автоматической проверкой, так и задания для самостоятельного выполнения в тетради. При выполнении упражнений первого вида пользователь через ссылку направляется на специальный ресурс в электронной информационной образовательной среде Moodle, где выполняет задания различного типа с возможностью получения мгновенной обратной связи. Проверка заданий для самостоятельного выполнения в тетради осуществляется педагогическими работниками.

Блок заданий «Работа над видеоматериалом» каждого параграфа предусматривает просмотр видео на английском языке (при нажатии на ссылку обучающийся перенаправляется на специальный ресурс Moodle, где может просмотреть видео требуемое число раз) и выполнение упражнений с автоматической проверкой и проверкой, которую осуществляют педагогические работники.

Блок «Дополнительное задание» содержит копии аутентичных материалов, которые доступны по ссылке в электронной информационной образовательной среде Moodle (например, копии отдельных страниц официального сайта Интерпола, объявления о розыске опасных преступников из базы данных ФБР, видеоматериалы полицейского допроса подозреваемых в совершении преступлений на английском языке и т. д.). Размещение большей части мультимедийных файлов в электронной информационной образовательной среде Moodle обеспечивает автономность электронного курса.

Изучение всех параграфов завершается контролирующим блоком «Проверочный тест», предусматривающим автоматическую проверку и оценивание ответов обучающихся. С целью повышения учебной мотивации и наглядности обучения в электронный курс включен лингвострановедческий материал и большое количество иллюстраций.

В целях анализа опыта применения электронного курса в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя был проведен экспертный опрос преподавателей, имевших опыт применения электронного курса в учебном процессе, а также сотрудников подразделения информационно-технического обеспечения учебного процесса Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Были отмечены следующие преимущества электронного курса:

1. Качественно более высокий уровень электронного курса по сравнению с пособиями на бумажном носителе, выражающийся в более широких возможностях преподавателей и обучающихся для выбора форм и методов проведения занятий, которые обеспечиваются за счет применения мультимедиа, фото- и видеоматериалов, программного обеспечения, осуществляющего автоматизированную проверку ряда заданий.

2. Эстетичность оформления электронного курса, имеющего современный дизайн. Наличие в Интернете бесплатных типовых оболочек электронных курсов позволяет добиваться высоких эстетических качеств при сравнительно небольших затратах времени.

3. Комплексный характер электронного курса, выражающийся в интеграции трех блоков: информационного, тренировочного (упражнения) и контролирующего. Все задания находятся в одной оболочке, имеющей внешний вид привычного для обучающихся и преподавателей пособия. Для всех заданий имеются пояснения и методические указания, после изучения которых достаточно нажать кнопку, чтобы приступить к просмотру видео, выполнению теста и т. д. Через гиперссылку электронный курс может быть вне-

дрен в учебно-методическое обеспечение дисциплин «Иностранный язык», «Иностранный язык в сфере юриспруденции».

4. Использование в качестве платформы для электронного курса Moodle, являющейся на сегодняшний день ведущей по возможностям, которые она предоставляет для применения различных педагогических технологий.

5. Мобильность электронного курса, который может быть запущен на компьютере, ноутбуке – любом устройстве с относительно невысокими системными требованиями. Электронный курс может быть передан в любую образовательную организацию МВД России посредством информационного интернет-портала «МВД МЕДИА» (mvdmedia.ru).

6. Автономность электронного курса, которая обеспечивается включением в него информационных материалов, независимых от внешних источников. Например, использование электронных копий страниц и отдельных материалов сайтов зарубежных правоохранительных агентств (например, ФБР, Интерпола) позволяет имитировать использование этих ресурсов без прямого выхода на них.

7. Повышение оперативности принимаемых в ходе учебного процесса педагогических решений. Автоматическое оценивание заданий позволяет легко выявить дидактические единицы, которые усвоены недостаточно, и скорректировать ход учебного занятия и задания для самоподготовки с минимальным участием преподавателя.

8. Улучшение организации контроля над учебной активностью обучающихся в ходе учебных занятий и самоподготовки. В процессе занятия легко осуществляется фронтальный контроль над работой подгруппы каждого из обучающихся (в электронном курсе отражаются все действия обучающихся).

9. Повышение темпа проведения практических занятий по иностранному языку в связи с ускорением проверки заданий, выполненных обучающимися. Количество выполненных в течение практического занятия заданий на большинстве занятий возросло на 1–2 единицы.

10. Экономичность электронного курса, выражающаяся в сокращении затрат времени и материально-технических средств на размножение раздаточного материала. Электронный курс позволяет сократить закупку и размножение учебной и справочной литературы (в частности, словарей), а также время на выдачу пособий и на бумажном носителе в библиотеке.

К ограничениям (недостаткам) в применении электронного курса профессорско-преподавательским составом были отнесены:

– необходимость педагогического сопровождения со стороны преподавателей. Если оценка выполнения репродуктивных заданий осуществляется автоматически, то эффективное выполнение других упражнений возможно только под руководством преподавателя [например, творческие задания («Придумайте...»), «Составьте вопросы...»), «Ответьте на вопросы...»)]. Навыки чтения и произношения также могут быть объективно проконтролированы только преподавателем. Применение электронного курса требует проведения индивидуальных консультаций с обучающимися;

– необходимость наличия материально-технического обеспечения: электропитания, компьютера (или другого устройства), подключения к локальной сети (сети Интернет, wifi). В первом семестре 2021/22 учебного года курсанты Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя использовали для работы с курсом личный Интернет. Обучающиеся, использовавшие персональный компьютер или ноутбук, благодаря более широкому экрану лучше воспринимали текст, схемы, иллюстрации,

фото- и видеоматериалы, быстрее осуществляли навигацию по курсу, чем пользователи планшетных компьютеров или смартфонов.

Электронный курс полностью не может заменить учебно-методическое обеспечение на бумажном носителе. Представляется целесообразным сохранение некоторого количества учебно-методического обеспечения на бумажном носителе для применения в условиях отключения электричества, локальной сети (сети Интернет), во время обучения в особый период.

Высокая оценка электронному курсу дана курсантами, которые отметили сокращение времени на самоподготовку (85 % опрошенных), возможность выполнять задания в любом месте (78 %), увлекательность заданий (67 %), быстрое получение информации о полученных оценках (66 % опрошенных).

Список источников

1. Адясова Л. Е. Обзор возможностей электронной платформы Moodle в практике создания современного учебного курса по русскому языку как иностранному // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 125–128.

2. Болдова Т. А. Обучение студентов старших курсов иностранному языку на основе использования электронных гипертекстов (немецкий язык, языковой вуз) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2014. 54 с.

3. Вишнякова Е. А., Дроздова Т. В. Особенности создания электронных курсов по иностранному языку для студентов вузов в условиях внедрения ФГОС 3++ // Университет XXI века: научное измерение : материалы науч. конф. науч.-пед. работников, аспирантов, магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2019. С. 395–397.

4. Глотова А. В., Зубкова М. А. Педагогическое проектирование электронного курса по иностранному языку в СДО Moodle: организация самостоятельной работы студентов // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2021. № 13. С. 119–125.

5. Горшенева И. А., Шестерикова Е. П. Роль дистанционного образования на современном этапе развития высшей школы Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 256–259.

6. Гриднева С. В., Авсянкина А. В. Дидактические условия применения электронного учебного курса при коммуникативно-ориентированном обучении иностранным языкам // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1(80). С. 115–119.

7. Крылова А. С., Лаптева Е. Ю. Проблемы создания и использования электронных курсов в обучении иностранному языку в техническом университете // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Проблемы высшего образования. 2019. № 2. С. 45–48.

8. Кунтурова Н. Б., Прокофьева А. Л. Анализ результатов педагогического эксперимента по углубленному изучению иностранного языка при помощи электронных учебных курсов // Труды военно-космической академии имени А. Ф. Можайского. 2017. № 658. С. 233–238.

9. Лопатин Е. А., Шкабин Г. С. Методические особенности применения электронной образовательной среды Moodle // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Информатика и информатизация образования. 2021. № 3(57). С. 46–54.

10. Ляшенко М. С., Минеева О. А. Исследование эффективности ресурсов Moodle для организации самостоятельной работы студентов в контексте изучения иностранного языка // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 2(31). С. 162–166.
11. Миронцева С. С., Черницова Ю. П. Опыт разработки электронного курса по иностранному языку в электронной информационно-образовательной среде вуза // Управление в социальных и экономических системах. 2021. № 30. С. 56–57.
12. Морозова Ю. В. Использование электронного обучающего курса Moodle для контроля качества знаний студентов в процессе обучения иностранному языку // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3(28). С. 96–99.
13. Орехова Е. Ю. Особенности оценивания в электронном учебном курсе «Иностранный язык» в вузе // Перспективы науки. 2021. № 9(144). С. 146–149.
14. Сулицкая Е. Е., Курбакова О. А., Демидова И. В. Разработка электронного курса по профессиональному иностранному языку для студентов специальности «Таможенное дело»: в поисках оптимального решения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2019. № 12. С. 97–102.
15. Черенкова Б. В. Структурно-содержательные особенности электронного учебного пособия по практическому курсу русского языка как иностранного // Университет XXI века: научное измерение : материалы науч. конф. науч.-пед. работников, аспирантов и магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого. Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2018. С. 135–137.

References

1. Adjasova, L. E. 2020, 'Overview of the possibilities of the Moodle electronic platform in the practice of creating a modern training course in Russian as a foreign language', *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevskogo*, iss. 6, pp. 125–128.
2. Boldova, T. A. 2014, *Teaching senior students a foreign language based on the use of electronic hypertexts (German, language university): PhD thesis (Pedagogy)*, Moscow.
3. Vishnjakova, E. A. & Drozdova, T. V. 2019, 'Features of creating electronic courses in a foreign language for university students in the context of the introduction of the Federal State Educational Standard 3++', in *University of the XXI century: scientific dimension: materials of the scientific conference of scientific and pedagogical workers, graduate students, undergraduates of TSPU named after L. N. Tolstogo*, pp. 395–397, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula.
4. Glotova, A. V. & Zubkova, M. A. 2021, 'Pedagogical design of an electronic course in a foreign language in SDO Moodle: organization of independent work of students', *Education and Science without borders: fundamental and applied research*, iss. 13, pp. 119–125.
5. Gorsheneva, I. A. & Shesterikova, E. P. 2020, 'The role of distance education at the present stage of development of higher education in the Russian Federation', *Bulletin of Economic Security*, iss. 5, pp. 256–259.
6. Gridneva, S. V. & Avsjankina, A. V. 2020, 'Didactic conditions for the use of an electronic training course in communication-oriented teaching of foreign languages', *The World of Science, Culture, Education*, iss. 1(80), pp. 115–119.
7. Krylova, A. S. & Lapteva, E. Ju. 2019, "Problems of creation and use of electronic courses in teaching a foreign language at a technical university", *Bulletin of the Voronezh State University. Series Problems of Higher Education*, iss. 2, pp. 45–48.

8. Kunturova, N. B. & Prokof'eva, A. L. 2017, 'Analysis of the results of a pedagogical experiment on in-depth study of a foreign language using electronic training courses', *Proceedings of the Military Space Academy named after A. F. Mozhaisky*, iss. 658, pp. 233–238.

9. Lopatin, E. A. & Shkabin, G. S. 2021, 'Methodological features of the use of the electronic educational environment Moodle', *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series Informatics and informatization of education*, iss. 3(57), pp. 46–54.

10. Ljashenko, M. S. & Mineeva, O. A. 2020, 'Research on the effectiveness of Moodle resources for organizing independent work of students in the context of learning a foreign language', *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 9, iss. 2(31), pp. 162–166.

11. Mironceva, S. S. & Chernicova, Ju. P. 2021, 'Experience in developing an electronic course in a foreign language in the electronic information and educational environment of a university', *Management in social and economic systems*, iss. 30, pp. 56–57.

12. Morozova, Ju. V. 2019, 'Using the Moodle e-learning course to control the quality of students' knowledge in the process of learning a foreign language', *Baltic Humanities Journal*, vol. 8, iss. 3(28), pp. 96–99.

13. Orehova, E. Ju. 2021, 'Features of assessment in the e-learning course "Foreign language" at the university', *Prospects of science*, iss. 9(144), pp. 146–149.

14. Sulickaja, E. E., Kurbakova, O. A. & Demidova, I. V. 2019, 'Development of an electronic course in a professional foreign language for students of the specialty "Customs": in search of an optimal solution', *Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities Series*, iss. 12, pp. 97–102.

15. Cherenkova, B. V. 2018, 'Structural and content features of the electronic textbook on the practical course of the Russian language as a foreign language', in *University of the XXI century: scientific dimension: materials of the scientific conference of scientific and pedagogical workers, graduate students and undergraduates of the Tolstoy TSPU*, pp. 135–137, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula.

Информация об авторах

И. А. Горшенева – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой иностранных языков;

В. В. Крючков – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин;

Е. А. Лопатин – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин;

Е. В. Гришина – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Information about the authors

I. A. Gorsheneva – Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Foreign Languages;

V. V. Krjuchkov – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин;

E. A. Lopatin – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines;

E. V. Grishina – lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 13.05.2022; принята к публикации 19.08.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 13.05.2022; accepted for publication 19.08.2022.

ПЕРСОНАЛИИ

ПОЛВЕКА В УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Петр Петрович Бодько¹, Михаил Иванович Кузнецов²

^{1,2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

¹ upip@yandex.ru

² mikhail_kuznetsov_1962@yandex.ru

В этом году в канун празднования Дня образования нашего учебного заведения три заслуженных ветерана Академии ФСИН России отмечают 50-летие трудовой деятельности в вузе!

Николай Михайлович Дазмаров родился 20 июня 1942 г. в г. Старый Оскол Белгородской области. Отец, военный летчик, погиб в декабре 1941 г., мама умерла, когда Коле было 11 лет. Воспитывался бабушкой. Трудовую деятельность начал сразу после окончания средней школы на Луганщине фрезеровщиком, а затем слесарем. После окончания Воронежского политехнического института работал инженером-конструктором на Запорожском заводе передвижных электростанций. Активно занимался спортом.

Службу в органах внутренних дел начал в сентябре 1968 г. в должности помощника дежурного по оперативным средствам связи Управления общественного порядка Запорожского облисполкома. Спустя три года перешел на должность преподавателя межобластной школы подготовки младшего и среднего начсостава УВД Запорожского облисполкома.

С 22 сентября 1972 г. – в Рязанской высшей школе МВД СССР: преподаватель кафедры военно-служебной и физической подготовки, затем старший преподаватель той же кафедры. В марте 1988 г. назначается заместителем начальника кафедры боевой и физической подготовки РВШ МВД СССР. С сентября 1996 г. до завершения службы занимал должность начальника кафедры специальной тактики специального факультета Рязанского института права и экономики МВД России. После увольнения продолжил преподавательскую деятельность, в настоящее время работает доцентом кафедры физической подготовки и спорта.

Неоднократно руководил службой сводных батальонов РВШ МВД СССР с выездом в места дислокации учебного заведения. Имеет правительственную, а также ряд ведомственных наград. Удостоен высшей награды Монголии – ордена «Полярная звезда».

Н. М. Дазмаров добился высоких результатов в спорте: мастер спорта СССР по самбо, победитель первенства Управления учебных заведений МВД СССР по самбо. Один из основоположников дзюдо на Рязанщине. Закончил Смоленский государственный институт физической культуры. Судья Республиканской категории по самбо и дзюдо. Воспитал более десятка чемпионов в этой спортивной дисциплине. За значительные спортивные достижения и вклад в развитие спорта в нашей стране отмечен благодарностью министра спорта России. Николай Михайлович активно участвует в деятельности

© Бодько П. П., Кузнецов М. И., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ветеранской организации академии, является председателем ревизионной комиссии, проводит воспитательную работу со студентами и курсантами.

Раиса Викторовна Кирцова родилась 20 декабря 1947 г. в г. Касимове.

Закончила Кадомский швейный технологический техникум. Приказом первого начальника РВШ МВД СССР комиссара милиции третьего ранга Н. Г. Емелина от 28 сентября 1972 г. № 241 л/с назначена старшим диспетчером технической части с гаражом (отделение автомобильного транспорта отдела тылового обеспечения). На этой должности она работает и сейчас.

Ее знают все сотрудники и выпускники нашей образовательной организации начиная с первого выпуска 1975 г. Основная задача отделения заключается в транспортном обеспечении образовательного процесса: доставка личного состава академии в территориальные органы для прохождения практики, центры практического обучения, созданные на базе исправительных учреждений УФСИН России по Рязанской области, загородный учебный центр академии, а также к местам проведения спортивно-массовых мероприятий, транспортном обслуживании научно-практических мероприятий, проводимых в академии и за ее пределами, и культурного отдыха сотрудников и ветеранов образовательной организации. Успешному выполнению поставленных перед отделением автомобильного транспорта задач во многом способствуют опыт и умелые действия Раисы Викторовны.

В течение многих лет она является бессменным и надежным казначеем ветеранской организации академии, активно участвует в работе комитета ветеранов. За многолетний добросовестный труд Р. В. Кирцова неоднократно поощрялась ведомственными наградами, удостоена Памятного знака губернатора Рязанской области «Благодарность от Земли Рязанской».

Татьяна Андреевна Семкина родилась в Амурской области 4 марта 1947 г. В 1970 г. окончила Ереванский государственный педагогический институт по специальности «Преподаватель русского языка и иностранных языков». Работала учителем в одной из сельских школ в Севанском районе Армянской ССР, затем секретарем комсомольской организации школы № 44 г. Рязани.

С июля 1972 г. ее жизнь и деятельность связана с нашей образовательной организацией. Начинала с должности лаборанта кафедры иностранных языков Рязанской высшей школы МВД СССР. В мае 1975 г. принята на службу в органы внутренних дел СССР с присвоением специального звания «лейтенант внутренней службы» и назначена на должность начальника кабинета кафедры организации управления, труда и экономики исправительно-трудовых учреждений незадолго до этого времени созданного в РВШ МВД СССР заочного экономического факультета. Затем в течение 11 лет работала преподавателем на той же кафедре.

Дальнейшая служебная деятельность Т. А. Семкиной была связана с организационно-методическим обеспечением учебного процесса: в 1987 г. она переходит на должность инспектора учебного отдела. В 1992–1995 гг. состояла в должности инспектора юридического факультета РВШ МВД РФ. Следующие три года Татьяна Андреевна работала старшим преподавателем-методистом факультета практического обучения и повышения квалификации Рязанского института права и экономики МВД РФ. Завершила службу в уголовно-исполнительной системе в должности старшего преподавателя-методиста юридического факультета Академии права и управления Минюста России в мае 2001 г. в звании подполковника внутренней службы.

После увольнения продолжила работу в качестве вольнонаемного сотрудника в Институте подготовки государственных и муниципальных служащих. За время службы и работы неоднократно поощрялась руководством МВД СССР и России, Минюста России, ФСИН России, образовательной организации. Активно участвует в деятельности ветеранской организации академии.

Знаменательно, что в этом году Н. М. Дазмаров, Р. В. Кирцова, Т. А. Семкина отмечают личные юбилеи!

Поздравляем наших ветеранов с юбилеями, желаем доброго здоровья на долгие годы совместной работы! Мы гордимся вашей верностью нашей образовательной организации!

Информация об авторах

П. П. Бодько – почетный работник уголовно-исполнительной системы России, председатель Рязанской общественной организации ветеранов Академии ФСИН России;

М. М. Кузнецов – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 06.10.2022. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 12,38. Усл. печ. л. 11,51. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 1999-9917

22303

